ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ

ДО ГРАФА ПРОТАСОВА.

Воспоминанія.

Въ концѣ пятидесятыхъ и въ большей части шестидесятыхъ годовъ наша литература усиленно нападала на духовно-учебныя заведенія, описывая вкоренившіеся въ нихъ недостатки и злоупотребленія. Изъ всѣхъ статей, статеекъ, разсуждавшихъ такъ или иначе объ этомъ предметѣ, можно бы составить порядочную коллекцію книгъ. Но почему-то литература, такъ безпощадно бичевавшая семинаріи и низшія училища, касалась духовныхъ академій небольшими статейками и легкими замѣтками; подробнаго же, сколько-нибудь обстоятельнаго описанія ихъ внутренней жизни не было. Между тѣмъ академіи слѣдовало бы поставить на первомъ планѣ, потому что въ нихъ получали воспитаніе и извѣстнаго рода настроеніе тѣ люди, которые были единственными дѣятелями въ семинаріяхъ, и кромѣ того непосредственно или посредственно имѣли вліяніе на низшія духовныя училища. Теперь духовныя академіи уже преобразованы; прежнимъ ихъ порядкамъ *пропыта*, такъ сказать, *вѣчная память*, и онѣ обратились въ «дѣла минувшихъ дней, преданье старины глубокой»,— такъ непохожъ нынѣшній ихъ порядокъ на порядки недавно минувшіе. Но послѣ смерти людей пишутся не одни некрологи,

а и біографіи ихъ. Почему же не сдѣлать того же самаго относительно духовныхъ академій? За полную ихъ біографію я не берусь; но отрывки изъ нея не только хоть отчасти прояснятъ главнѣйшія причины того безотраднаго положенія, въ которомъ такъ недавно находились среднія и низшія духовно-учебныя заведенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, укажутъ на то, чего слѣдуетъ избѣгать, чтобы преобразованныя академіи мало-по-малу не обратились, какъ говорится, вспять. Въ этой статьѣ описывается петербургская духовная академія въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась въ десятилѣтній почти періодъ времени, предшествовавшій оберъ-прокурорству графа Протасова; но по мѣстамъ придется дѣлать указанія и на другія времена, и на прочія академіи.

I.

Чѣмъ были духовныя академіи въ прежнія времена?

Если бы принято было называть учебныя заведенія по тому сословію, къ которому принадлежатъ ихъ начальники, то духовныя академіи въ описываемое мною время слѣдовало бы величать *монашескими училищами*. Хотя на основаніи устава ректорами въ нихъ могли быть лица не одного чернаго, но и бѣлаго духовенства, впрочемъ на самомъ дѣлѣ съ 1808-го до 1862-го г. во всѣхъ академіяхъ ректорствовали одни монахи. Если бы іерархамъ, особенно тѣмъ, которые управляли духовно-учебными заведеніями въ царствованіе императора Николая, кто-нибудь вздумалъ сказать, что вотъ-де хорошо было бы въ такую-то духовную академію назначить ректоромъ такого-то заслуженнаго, ученаго и опытнаго протоіерея, то, можетъ быть, его не сочли еретикомъ, но заподозрили бы въ вольнодумствѣ. Въ петербургской, московской и кіевской духовныхъ академіяхъ очень долго (по 20—35-ти лѣтъ) состояли на службѣ профессорами протоіереи Павскій, Кочетовъ, Голубинскій, Делицынъ и Скворцовъ, а между тѣмъ никто и *не зашкался* о томъ, чтобы кого-нибудь изъ нихъ сдѣлать ректоромъ академіи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ Делицынъ. Онъ служилъ въ московской духовной академіи наставникомъ 45 лѣтъ, пользовался славою не только хорошаго профессора, но и дѣлового, ученаго человѣка, а между тѣмъ имѣлъ начальниками семь своихъ академическихъ учениковъ. Изъ нихъ архимандриты Сергій Ляпидевскій и Савва Тихомировъ

были еще младенцами, когда Делицынъ уже занималъ должность ординарнаго профессора академіи. Даже рѣшившись, въ 1863-мъ г., опредѣлить ректоромъ академіи не-монаха, избрали, такъ сказать, полумонаха, т.-е. протоіерея, не вступавшаго въ бракъ; прямо шагнуть не осмѣлились,—сдѣлали нѣчто въ родѣ половины шага, и остановились пока на лицѣ, которое составляетъ нѣчто въ родѣ перехода отъ монаха къ женатому священнику, отъ чернаго къ бѣлому духовенству.

Относительно инспекторовъ академіи прежній уставъ былъ очень либералепъ; онъ дозволялъ избирать ихъ даже изъ свѣтскихъ наставниковъ; но несмотря на это, до конца шестидесятыхъ годовъ инспекторствовали только монахи. Замѣчательнѣе всего въ этомъ случаѣ было то обстоятельство, что даже временное, па нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, исправленіе должности инспекторской поручали какому-либо баккалавру-монаху, едва кончившему курсъ, но никакъ не свѣтскому профессору; точно какъ будто боялись, какъ бы не осквернить должности прикосновеніемъ къ ней мірянина. Только въ 1842-мъ г. петербургская духовная академія какимъ-то образомъ на нѣсколько мѣсяцевъ поручила исправленіе инспекторской должности свѣтскому профессору. Но когда онъ въ первый разъ явился къ митрополиту Серафиму съ рапортомъ о благосостояніи академіи, то старецъ не могъ скрыть своего изумленія. На вопросъ митрополита: — Что вы скажете? профессоръ началъ на словахъ рапортовать:—*Честь имѣю донести* и пр.—«Что...о...о?» отвѣтилъ митрополитъ, и услышавъ вновь рапортъ, сказалъ: «Да вы кто таковы?»—«Исправляющій должность инспектора академіи...»—«Какъ? Исправляющій должность инспектора академіи?! Вѣдь инспекторы въ академіи всегда монахи, а вы-то что?—«Я не инспекторъ, а только исправляющій должность...»—«Да вѣдь это все равно; вѣдь все-таки вы теперь инспекторъ. Какъ же это такъ? Вѣдь инспекторы все были монахи.»—«Ваше в—во, исправленіе инспекторской должности поручено мнѣ съ вашего соизволенія». Вспомнилъ ли тутъ митрополитъ о томъ, что самъ далъ это соизволеніе, или нашелъ достаточнымъ намекъ на отступленіе отъ утвердившагося обычая, только сказалъ: «да, да;—такъ что же вы говорите?» И послѣ, пока профессоръ исправлялъ должность инспектора, старецъ не одинъ разъ заводилъ разговоръ въ томъ же тонѣ: такъ крѣпко въ немъ утвердилось убѣжденіе, что инспекторскую должность даже на короткое время слѣдуетъ поручать только однимъ монашествующимъ лицамъ!

Наконецъ, третьимъ членомъ внутренняго правленія академіи былъ еще экономъ, неимѣвшій никакого вліянія на управленіе

ею. На эту должность уже, кажется, вовсе не кстати опредѣлять монаха. Даже священнику не во всѣхъ случаяхъ удобно исполнять ее. А между тѣмъ почти всегда академическіе экономы были непремѣнно изъ монашествующихъ лицъ; только петербургская академія въ этомъ случаѣ издавна либеральничала. Итакъ, по всей справедливости духовныя академіи по отношенію къ ихъ начальству могли называться *монашескими* учебными заведеніями.

Но еще съ большею справедливостію ихъ слѣдовало бы назвать *ректорскими*. Конечно, по уставу ректоръ не былъ неограниченнымъ, единственнымъ начальникомъ академіи; въ ней были два правленія: — *внутреннее*, завѣдывавшее дѣлами самой академіи, и *внѣшнее*, управлявшее извѣстнымъ числомъ семинарій, и кромѣ нихъ еще *конференція*. Въ первомъ числилось три члена, во второмъ не менѣе четырехъ, а въ третьей даже до шестнадцати, и всѣ дѣла должны были рѣшаться въ нихъ по большинству голосовъ; ректоръ имѣлъ два голоса только въ случаѣ равенства голосовъ. Но на самомъ дѣлѣ этого почти не было. Засѣданія существовали только на бумагѣ; обыкновенно секретарь являлся къ ректору съ дѣлами и получалъ отъ него приказъ или наставленіе, какъ рѣшать ихъ; затѣмъ составлялись журналы и для подписи разсылались членамъ по квартирамъ, или приносились имъ въ классъ во время лекцій; а иногда безъ церемоніи гг. члены приглашались въ правленіе, гдѣ имъ и предлагали подписаться подъ статьями журналовъ, касавшихся дѣлъ, о которыхъ они никогда не разсуждали, а часто и не слыхали. Разумѣется, ректору нельзя было не посовѣтоваться съ инспекторомъ и экономомъ по дѣламъ, относящимся къ ихъ должностямъ. Но это зависѣло отъ доброй воли его; онъ могъ, если имѣлъ смѣлость, дѣлать и тутъ все, что ему вздумается. Во внутреннемъ правленіи засѣданія бывали для однихъ торговъ на какіе-либо матеріалы или съѣстные припасы, нужные для академіи. Даже конференція собиралась почти только для составленія разрядныхъ списковъ при окончаніи двухгодичнаго курса. Какъ же послѣ этого не назвать прежнихъ духовныхъ академій *ректорскими* или, полнѣе, *монашески-ректорскими* учебными заведеніями? Вотъ почему и я не могу начать описанія петербургской духовной академіи безъ того, чтобы не сказать о личности ректоровъ, управлявшихъ ею въ послѣднее десятилѣтіе предъ назначеніемъ графа Протасова оберъ-прокуроромъ св. синода. Это были: *Іоаннъ Доброзраковъ*, *Смарагдъ Крыжановскій*, *Венедиктъ Григоровичъ* и *Виталій Щепетевъ*.

II.

Четыре ректора, управлявшіе петербургской духовной академіей съ 1826-го по 1836-й годъ.

Несмотря на то, что четыре ректора различались между собою по характеру и взгляду на свою должность, у нихъ была одна слабость, впрочемъ общая всѣмъ тогдашнимъ ректорамъ не только академій, но и семинарій. Каждый изъ нихъ получалъ такое жалованье, которое при тогдашнихъ цѣнахъ на жизненные припасы, при казенныхъ квартирѣ, отопленіи и экипажѣ, не могло считаться недостаточнымъ даже для семейнаго человѣка. Затѣмъ, развѣ рѣдкій изъ нихъ не былъ настоятелемъ монастыря, по большей части богатаго. Прибавьте къ этому, что всѣ отцы-ректоры были люди не-семейные, давшіе обѣтъ нищеты. Кажется, вовсе нельзя предполагать, чтобы они, такъ хорошо обезпеченные, не могли защитить себя отъ слабости—усиливать свои финансовыя средства. А между тѣмъ никто изъ нихъ, кромѣ развѣ ничтожныхъ исключеній, не умѣлъ побѣдить въ себѣ эту слабость. Даже ректоры петербургской духовной академіи, получавшіе всего до 10.000 руб. ассигн. жалованья и доходовъ отъ редакціи журнала «Христіанское чтеніе», были ей наравнѣ съ прочими подвержены; надобно думать, что слабость или, лучше, болѣзнь эта по своей заразительности была опаснѣе чумы и холеры.

Отцы-ректоры очень хорошо знали, что настоятели монастырей имѣютъ право пользоваться отъ нихъ даровыми содержаніемъ, освѣщеніемъ и прислугою. Почему же духовныхъ академій и семинарій не представить себѣ чѣмъ-то въ родѣ иноческихъ обителей и не пожелать, чтобы начальство ихъ получало отъ нихъ тѣ же хозяйственныя облегченія, какія имѣютъ настоятели монастырей? Вслѣдствіе такого рода разсужденій экономъ обязывался выдавать изъ казенныхъ денегъ жалованье всей ректорской прислугѣ; повара отправлялись въ кладовыя съ съѣстными припасами для воспитанниковъ и оттуда брали *рукою-владыкой* все, что̀ находили нужнымъ для стола своихъ господъ. Разумѣется, что если у ректора были два-три племянника, или братца, если поваръ хотѣлъ помочь *своимъ присным*ъ чѣмъ-либо изъ казенныхъ припасовъ, то кладовая не имѣла права входить въ какіе-либо придирчивые и мелочные разсчеты. Догадливые люди умѣли даже, *при сей вѣрной оказіи*, обнаруживать свои экономическіе таланты. Такъ, напр., уже въ шестидесятыхъ годахъ, когда начальникъ одной изъ подмосковныхъ семинарій отправился на чреду въ

Петербургъ, то въ его комнатахъ найдено было нѣсколько пудовъ стеариновыхъ свѣчъ, уэкономленныхъ имъ изъ числа тѣхъ, которыя экономъ доставлялъ ему, по его же распоряженію, на счетъ казны.

И петербургская духовная академія, особенно въ началѣ описываемаго мною времени, не успѣла освободиться отъ подчиненія этимъ преданіямъ старины. Для ректора было напимаемо казенныхъ служителей по 2 — 3 человѣка, а изъ припасовъ мука и крупа разныхъ наименованій, масло, хлѣбъ и пр. отпускались изъ кладовой, сколько требовалось по соображенію повара. Нельзя было отказать въ такой же щедрости и другимъ лицамъ. Инспекторъ тоже имѣлъ двухъ человѣкъ казенной прислуги, даже у секретаря былъ одинъ служитель. Относительно же съѣстныхъ припасовъ дѣло мало-по-малу дошло до того, что ими даромъ пользовались даже холостые наставники, жившіе въ академическомъ корпусѣ. Расходы эти, можетъ быть, дошли бы Богъ-знаетъ до какихъ размѣровъ, если-бы въ 1829-мъ году экономъ іеромонахъ Геннадій не положилъ конца такому безцеремонному участію въ тратѣ казенныхъ припасовъ лицами, которыя обязаны были содержать себя на свой счетъ. Онъ настоялъ на томъ, чтобы даже самъ ректоръ платилъ за все, что отпускалось изъ студенческой кладовой для его стола. Но прислуга ректора и инспектора еще долго получала жалованье и содержаніе изъ академическихъ суммъ и запасовъ; уже при оберъ-прокурорѣ графѣ Протасовѣ кое-какъ ректоры и инспекторы *вынуждены были* нанимать и содержать прислугу на свой собственный счетъ. Къ числу нормальныхъ припадковъ описываемой мною слабости принадлежалъ также обычай угощать, во время экзаменовъ и при другихъ нѣкоторыхъ случаяхъ, гостей на казенный счетъ, но объ этомъ скажу я ниже. А теперь займусь спеціально характеристикою однихъ ректоровъ, начиная ее въ хронологическомъ порядкѣ съ Доброзракова.

Природа создала его для семейной, притомъ свѣтской жизни. Онъ имѣлъ живой, веселый, общительный характеръ, любилъ пошутить, поострить, даже *побалагурить*; шутки его были остроумны и большею частію весьма забавны, такъ что отъ нихъ смѣялся даже и тотъ, кого онѣ касались. Но если разговоръ шелъ о нелюбимомъ имъ человѣкѣ, котораго между тѣмъ при немъ превозносили до небесъ, то онъ тутъ не выдерживалъ себя и высказывалъ очень злыя остроты. Такъ, однажды на оффиціальномъ большомъ обѣдѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, когда какое-то свѣтское лицо принялось уже слишкомъ расхваливать московскаго митрополита Филарета (Дроздова), между прочимъ за его

постническую жизнь, то Доброзраковъ, бывшій въ то время уже епископомъ, вслухъ всѣхъ сказалъ, намекая на его строгость: «да, преосвященный митрополитъ дѣйствительно за обѣдомъ довольствуется однимъ пискарикомъ; только потомъ всегда закусываетъ попомъ или дьякономъ». Далѣе, Доброзраковъ былъ необыкновенно ловокъ и развязенъ въ обращеніи съ людьми, отличный и неутомимый говорунъ, любилъ сидѣть и за зеленымъ столомъ, поиграть въ тогдашнюю модную игру, — въ бостонъ, поодушевить бесѣду хорошимъ виномъ, а въ пріятельскомъ кругу позволялъ себѣ и болѣе смѣлыя отступленія. Въ своей квартирѣ онъ былъ хлѣбосоломъ до расточительности; уйти отъ него съ веселой пирушки *не на-веселѣ* было почти невозможно; это позволялось только одному протоіерею Павскому, котораго онъ уважалъ. Словомъ, это былъ весельчакъ, русскій *душа-человѣкъ*, французскій bon-vivant, хотѣлъ и умѣлъ *пожуировать*, насладиться жизнію и увлечь за собою тѣхъ, кто съ нимъ сближался. И во всемъ этомъ не было ничего тривіальнаго, такъ какъ природа снабдила его умомъ гибкимъ, оборотливымъ, и самъ онъ обогатилъ себя основательными и разнообразными свѣдѣніями. Прибавьте къ этому, что онъ былъ врагъ всякаго чванства и тщеславія, привѣтливъ, снисходителенъ, даже любезенъ; съ кѣмъ, онъ успѣвалъ поговорить, тому трудно было на него сердиться. Можетъ быть, подъ старость онъ нѣсколько измѣнился, но я описываю его, чѣмъ онъ былъ въ молодыхъ и среднихъ годахъ.

Этотъ веселый человѣкъ, при окончаніи академическаго курса, былъ еще не Іоанномъ, а Михаиломъ Доброзраковымъ, и занималъ въ окончательномъ спискѣ № XI, не оставленъ при академіи баккалавромъ, а посланъ профессоромъ въ черниговскую семинарію. По всей вѣроятности, ему бы пришлось всю жизнь оставаться Михаиломъ Доброзраковымъ, если бы въ то время и даже послѣ того не было обыкновенія вызывать въ академію на баккалаврскія мѣста тѣхъ магистровъ, о желаніи которыхъ поступить въ монашество доходили извѣстія до ректора ея. При этомъ извѣстіи новый претендентъ на иноческую жизнь почему-то дѣлался вдругъ достойнымъ мѣста академическаго наставника. Доброзраковъ стоилъ этого мѣста и при окончаніи курса, но, по преданію, не получилъ его и запялъ въ спискѣ № XI, потому что его разбитной характеръ не подходилъ подъ господствовавшій тогда аскетическій топъ въ академіи. Наскучивъ жить съ хохлами и не видя ничего привлекательнаго въ семинарской службѣ, Доброзраковъ въ 1819-мъ году воспользовался упомянутымъ случаемъ поступить въ академическіе наставники

и, какъ пишетъ г. Чистовичъ въ своей исторіи петербургской духовной академіи, вскорѣ затѣмъ постриженъ въ монашество и именованъ Іоанномъ. Умственныя его свѣдѣнія, умѣнье излагать ихъ съ наставнической каѳедры, ловкость въ обращеніи и нѣкоторая сдержанность въ поведеніи скоро подвинули его впередъ. Въ 1821-мъ году онъ былъ опредѣленъ инспекторомъ академіи, въ концѣ 1824-го года ректоромъ петербургской семинаріи, а въ началѣ 1826-го года уже и ректоромъ петербургской духовной академіи.

Любя свободу въ жизни и въ мысляхъ, Доброзраковъ и на послѣдней должности не любилъ слишкомъ много обременять себя административными заботами, но вмѣстѣ съ тѣмъ не стѣснялъ ни наставниковъ, ни студентовъ; только бы не было очень рѣзкихъ отступленій отъ заведенныхъ порядковъ. Никакъ безусловно не одобряя такого образа дѣйствій, я скажу впрочемъ, что онъ при тогдашнемъ положеніи академіи принесъ немаловажную пользу. До Доброзракова академія, находясь подъ суровымъ аскетическимъ и монашески-деспотическимъ управленіемъ Филарета Дроздова и Григорія Постникова, начала-было принимать видъ какой-то полукиновіи. Монашествующимъ студентамъ отдавалось явное предпочтеніе предъ немонашествующими; большинство первыхъ выпускалось магистрами, или старшими кандидатами. Но при Доброзраковѣ это измѣнилось; напр., въ VII-мъ курсѣ магистровъ-монаховъ было четверо, или, лучше, трое, потому что Платонъ Городецкій поступилъ въ монашество спустя почти три года по окончаніи академическаго курса. Напротивъ, цѣлыхъ пять монаховъ явилось въ числѣ младшихъ кандидатовъ, а двое даже въ числѣ студентовъ (одинъ, впрочемъ, Іеремія Соловьевъ по собственному желанію). Отъ этого въ слѣдующемъ VIII-мъ курсѣ монашествующихъ студентовъ оказалось только три человѣка, но одинъ изъ нихъ и въ академію поступилъ монахомъ, а другой надѣлъ черную рясу, потому что захотѣлъ ѣхать въ Пекинъ въ составѣ нашей духовной миссіи.

Доброзракову, какъ ректору, нельзя было совсѣмъ не убѣждать студентовъ поступать въ монашество; иначе грозило неблаговоленіе высшихъ монашескихъ властей; но убѣжденія его въ этомъ случаѣ отличались оригинальностію. О спасеніи души, о высотѣ *ангельскаго чина* не было и помину. Полушутливымъ, полусерьезнымъ тономъ говорилось о выгодахъ быть ученымъ монахомъ;— «вѣдь скоро сдѣлаетесь инспекторомъ, ректоромъ, архіерсемъ; житье будетъ славное, не то, что̀ въ попахъ или въ наставникахъ семинарій». Не инспекторствуй тогда въ академіи Иннокентій Борисовъ, она, такъ сказать, *обезмонашествовала бы*.

Не принуждая студентовъ къ монашеству, Доброзраковъ былъ къ нимъ нисколько непридирчивъ, а очень снисходителенъ, чутьчуть не потачливъ. Разумѣется, что нельзя же было не дѣлатиногда взысканій, когда того настоятельно требовалъ инспекторъ; иначе, можетъ быть, пришлось бы, по пословицѣ, изъ академіи *всѣхъ святыхъ унести*. Было нѣсколько случаевъ, когда онъ самъ замѣчалъ какую-либо неисправность студента. Пожуривши его немного, онъ заключалъ свою рѣчь словами: «да смотрите, чтобы инспекторъ не узналъ о томъ»;—или: «смотрите, не показывайтесь инспектору». Однажды Иннокентій Борисовъ очень много жаловался на студентовъ. «Ну вотъ хорошо, отвѣчалъ ему Доброзракоъ; вотъ вы поѣдете на ревизію въ семинаріи; я самъ буду смотрѣть за ними». И дѣйствительно, по отъѣздѣ Борисова онъ призвалъ къ себѣ комнатныхъ старшихъ и сказалъ имъ, чтобы студенты вели себя какъ можно исправнѣе; онъ-де самъ будетъ смотрѣть за ними. Но студенты знали уже, какъ онъ смотритъ, и въ первый воскресный день почти всѣ ушли въ городъ. Доброзраковъ пошелъ на прогулку около той части дома, гдѣ помѣщались студенты; разумѣется, тишина тамъ была примѣрная. «Ну вотъ, инспекторъ вѣчно жалуется на студентовъ; я самъ ходилъ около ихъ комнатъ болѣе часу; такая у нихъ тишина, что какъ будто дома никого нѣтъ!»

Наконецъ и наставники при Доброзраковѣ могли вздохнуть по-свободнѣе. Ректоры Филаретъ Дроздовъ и Григорій Постниковъ старались подчинить, особенно холостяковъ, жившихъ въ академическомъ домѣ, почти той же самой дисциплинѣ, которой держались относительно студентовъ. Объ этомъ можно судить по слѣдующему разсказу, который мнѣ не разъ удавалось слышать отъ покойнаго профессора академіи и протоіерея Иванова, человѣка, какъ увидимъ ниже, вовсе неговорливаго. Слушая жалобы молодыхъ академическихъ наставниковъ на ректоровъ, покойникъ съ кроткою улыбкою говаривалъ: «жалуетесь вы на нынѣшнія времена! попробовали бы пожить при Филаретѣ и Григоріѣ; тогда бы перестали жаловаться. Отъ насъ, напр., требовали, чтобы мы непремѣнно въ воскресные и праздничные дни были у всенощной и у обѣдни вмѣстѣ съ студентами. Всенощную тогда служили въ академическомъ залѣ. Тутъ ректоръ обыкновенно становился у стѣны близъ вхожей двери сзади всѣхъ, а мы, баккалавры, впереди его выстраивались въ одну линію. Такимъ образомъ, находясь предъ глазами его, мы не только не могли не придти въ залу, но и должны были показывать, что молимся Богу; иначе грозилъ выговоръ. Особенно доставалось намъ въ Духовъ день, когда всенощную служили въ шесть часовъ утра.

Мы чуть не всю ночь предъ этимъ проводили въ гостяхъ; но, несмотря на то, являлись въ залу и выстраивались впереди ректора; за то тутъ-то особенно и отличались своимъ богомольемъ: чтобы прогнать дремоту, которая насъ мучила, мы дѣлали частые поясные поклоны».

Равнымъ образомъ при Доброзраковѣ наставники позволяли себѣ говорить лекціи, не опасаясь, что имъ тотчасъ *зажмутъ ротъ* за всякое слово, которое можно заподозрить въ либерализмѣ. Если бы Иннокентій Борисовъ служилъ въ петербургской духовной академіи при другомъ какомъ-либо ректорѣ, то ему бы не удалось говорить тѣ воодушевленныя и увлекательныя лекціи, которыми онъ отличался въ петербургской духовной академіи. Вообще надобно сказать, что съ ректорства Доброзракова эта академія приняла тотъ свободный, или полусвободный оттѣнокъ, который въ ней замѣчали.

Но веселый, разбитной и безпечный характеръ Доброзракова имѣлъ дурное вліяніе на хозяйственное управленіе академіи. Почтенный отецъ-ректоръ не то, что былъ человѣкомъ злымъ и корыстолюбивымъ, который по предначертанному плану намѣренно изнуряетъ студентовъ дурною пищею и часть денегъ, назначенныхъ на ихъ содержаніе, прибираетъ къ своимъ рукамъ — такія мысли не приходили ему въ голову; напротивъ, онъ былъ даже добрый человѣкъ и при случаѣ помогалъ студентамъ, давая имъ деньги *въ долгъ*, какъ говорится, *безъ отдачи*. За то, съ другой стороны, онъ не любилъ встрѣчать препятствія при удовлетвореніи своей наклонности къ самому расточительному и неразсчетливому образу жизни. Въ случаѣ такихъ препятствій когда своихъ средствъ недоставало, онъ обращался къ эконому, по пословицѣ: *вынь да положь деньги*, а тамъ самъ умѣй добывать ихъ безъ убытка себѣ.

Если представить себѣ, что экопому приходилось быть для своего начальника поставщикомъ не однихъ питій, но и всякихъ *снѣдей*, то рождается естественно вопросъ: откуда же эконому надобно было брать деньги для покрытія всѣхъ такихъ расходовъ, не входившихъ въ академическій бюджетъ? Опытные, *обстрѣленные* уже экономы знали, какъ дѣйствовать въ такихъ случаяхъ и не безпокоили своего начальника неумѣстными вопросами: *откуда взять деньги?* Но мой знакомый экономъ сначала оказался недогадливымъ и назойливымъ. Истративши уже не одну сотню рублей на разныя разности, которыя не слѣдовало записывать въ расходную книгу, онъ рѣшился сказать своему начальнику, что у него нѣтъ болѣе денегъ на такіе расходы. «Какъ? весело возразилъ начальникъ: *денегъ нѣтъ!*

денегъ нѣтъ! денегъ нѣтъ! Ну, экономъ, я думалъ, что ты парень умный; теперь вижу, что надобно поучить тебя уму-разуму. Есть ли у тебя знакомый кровельщикъ?» спросилъ онъ вдругъ экопома и, получивъ положительный отвѣтъ, сказалъ: «ну такъ вели ему прислать человѣкъ десять работниковъ съ молотками и разными инструментами. Пусть они стучатъ дней пять на кровлѣ и никому не даютъ покоя. А потомъ и подай записку о томъ, что, по случаю внезапно открывшейся течи, ты хозяйственнымъ образомъ поспѣшилъ исправить крышу и просишь выдать деньги кровельщику за работу, а купцу за желѣзо, гвозди, проволоку и пр. Вотъ тебѣ и деньги!» Все это было сказано полушутя, полусерьезно: понимай какъ хочешь!

Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что, безъ починки крыши, добываніе денегъ не могло не отзываться на студентческихъ желудкахъ. Доброзраковъ, повторяю, не былъ однако злымъ человѣкомъ и, будь лишнія деньги, позволилъ бы кормить студентовъ *до отвалу*, какъ говорится; даже, пожалуй, поподчивалъ бы ихъ хоть шампанскимъ. Но къ несчастью онъ ставилъ свои, даже прихотливыя, потребности выше скромныхъ требованій студентческихъ желудковъ; а казенныхъ денегъ на всѣ потребности, и требованія, недоставало, и потому пища у студентовъ, какъ увидимъ ниже, была очень неудовлетворительна, особенно въ постные дни. Но и относительно этого предмета Доброзраковъ иногда любилъ разыгрывать драматическія сцены, которыя впрочемъ отзывались уже вовсе негуманнымъ взглядомъ на нужды своихъ подчиненныхъ. Одинъ изъ студентовъ, называвшійся дежурнымъ старшимъ, долженъ былъ являться вечеромъ, послѣ ужина, къ ректору и докладывать ему не только о томъ, что *все хорошо*, но и о томъ, что есть кое-что дурное. Доброзраковъ, услышавъ, что пища «хороша», съ милою улыбкой говорилъ: *«да, я знаю; тамъ все хорошо; ступайте съ Богомъ; спасибо вамъ!»* Но если старшему припадала охота назвать пищу дурною, тогда начальникъ любилъ помѣщать свою особу на диванъ и подзывать къ себѣ любимца своего — кота-Ваську. Расположившись на диванѣ, онъ спрашивалъ старшаго: «Вы говорите, что пища дурна?» —Такъ точно, ваше в—діе. — «А чѣмъ же она дурна?» Выслушавши отвѣтъ на послѣдній вопросъ, начальникъ говорилъ даже, пожалуй, съ оттѣнкомъ чего-то похожаго на неудовольствіе: «Неправда! пищу нельзя назвать дурною».—Помилуйте, горячо вступался за себя старшій, какъ нельзя назвать ее дурною? Выслушайте Бога ради!—и опять начиналось описаніе ея незавидныхъ качествъ. Но начальникъ повторялъ свое: *неправда* и пр. Старшему, разумѣется, оставалось молчать. «Ну

что же вы стоите и молчите?» — Помилуйте, я все сказалъ. Тогда Доброзраковъ начиналъ говорить: «Развѣ пища дурна? она просто скверная; ее ѣсть, я думаю, нельзя; вотъ какъ-то поваръ мой далъ вашъ супъ Васькѣ, такъ и Васька *зафыркалъ*, но не сталъ кричать и жаловаться; ступайте, не умѣете съ толкомъ рапортовать; вѣрно студенты просили сказать всю правду; да и самъ я того же желаю. Ступайте, я скажу эконому». Но, разумѣется, шутка осталась шуткой, и все шло по прежнему.

Преемникомъ Доброзракова по ректорству былъ Смарагдъ Крыжановскій. Въ физіономіи его замѣчалось что-то не русское: черные, *какъ смоль*, волосы, искрящіеся глаза, отсутствіе скуловатости на лицѣ, дѣлали его похожимъ на азіатца, но не монгольской расы. Ему самому приписывали даже слѣдующія слова: «*дѣдъ мой былъ еврей, отецъ іерей, а я архіерей*». Но это несправедливо; онъ такихъ словъ не говорилъ, да и не имѣлъ ни въ физіономіи, ни въ характерѣ ничего еврейскаго, кромѣ развѣ страсти къ обогащенію. Скорѣе его можно счесть потомкомъ цыгана, молдована, или даже турка, но никакъ не еврея. Характеръ онъ имѣлъ чрезвычайно горячій и вспыльчивый; будучи раздраженъ чѣмъ-нибудь, онъ выходилъ изъ себя и уже въ санѣ архіерея давалъ, по поговоркѣ, *волю своимъ рукамъ;* по во время службы доставалось главнымъ образомъ діакопамъ и иподіакопамъ. Въ комнатахъ же попадало даже священникамъ и протоіереямъ. А раздражить его было нетрудно; напр., онъ очень дорожилъ своею іерархическою честью; санъ архіерея чуть ли не ставилъ выше всего на землѣ. Немного было людей, которые бы такъ высоко думали о своемъ умѣ, своей учености и даже о своихъ нравственныхъ качествахъ, какъ онъ. По смерти митрополитовъ петербургскихъ Никанора и Григорія и кіевскаго Филарета онъ считалъ себя чуть ли не единственнымъ, достойнымъ ихъ преемникомъ. Ничѣмъ ему нельзя было угодить, какъ на вопросъ его: что вы думаете о новомъ петербургскомъ или кіевскомъ митрополитѣ? отвѣчать: — Есть, кажется, преосвященные болѣе достойные и заслуженные. «Да, да, съ какимъ-то особеннымъ пафосомъ онъ приговаривалъ; есть именно и достойнѣе и заслуженнѣе.» Разумѣется, что этотъ достойнѣйшій и заслуженнѣйшій есть онъ самъ, Смарагдъ Крыжановскій. И всякій дѣлался почти личнымъ врагомъ его, если своими поступками или словами подалъ поводъ думать, что онъ сомнѣвается въ умѣ, или его учености, или въ преимущественной важности архіерейскаго сана. Съ людьми, съ которыми нечего было церемониться, онъ тотчасъ разсчитывался словомъ или дѣломъ. А если кто-нибудь былъ недоступенъ для того или другого средства, о томъ при

всякомъ напоминаніи отзывался самымъ злымъ образомъ. Тутъ не было никому пощады. Когда-то давно московскій митрополитъ Филаретъ укололъ его какимъ-то мѣткимъ своимъ сарказмомъ. И Крыжановскій до самой смерти не забылъ этой обиды. Какъ бы онъ ни былъ неразговорчивъ въ данную минуту, но стоило только сказать что-либо лестное о Филаретѣ, какъ неразговорчивость его тотчасъ пропадала, — и уже *слушай* только *дуброва, что̀ вьтеръ шумитъ*.

Задолго еще до смерти Крыжановскаго составилось общее убѣжденіе о немъ, какъ о человѣкѣ, котораго никакъ нельзя было назвать безсребренникомъ. Еще въ Орлѣ въ честь его былъ написанъ акаѳистъ, въ которомъ припѣвъ состоялъ изъ словъ: *радуйся, Смарагде сребролюбче!* По смерти его осталось громадное состояніе въ денежныхъ капиталахъ (болѣе 150.000 руб.) и въ огромномъ количествѣ разнообразнѣйшихъ болѣе или менѣе дорогихъ вещей и кусковъ матерій. Притомъ справедливо думали, что это была только часть его капиталовъ, а другая *прибрана къ рукамъ добрыми людьми*; потому что вклады денегъ въ опекунскій совѣтъ, судя по билетамъ, были сдѣланы въ промежутокъ 1840—1856 года; тогда какъ онъ и до 1840-го года и послѣ 1856-го года имѣлъ возможность уэкономливать очень большія суммы.

Но его нельзя было назвать скрягою, который бережетъ деньги для денегъ же; онъ ихъ собиралъ для того, чтобы жить съ комфортомъ и приберечь себѣ на старость, когда бы пришлось, можетъ быть, заканчивать свою жизнь въ какомъ-либо монастырѣ. Онъ былъ настоящій гастрономъ; столъ его и вина не могли не понравиться самому прихотливому вкусу свѣтскаго человѣка. Послѣ его смерти найдено было множество выписанныхъ имъ изъ Москвы съѣстныхъ запасовъ, которыхъ употребленіе не разрѣшается для монашествующей братіи. Впрочемъ онъ даже не очень считалъ себя монахомъ, и въ разговорахъ объ этомъ предметѣ высказывалъ любимую имъ мысль: «Я вовсе не монахъ, я архіерей, администраторъ».

Не очень строгимъ онъ былъ и въ другихъ отношеніяхъ; напр., въ послѣдніе годы своей жизни не находилъ нужнымъ бесѣдовать съ своимъ духовникомъ, какъ того требуютъ церковныя правила не только отъ духовныхъ особъ, но и отъ мірянъ. Онъ и умеръ, неуспѣвъ исповѣдываться, хотя продолжительная болѣзнь видимо близила его къ могилѣ. И когда лечившіе его медики сочли за нужное сказать ему за нѣсколько часовъ до смерти, что не худо бы ему побесѣдовать съ духовникомъ, то онъ съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: «Не ваше это

дѣло; я архіерей; самъ знаю это; ваше дѣло лечить меня». Самое богослуженіе совершалъ онъ очень скоро; напр., въ крестовой церкви литургія, въ которой онъ самъ священнодѣйствовалъ и посвящалъ кого-либо въ священника или діакона, продолжалась иногда не болѣе $^3/_4$ часа. Въ соборѣ такъ скоро служить конечно было бы неприлично; но за то Крыжановскій велъ себя тутъ какъ-то ужъ слишкомъ просто, по домашнему; видно было, что онъ этимъ тяготился.

Относительно римскихъ папъ замѣчено, что ихъ жизнь раздѣляется на два періода. До папства, пока ищутъ *ключей Петровыхъ*, они стараются заявить себя скромными, смиренными, богобоязненными, но получивши ихъ въ руки, выпрямляются и отличаются такими качествами, которыя въ нихъ и подозрѣвать не было возможности. На Смарагдѣ Крыжановскомъ это почти вполнѣ оправдалось. Начерченная мною характеристика его прилагается только къ тому времени, когда онъ занималъ мѣсто епархіальнаго начальника; — *ключи Петровы* были уже въ его рукахъ. Конечно, въ немъ и во время ректорства въ петербургской духовной академіи натура его иногда выглядывала; напр., опасно было затрогивать его гордость и тщеславіе, его высокое мнѣніе о себѣ; тутъ онъ былъ мстителенъ и не забывалъ обидъ. Потомъ, горячность и вспыльчивость не оставляли его и тогда. Учившіеся при немъ въ петербургской академіи вѣроятно не забыли, какъ онъ въ первый день пасхи, узнавши о разныхъ безпорядкахъ между студентами, бѣгалъ по студенческимъ корридорамъ и комнатамъ, крича: *въ солдаты, въ солдаты его!* и пр. Такой грозный приговоръ онъ произносилъ студенту М—му, у котораго оказался небольшой запасъ водки ради праздника Христова. Но все-таки, какъ неистово онъ ни сердился, *рукамъ своимъ воли не давалъ;* накричитъ, бывало, пошумитъ, почти тѣмъ дѣло и кончится. Замѣчали, что онъ, успокоившись, дѣлался необыкновенно добрымъ и снисходительнымъ даже къ тому, кто вывелъ его изъ терпѣнія. Въ это время у него можно было выпросить то, на что въ совершенно спокойныя минуты ни за что бы онъ не согласился.

Далѣе, когда Крыжановскій ректорствовалъ въ петербургской духовной академіи, его не только обвинить, но и заподозрить въ корыстолюбіи не было возможности. Конечно, онъ пользовался даровою казенною прислугою; не прочь былъ и экзаменскій обѣдъ сдѣлать не на свой счетъ; но за этими исключеніями распоряжался казенными деньгами честнымъ и безкорыстнымъ образомъ. Тотчасъ послѣ своего пріѣзда онъ очень хорошо улучшилъ студенческую пищу, не побоялся въ этомъ случаѣ даже дѣйствовать противъ академическаго устава, приказавши за обѣдомъ готовить

вмѣсто двухъ три блюда. Онъ первый завелъ, чтобы въ каждый постный день студентамъ приготовлялось хоть одно блюдо изъ свѣжей рыбы. Повторяю, что онъ казенными деньгами распоряжался честно и безкорыстно; тогда тотъ припѣвъ: *радуйся, Смарагде сребролюбче* — вовсе къ нему не шелъ.

Потомъ въ академіи онъ показывалъ себя строгимъ исполнителемъ церковныхъ постановленій и обычаевъ. Онъ крайне обидѣлся, когда, при первомъ обзорѣ имъ студенческихъ компатъ, никто изъ студентовъ не счелъ нужнымъ подойти къ нему подъ благословеніе; такой поступокъ, основывавшійся впрочемъ на прежде заведенномъ порядкѣ, казался ему чѣмъ-то въ родѣ нечестія. Боже сохрани, если онъ замѣчалъ, что какой-либо студентъ въ постный день лакомился молокомъ или чѣмъ-либо другимъ скоромнымъ; отъ шума и крика тутъ не было спасенія. Съ другой стороны нельзя не сказать, что въ великій постъ онъ разрѣшилъ въ студенческой столовой употребленіе рыбной пищи, хотя это запрещено церковными постановленіями.

Но спеціальною своею задачей онъ считалъ истребленіе *якобы* появившагося между студентами *вольнодумства, неологизма, раціонализма, либерализма*. По мнѣнію тогдашнихъ ревнителей, Иннокентій Борисовъ своими лекціями уклонилъ студентовъ отъ православія; митрополитъ Серафимъ велѣлъ Крыжановскому особенно постараться обратить заблудшихъ овецъ на путь истинный. Смарагдъ, правду сказать, дѣйствовалъ усердно, но не очень толковито. Узнавши отъ кого-то, что неологизмъ, раціонализмъ и всякое вольнодумство заимствуются изъ нѣмецкихъ книгъ и ими поддерживаются, онъ на этомъ основаніи, завидѣвши у студента какую-либо нѣмецкую книгу, выходилъ уже изъ себя. Однажды вырвавши у студента нѣмецкую книгу, онъ бросилъ ее на полъ и тутъ уже сказалъ: «что это за гадость ты читалъ?» Студентъ отвѣчалъ: «это — новый завѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ». Смарагдъ не нашелся что-нибудь сказать и поскорѣе убрался изъ компаты. Тѣхъ студентовъ, которые слыли за либераловъ, неологовъ и раціоналистовъ, онъ неумолимо преслѣдовалъ, — *благовременнѣ и безвременнѣ*, кстати и некстати отпуская разныя шутки и остроты надъ ними. Объяснивши какой-либо текстъ по своему разумѣнію, онъ подходилъ къ либералу-студенту и уставивъ на него указательный палецъ, говорилъ: «Ну, а вотъ вашъ Розенмиллеръ не такъ объясняетъ это», и принимался хохотать. То же самое происходило, если дѣло шло о какомъ-либо догматѣ; только тогда Розенмиллера, знаменитаго толковника св. писанія, замѣнялъ Вашейдеръ, который издалъ

предъ тѣмъ временемъ очень хорошее богословіе въ раціоналистическомъ духѣ.

Несвободенъ былъ Крыжаповскій и отъ предразсудковъ, какъ показываютъ слѣдующіе случаи. Однажды, во время своей лекціи по св. писанію, онъ, замѣтивъ, что студентъ Г—скій читалъ какой-то романъ, разумѣется, пришелъ въ страшное негодованіе. «Господи! Господи! воскликнулъ онъ, ректоръ читаетъ лекціи по св. писанію, а онъ (т.-е. Г—скій) читаетъ романъ; на что это похоже?» Можно было опасаться, что виновный подвергнется строгому взысканію, но это былъ догадливый молодецъ. Явившись къ ректору во время его прогулки по саду, онъ сталъ извиняться въ своемъ проступкѣ тѣмъ, что тутъ дѣйствовалъ искуситель рода человѣческаго. «Да почему же ты такъ думаешь?» спросилъ ректоръ.—«Потому что я вовсе неохотникъ читать такой вздоръ, какъ романы, а нынѣ меня такъ и тянуло къ нимъ, точно какъ будто бы дѣйствовала какая-то невидимая сила»; и тутъ съ сердечнымъ вздохомъ прибавилъ: «виноватъ, я нынѣ утромъ позабылъ помолиться Богу; этимъ и воспользовался искуситель?» И плутоватый студентъ остался не наказаннымъ, хотя ректоръ очень не любилъ его. Въ другой разъ любимый ректоромъ баккалавръ-монахъ пожаловался, что студенты плохо отвѣчаютъ на репетиціяхъ. Крыжаповскій отправился самъ въ классъ на слѣдующую репетицію и былъ крайне раздраженъ какъ неудовлетворительными отвѣтами, такъ и тѣмъ, что одинъ студентъ, опредѣляя священство или бракъ, употребилъ слово: «обрядъ», а не «таинство». Крыжаповскій вышелъ изъ себя. Но вдругъ въ это время раздался сильнѣйшій ударъ грома. Ректоръ до такой степени испугался, что его сдѣлалось жаль, и многіе студенты не могли не улыбнуться. Собравшись съ духомъ, онъ явился кроткимъ агнцемъ и, сказавъ только: «Что̀ вы, господа, смѣетесь?» поскорѣе ушелъ изъ класса.

Не думаю, чтобы онъ въ религіозномъ отношеніи тогда притворялся; кажется, что именно говорилъ и дѣйствовалъ такъ, какъ, по его мнѣнію, требовала вѣра. Онъ точно считалъ себя апостоломъ, призваннымъ для спасенія академіи отъ неологизма и раціонализма; вѣрилъ, пожалуй, и въ то, что бѣсъ дѣйствительно соблазнилъ студента читать романъ во время лекціи по св. писанію и что при сильныхъ ударахъ грома никакъ не слѣдуетъ смѣяться. Такое мнѣніе свое я основываю на томъ, что кипучая, страстная, неугомонная его натура неспособна была лицемѣрить, не съумѣла бы носить маску. Религіозный, а можетъ быть, и нравственный его образъ мыслей измѣнился въ дальнѣйшей его жизни, когда *ключи Петровы* были найдены и при-

шлось познакомиться и съ жизнію, и съ людьми, и дойти до болѣе свободнаго взгляда на религіозные предметы, нежели даже неологизмъ и раціонализмъ.

Крыжановскаго по ректорству смѣнилъ Венедиктъ Григоровичъ. Менѣе церемоннаго человѣка, какъ онъ, нелегко было найти не только между монашествующими, но и между свѣтскими лицами. Терпѣть онъ не могъ низкихъ поклоновъ, подобострастныхъ привѣтствій и разныхъ титулизацій. Когда уже онъ сдѣлался викарнымъ епископомъ петербургской митрополіи, то новый лакей его при каждомъ разѣ, какъ нужно было о чемъ-либо, или о комъ-либо сказать, начиналъ свою рѣчь словами: «ваше преосвященство!» Новый владыка цѣлый день выслушивалъ этотъ титулъ. Но когда лакей и на слѣдующій день не хотѣлъ разстаться съ титуломъ, то Григоровичъ, выслушавши два раза «ваше преосвященство», наконецъ не вытерпѣлъ и, остановивъ лакея, сказалъ ему: «послушай, что у тебя за охота все говорить: ваше пр—во? А ты, когда утромъ въ первый разъ придешь ко мнѣ, скажи: ваше пр—во, да потомъ и тяни его уже на цѣлый день». Будучи же ректоромъ академіи и архимандритомъ, онъ еще менѣе любилъ титулы и церемоніи, слишкомъ даже неохотно благословлялъ тѣхъ, кому припадала охота подойти къ нему подъ благословеніе. Всякій студентъ, пришедшій къ нему или по его требованію, или по собственной нуждѣ, отправлялся безъ всякаго доклада по всѣмъ комнатамъ большой ректорской квартиры прямо въ кабинетъ своего начальника, который всегда сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, разспрашивалъ и выслушивалъ студента и по слову: *отходите-ка*, отпускалъ его. Сторонніе, даже почетныя лица, не зная подобной безцеремонности, иногда въ залѣ долго ожидали, когда-то имъ удастся увидѣть хозяина, потому что или не находили въ передней лакея, который бы доложилъ о нихъ, или не хотѣли идти прямо въ кабинетъ безъ доклада, когда лакей предлагалъ имъ это.

Этотъ безцеремонный человѣкъ постоянно былъ занятъ днемъ и ночью; въ ногахъ своихъ онъ менѣе нуждался, нежели въ креслахъ, стоявшихъ у его письменнаго стола; никогда почти не выходилъ прогуливаться; а если и случалось это, то на самое короткое время; по поступи его можно было замѣчать, что онъ хлопочетъ, какъ бы поскорѣе покончить свою прогулку, къ которой не привыкъ. Если приходили къ нему люди знакомые, то онъ поскорѣе какъ-нибудь отъ нихъ отдѣлывался. Самъ же почти ни къ кому не ѣздилъ кромѣ тѣхъ случаевъ, когда уже нельзя было не поѣхать. Даже у своихъ братьевъ, жившихъ въ Петербургѣ, не бывалъ по году и болѣе. Бывши уже викаріемъ,

Григоровичъ надѣлалъ тревогу по всей Александропевской лаврѣ. Ему были поручены какія-то спѣшныя и многосложныя дѣла. Не терпя никакихъ помощниковъ, самъ дѣлая всѣ справки въ законахъ, составляя начерно, а часто и переписывая набѣло бумаги, онъ, въ данномъ случаѣ, просидѣлъ за работою болѣе трехъ сутокъ, не спавши; повторяю: *около трехъ сутокъ, не спавши.* Кончилъ свои дѣла утромъ, часу въ восьмомъ, въ тотъ, впрочемъ, день, когда ему надобно было служить литургію. Утомленный трехсуточною работой, онъ рѣшился употребить на отдыхъ оставшіеся свободными часа два, прилегъ на постель, по строго приказалъ лакею разбудить себя при первомъ ударѣ колокола къ обѣднѣ. Но лакей, исполняя это приказаніе, никакъ не могъ добудиться своего господина, несмотря на всѣ самые безцеремонные пріемы, — перепугался и доложилъ намѣстнику лавры. Собрались люди авторитетные, будили, толкали, поднимали спавшаго, но онъ не пробуждался. Призвали доктора, который, къ счастію, былъ толковый человѣкъ. Знакомый съ натурой Григоровича и узнавши о трехсуточной работѣ его, онъ не сталъ прибѣгать ни къ какимъ лекарствамъ, посовѣтовалъ не безпокоить его, а только по временамъ переворачивать съ одного бока на другой. Труженикъ проспалъ болѣе сутокъ; надобно же было ему проснуться въ то время, какъ въ лаврѣ трезвонили къ обѣднѣ. Припомнивъ, что онъ приказывалъ разбудить себя при первомъ ударѣ колокола и вовсе не догадываясь, что спалъ болѣе сутокъ, онъ принялся бранить лакея за то, что тотъ не разбудилъ его во-время и торопился одѣваться, чтобы ѣхать служить обѣдню. Напрасно лакей увѣрялъ, что уже былъ другой день; Григоровичъ вѣрить не хотѣлъ, пока явившійся намѣстникъ лавры не убѣдилъ его въ томъ. Старикъ любилъ вспоминать объ этомъ случаѣ. «Вотъ такъ ужъ поспалось мнѣ», говаривалъ онъ.

Надобно еще сказать, что нашъ оригиналъ отличался неподкупной совѣстью, старался рѣшать дѣла, какъ требовалъ того законъ, если только высшая какая-либо воля не стѣсняла его. Для этого онъ готовъ былъ пересмотрѣть всѣ томы свода законовъ, повѣрить статьи по Собранію Законовъ, справлялся въ какихъ-либо особенныхъ случаяхъ съ пандектами. И дѣйствительно былъ уже *законникъ*, какъ говорятъ у насъ. Лучшаго оберъ-секретаря трудно было бы отыскать. Но бывши викаріемъ, онъ, какъ подчиненный человѣкъ, вынуждался рѣшать дѣла не такъ, какъ требовалъ того законъ, а какъ желали вліятельныя лица. Тогда обыкновенно приходилъ онъ въ раздраженіе, но, поругавшись, принимался за составленіе резолюціи и оказывался

тѣмъ, что у насъ называется *крючкомъ*: уже отыщетъ какой-либо забытый законъ или воспользуется побочнымъ обстоятельствомъ и все такъ изложитъ, что выйдетъ какъ-будто законная резолюція. Но повторяю: никѣмъ не стѣсняемый, онъ былъ неукоризненно честенъ и безкорыстенъ.

Указавши на хорошія стороны характера и дѣятельности Григоровича, я теперь обращаюсь къ тому, что̀ похвалить въ немъ трудновато, хотя, можетъ быть, если не извиняется, то объясняется неблагопріятными обстоятельствами его жизни. По окончаніи академическаго курса въ 1814 г., его прямо послали ректоромъ въ могилевскую семинарію не потому, впрочемъ, что онъ вполнѣ заслуживалъ это, но потому, что былъ уже монахомъ, а можетъ быть и потому, что еще до поступленія въ число студентовъ онъ состоялъ, хоть и недолго, учителемъ бывшей александроневской академіи, а потомъ могилевской семинаріи. Столь быстрое возвышеніе совсѣмъ-было погубило Григоровича. Въ Могилевѣ пришлось ему строить новый домъ для семинаріи. Лично честный и безкорыстный человѣкъ, онъ ввѣрился эконому семинаріи, а этотъ такъ обдѣлывалъ дѣла, что оказался недочетъ въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ рублей (едва ли не 40,000), и отвѣтственность пала на Григоровича. Его оставили на службѣ по духовному вѣдомству, но почти все жалованье удерживали для покрытія недочета.

Это несчастное обстоятельство, если не породило, то по крайней мѣрѣ развило тяжелыя качества Григоровича. Обманутый однимъ человѣкомъ, онъ потерялъ довѣріе едва-ли не ко всѣмъ людямъ, чуть не сдѣлался мизантропомъ. Вѣчно подозрительный, недовѣрчивый и мнительный, онъ смотрѣлъ на окружавшихъ его людей недружелюбнымъ глазомъ; сказать ласковое или привѣтливое слово, или пошутить было вовсе не въ его духѣ; если же даже онъ иногда рѣшался высказывать шуточки и остроты, то сейчасъ было видно, что это *не по его*, такъ сказать, *части*. Затѣмъ, не имѣя довѣрія къ людямъ, онъ естественно слишкомъ много полагался на самого себя, и всѣ почти мнѣнія свои считалъ непогрѣшимыми, и потому въ обращеніи съ своими подчиненными, онъ былъ грубъ, особенно если встрѣчалъ возраженія противъ своихъ приказаній или мнѣній. На провинившагося въ чемъ-либо человѣка, не любя дѣйствовать моральнымъ образомъ, онъ, какъ законъ, наказывалъ, а не миловалъ, не убѣждалъ; *разбранить*, *разругать* и даже не совсѣмъ приличными словами было у него въ обыкновеніи; все это дѣлалось съ какою-то злостью и торжественностью; онъ какъ будто бы досадовалъ, что его оторвали отъ дѣла и поско-

рѣе торопился возвратиться къ нему. Говорили даже, что онъ былъ очень веселъ, когда ему приходилось писать суровыя резолюціи, но это едва-ли справедливо.

Жесткое обращеніе его испытывали не одни подчиненные, а и сторонніе, даже свѣтскіе люди, когда послѣдніе добивались отъ него какой-либо резолюціи, которую отъ находилъ незаконною. Въ то время, какъ онъ за болѣзнью митрополита Серафима управлялъ петербургской епархіей, одинъ гвардейскій полковникъ женился на иновѣрной дѣвицѣ. Не зная всѣхъ затрудненій, которыя у насъ соединялись съ подобнымъ бракомъ, онъ не позаботился о заблаговременномъ устраненіи ихъ и узналъ о нихъ чуть-чуть не наканунѣ свадьбы. Исполненіе разныхъ формальностей потребовало нѣсколько лишнихъ дней, и для брака оставался единственный день, — навечеріе царскаго дня, въ которое тогда не позволялось совершать бракъ. Узнавши объ этомъ, полковникъ поѣхалъ къ Григоровичу и сталъ просить его разрѣшить вѣнчаніе. «Не могу, полковникъ, отвѣчалъ викарій, законъ не позволяетъ».—«Помилуйте, ваше пр-во, съ военною горячностью возразилъ полковникъ; мнѣ надобно въ этотъ день непремѣнно жениться».—«Говорю вамъ, полковникъ, не могу разрѣшить, законъ не позволяетъ». Разгорячившійся полковникъ сказалъ: «Такъ знайте же, преосвященный, что этого желаетъ государь императоръ, который обѣщался быть при совершеніи брака; вамъ теперь нельзя отказать въ моей просьбѣ». — «Посидите здѣсь немного, полковникъ, я сейчасъ къ вамъ приду», сказалъ Григоровичъ и отправился въ свой кабинетъ, откуда и вышелъ съ печатною книгой. Сѣвши на прежнее мѣсто, онъ самымъ сухимъ, холоднымъ образомъ спросилъ собесѣдника: «А что вы, полковникъ, читать умѣете?» Озадаченный такимъ вопросомъ, полковникъ съ досадою отвѣчалъ: «Помилуйте, преосвященный, я гвардейскій полковникъ». — «Ну такъ хорошо, вы, значитъ, умѣете читать, началъ опять съ невозмутимымъ спокойствіемъ Григоровичъ. Вотъ извольте прочитать (и тутъ онъ указалъ на тотъ пунктъ закона, который не дозволялъ брака въ требуемое время);—вотъ здѣсь государь императоръ дѣйствительно приказываетъ не вѣнчать браковъ въ этотъ день. Ну, а скажите, гдѣ же напечатано, что государь императоръ разрѣшаетъ вѣнчать вашъ бракъ?.» Не деликатясь съ полковниками, Григоровичъ не деликатился даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бы необходима была деликатность. Будучи ректоромъ академіи, онъ былъ вмѣстѣ и редакторомъ журнала «Христіанское чтеніе». Пересматривая статьи изъ сочиненій отцевъ церкви, предназначаемыя для напечатанія въ журналѣ, и вмѣстѣ встрѣтивши

въ нихъ мысли, которыя ему не нравились, онъ поступалъ съ ними, какъ съ студентческими задачками, или совсѣмъ выпуская, или замѣняя ихъ мыслями своего изобрѣтенія. Если ему замѣчали, что вѣдь это *отеческія* сочиненія, что измѣнять ихъ не слѣдуетъ, то онъ отвѣчалъ: «вотъ тебѣ еще, не надобно измѣнять! такъ и печатать всякій вздоръ?»

И хорошія качества, при несчастномъ настроеніи, принимали у Григоровича дурной оттѣнокъ; напр., его легальность обращалась иногда въ формализмъ и пристрастіе къ мелочамъ. Для него недостаточно было рѣшить бумагу, какъ требовала того справедливость и слѣдить за исполненіемъ рѣшенія. Нѣтъ, онъ находилъ нужнымъ самому подобрать бумаги, относящіяся къ одному и тому же дѣлу, сшить ихъ своими иголкою и ниткою и написать своею рукою *заголовокъ*. Отъ студентовъ онъ требовалъ, чтобы они свои задачки переписывали на выдаваемой имъ казенной бумагѣ, чтобы тетрадка была сложена въ четвертку листа и сшита по обоимъ концамъ сгиба, а никакъ не посрединѣ его. И если какой-нибудь ослушникъ переписывалъ задачку не на казенной бумагѣ, или на казенной, но вырѣзанной въ форму почтоваго листа, или на сшитой по срединѣ сгиба; то въ первыхъ двухъ случаяхъ онъ отдавалъ задачку для переписыванья по установленной формѣ, а въ третьемъ, сказавши: *погодите-ка*, бралъ въ руки ножницы, разрѣзывалъ нитку, потомъ своею иголкою и ниткою сшивъ тетрадь по краямъ сгиба, съ досадою и сарказмомъ говаривалъ, показывая тетрадь: «вотъ, милостивый государь, какъ надобно сшивать тетради, а не по вашему! Отходите-ка».

Григоровичъ въ то время, какъ у него дѣлали вычеты для уплаты денегъ, затерянныхъ въ могилевской семинаріи, имѣлъ очень скудные остатки на свое содержаніе, а по честности своей не хотѣлъ пользоваться суммами, назначаемыми на содержаніе тѣхъ семинарій, гдѣ онъ начальствовалъ. Поэтому ему приходилось быть слишкомъ бережливымъ въ расходахъ на свое содержаніе. Въ это время неволя заставила его носить очень небогатую одежду и особенно довольствоваться самою скудною пищею. По очень достовѣрнымъ слухамъ онъ иногда употреблялъ только черный хлѣбъ, кислую капусту, или щи съ соленою рыбою, а то и безъ нея, и гречневую кашу. Такая неприхотливость обратилась у него мало-по-малу въ привычку. И по расплатѣ его съ казною, когда денежныя средства позволяли ему уже имѣть пышную одежду и изысканный столъ, онъ не роскошествовалъ: близъ графинчика съ водкою стояли тарелки съ ломтемъ хлѣба и съ кислою капустою. Впрочемъ онъ позво-

лялъ себѣ дѣлать и отступленія отъ этого, запасаясь зернистою икрою въ холодное время и ставя ее въ форточку за окно для того, чтобы она въ комнатѣ отъ тепла не испортилась. Но тутъ у него часто завязывалась война съ воронами и галками. Икру онъ выставлялъ за окно въ берестовыхъ бурачкахъ, въ которыхъ покупалъ ее. Вороны и галки, по запаху догадываясь, что тутъ есть что-то вкусное, начинали расклевывать стѣнки бурачка. Хозяинъ икры, замѣтивъ это, бросался къ окну, отворялъ форточку, прогонялъ хищницъ крикомъ: *киш-то, киш-то!* но онѣ опять скоро возвращались, какъ скоро замѣчали, что близъ бурачка нѣтъ головы, кричавшей: *киш-то, киш-то!* Хозяинъ вновь вскакивалъ изъ-за своего письменнаго стола, и война такимъ образомъ дѣятельно поддерживалась съ обѣихъ сторонъ. Студенты, прогуливавшіеся по тротуару предъ окнами комнатъ ректора, бывали не рѣдко свидѣтелями ея; но ректоръ отъ того нисколько не конфузился.

Не очень заботясь о своей пищѣ, Григоровичъ еще менѣе, кажется, думалъ о сохраненіи чистоты и опрятности въ своихъ комнатахъ. Въ залѣ, гостинной и пр., гдѣ хозяинъ бывалъ только въ экстренныхъ случаяхъ, прислуга могла еще употреблять щетку и крыло, но въ кабинетѣ его помести полъ, или стереть пыль, не смѣй и думать, когда хозяинъ сидитъ дома. Да и въ отсутствіи его надобно было совершать эти операціи очень осторожно, не только не трогая бумагъ и книгъ, разбросанныхъ по столамъ, стульямъ и на полу, но даже не очень чисто обметая пыль съ нихъ. Однажды новый лакей, еще не ознакомившійся съ привычками господина, воспользовавшись отсутствіемъ его, вымелъ и убралъ все, какъ это дѣлается въ порядочныхъ домахъ. Господинъ возвратился, и лакей, надѣявшійся получить благодарность за уборку, провожалъ его до самаго кабинета. Вошедши сюда, Григоровичъ остановился въ удивленіи, замѣтивъ перемѣну, въ немъ происшедшую. «Это что такое?» спросилъ онъ лакея.—Да тутъ все было не прибрано и въ пыли; я взялъ, — все вымелъ, вычистилъ и прибралъ, отвѣчалъ лакей, думая еще похвалиться своею заботою объ опрятности. Но вмѣсто благодарности господинъ съ негодованіемъ сказалъ: «Вотъ еще что выдумалъ! вотъ я дамъ тебѣ чистоту!» и раскрывши большую свою табакерку, началъ разсыпать табакъ по всей комнатѣ, приговаривая: «вотъ тебѣ чистота! вотъ тебѣ чистота! метика вотъ теперь!»

По отношенію къ себѣ самому Григоровичъ, конечно, могъ распоряжаться по своему вкусу, могъ усыпать полъ табакомъ, ѣсть одну кислую капусту и носить одни засаленные подряс-

ники и рясы. Къ сожалѣнію онъ иногда рѣшался свои привычки дѣлать правилами для студентовъ, считая прихотливостію и причудой самыя справедливыя ихъ жалобы. Крыжановскій, какъ я сказалъ, любилъ хорошо кормить студентовъ и удовлетворять ихъ жалобамъ на случайные недостатки въ пищѣ. Студенты начали по прежнему относиться и къ новому ректору, но скоро увидали, что онъ употребляетъ особый, оригинальнѣйшій способъ улучшать пищу. Какъ скоро дежурный старшій пожалуется ему, что была плохая говядина или рыба, или каша и т. п.; то ректоръ иногда, пожалуй, тутъ же и разругаетъ старшаго за эту жалобу, а иногда съ сарказмомъ скажетъ: «а вотъ я велю эконому исправить». Но въ томъ и другомъ случаѣ дѣло оканчивалось тѣмъ, что въ теченіи недѣли, или двухъ недѣль студентамъ за обѣдомъ вмѣсто трехъ подавали только два блюда, лишая ихъ жаркого изъ говядины; это у нихъ и выражалось словами: *уничтожить жаркое*. Но когда жалуется старшій, какъ представитель студентовъ, то еще и ихъ всѣхъ съ натяжкою можно считать виновными въ прихотливости, потому и они должны подвергаться всѣ наказанію за нее. Но иногда ректоръ дѣйствовалъ слишкомъ уже рѣзко. Кромѣ порцій говядины и рыбы, подаваемыхъ каждому изъ студентовъ, у столоваго служителя было нѣсколько запасныхъ. И если какой-либо студентъ почему-либо находилъ свою порцію нехорошею, то онъ посылалъ служителя перемѣнить ее. Разумѣется, что и новая порція слишкомъ рѣдко была лучше прежней; случалось даже такъ, что когда вдругъ приносили забракованныя порціи отъ двухъ студентовъ, то посылали порцію одного къ другому и обратно; дѣло тѣмъ и оканчивалось. Но студенты все-таки любили утѣшать себя этимъ. При Григоровичѣ пришлось разстаться съ такимъ безполезнымъ обычаемъ. Если какой-либо студентъ забраковывалъ порцію, то экономъ несъ ее, а можетъ быть и другую, лучшую, къ ректору, жалуясь ему, что вотъ-де забраковываютъ какія порціи. Которая сторона тутъ была справедлива, нѣтъ надобности говорить; но если студентъ показывалъ себя прихотливымъ и привязчивымъ, то онъ одинъ и виноватъ; а прочіе 120 человѣкъ вовсе неотвѣтственны за его поступокъ. Но у Григоровича была одна резолюція: *уничтожить жаркое* на нѣсколько дней! Дѣло, разумѣется, кончилось тѣмъ, что студенты перестали жаловаться на недостатки пищи; спасибо еще инспектору, который вступался за студентовъ въ такихъ случаяхъ.

Вмѣсто описаннаго сейчасъ оригинала, впрочемъ все-таки честнаго, безкорыстнаго и дѣлового человѣка, сдѣланъ былъ ректоромъ Виталій Щепетевъ. Онъ по умственнымъ, нравствен-

нымъ и административнымъ качествамъ стоилъ своей должности (о его профессорствѣ скажу ниже). Въ умственномъ отношеніи онъ былъ много выше своихъ предшественниковъ, любилъ заниматься не однимъ богословіемъ, но и отчасти свѣтскою литературою. Въ какой степени онъ былъ честенъ и безкорыстенъ относительно казенныхъ денегъ, между прочимъ показываетъ слѣдующій случай. При немъ экономомъ сдѣланъ былъ одинъ изъ баккалавровъ академіи, кончившій недавно курсъ. Будучи вполнѣ неопытнымъ и по студенческой простотѣ полагая, что состоитъ въ полной командѣ ректора и инспектора, онъ безъ всякихъ отговорокъ и возраженій готовъ былъ исполнять все, что̀ ими ни заблагоразсуждалось ему сказать. Щепетевъ скоро замѣтилъ это и однажды призвавши его къ себѣ, спросилъ: «Ну что, ознакомились ли съ новою своею должностію? поняли-ль вы свои права и обязанности?» Получивъ отвѣтъ: «Нѣтъ, еще не успѣлъ; впрочемъ я руководствуюсь наставленіями вашими и отца инспектора»,—ректоръ продолжалъ: «это-то и дурно, что вы руководствуетесь только нашими наставленіями. Прочитаемте вмѣстѣ изъ устава то, что̀ относится къ вашей должности». По окончаніи чтенія и разъясненія нѣкоторыхъ пунктовъ сказалъ: «Извольте видѣть, вы должны дѣйствовать самостоятельно, а не быть только исполнителемъ *нашихъ наставленій и распоряженій*. Вы членъ Правленія и въ случаѣ какихъ-либо растратъ, сдѣланныхъ хотя бы по моему распоряженію, вы отвѣчаете своимъ карманомъ также, какъ и я. Поэтому вы вовсе не обязаны исполнять все то, что̀ мнѣ или инспектору вздумается посовѣтовать вамъ; вы должны сами обсудить нашъ совѣтъ. И если мои совѣты или приказанія найдете незаконными или неудобоисполнимыми, то говорите мнѣ прямо; я вѣдь тоже человѣкъ, могу ошибаться; ну а если вы возразите мнѣ неосновательно, то я съумѣю разъяснить вамъ ваше недоумѣніе». Подобный совѣтъ дать своему подчиненному могъ только честный и безкорыстный человѣкъ.

Административною частію академіи Щепетевъ занимался и усердно, и толковито. Почти на всѣхъ бумагахъ, разсматривавшихся во внутреннемъ правленіи, резолюціи составлялись и писались имъ самимъ. Но у него не было нисколько того мелкаго, педантическаго формализма, которымъ такъ отличался Григоровичъ; онъ былъ *не крючокъ*, а дѣловой человѣкъ.

Къ несчастію на его характеръ и методу обращенія съ подчиненными имѣла вліяніе десятилѣтняя служба въ московской семинаріи. Находясь тамъ подъ гнетомъ одного изъ самыхъ суровыхъ архіереевъ, онъ, какъ человѣкъ самостоятельный, удер-

жалъ нѣкоторыя изъ своихъ качествъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ перенялъ много и дурного. Вынужденный въ теченіи десяти лѣтъ, такъ сказать, лавировать въ виду своего тогдашняго, грознаго повелителя, дѣйствовать осмотрительно, чтобы не подвергнуться самымъ жесткимъ распеканьямъ, онъ выработалъ въ себѣ твердый, сдержанный, и въ случаѣ нужды уклончивый характеръ, умѣлъ выждать время и избрать способъ, когда и какъ дѣйствовать съ своими начальниками. Но служивши девять лѣтъ у начальника, предъ которымъ всѣ подчиненные *преклонялись до земли*, который въ обращеніи съ ними считалъ излишнимъ вѣжливость, который на публичныхъ экзаменахъ называлъ дураками не только наставниковъ, но и ректоровъ академіи и семинаріи,—и Щепетевъ кое-что усвоилъ отъ своего гордаго патрона. Напр., по своимъ природнымъ наклонностямъ онъ очень любилъ, чтобы студенты были сыты и хорошо одѣты, а между тѣмъ въ обращеніи съ ними выказывалъ гордость и даже недоступность, по крайней мѣрѣ излишнюю серьезность, такъ что студенты и боялись, и не любили его. Съ наставниками академіи онъ вообще обходился вѣжливо, но вполнѣ ласковымъ и привѣтливымъ былъ къ немногимъ изъ нихъ; къ другимъ же какъ-то холоденъ и даже непривѣтливъ. Особенно же онъ, по примѣру бывшаго своего патрона, неласковъ былъ ко всѣмъ наставникамъ—священникамъ и протоіереямъ, и удалялъ ихъ изъ академіи, можно сказать, безъ всякой законной причины. Къ монашествующимъ изъ наставниковъ и студентовъ оказывалъ большую снисходительность. Но къ одному изъ нихъ, именно къ лучшему, былъ очень холоденъ, даже не невраждебенъ по побужденію неодобрительному. Инспекторомъ академіи былъ тогда человѣкъ очень умный, благородный, но неспособный унижать себя низкопоклонничествомъ,— притомъ считавшійся тогда лучшимъ проповѣдникомъ въ Петербургѣ. Послѣднее-то обстоятельство едва-ли не было самою главною причиною неблаговоленія ректора къ нему.

Была у Щепетева одна слабость, о которой умалчиваемъ; но все же изъ четырехъ мною описанныхъ ректоровъ онъ былъ самымъ лучшимъ почти во всѣхъ отношеніяхъ.

Теперь посмотримъ, чѣмъ была сама академія во взятый нами періодъ подъ управленіемъ всѣхъ этихъ четырехъ командировъ, съ личнымъ характеромъ которыхъ мы уже познакомились.

Р. С.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ

ДО ГРАФА ПРОТАСОВА.

Воспоминанія *).

III.

Бытъ студентовъ.

Въ описываемое мною время, въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ, провинціальные семинаристы и духовныя лица имѣли необыкновенно высокое мнѣніе о духовныхъ академіяхъ. По сословному своему самолюбію, они были увѣрены, что уже выслушавшіе полный курсъ однѣхъ семинарскихъ наукъ, переполнивъ себя всякаго рода латынью и тетрадками по словесности, философіи и богословію, бываютъ непремѣнно учеными людьми, и ораторами, и философами, и богословами. Какъ же было не дойти до той мысли, что лучшіе изъ этихъ ученѣйшихъ мужей не иначе могутъ поступать для обученія еще па четыре года, какъ только въ какой-нибудь храмъ премудрости, гдѣ и столъ великолѣпный, утромъ и вечеромъ подаютъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, одѣваютъ въ сюртуки и фраки изъ лучшаго сукна, ежемѣсячно снабжаютъ студентовъ карманными деньгами для ме-

*) См. выше: іюль, 219 стр.

лочныхъ расходовъ, а профессора принадлежатъ къ настоящимъ мудрецамъ? О петербургской же академіи прибавляли, что ее очень часто посѣщаютъ и члены синода, и свѣтская аристократія, и самъ государь. Съ такими-то убѣжденіями и мы трое ѣхали изъ своей семинаріи въ концѣ двадцатыхъ годовъ въ петербургскую духовную академію, увлекаясь золотыми мечтами о собственномъ своемъ величіи и о предстоящемъ намъ великолѣпномъ житьѣ-бытьѣ. Правда, нашъ инспекторъ, очень умный человѣкъ, сдѣлалъ самый невыгодный отзывъ о ней, а восхвалялъ московскую академію, въ которой самъ воспитывался. Но мы не любили его самого за строгость и не повѣрили ему, объясняя его слова тѣмъ соперничествомъ, которое существовало между обѣими академіями. Даже по пріѣздѣ въ академію, ознакомившись уже съ дѣйствительностью, мы по обычному семинарскому самолюбію не вдругъ разстались съ своими золотыми мечтами, какъ будто ожидая, что вотъ онѣ какъ-нибудь осуществятся. А дѣйствительность была очень и очень непривлекательна, какъ читатель убѣдится самъ изъ того, что мы живо помнимъ о бытѣ студентовъ той эпохи и о внѣшней обстановкѣ этого быта.

Каждому студенту выдавалось два сюртука, — одинъ, въ которомъ онъ сидѣлъ въ комнатѣ и въ классѣ; а другой—парадный, главнымъ образомъ назначался для выхода къ начальству, въ церковь, на экзамены, въ городъ. Первый, называвшійся почему-то *шлафрокомъ*, шился изъ мухояра, — не существующей нынѣ матеріи; это была какая-то ткань сѣроватаго или пестраго цвѣта, полульняная, полушерстяная, готовая расползаться при небольшомъ напряженіи. Ее потомъ, съ развитіемъ прогресса, замѣнили нанкою сначала желтоватаго, а потомъ сѣренькаго цвѣта. Шлафрокъ обыкновенно выдавался на цѣлый годъ, въ теченіи котораго при постоянномъ употребленіи онъ на самомъ скромномъ человѣкѣ не могъ не засалиться, не замаслиться, не зачернѣть, не разорваться. Но студенты были народъ молодой, живой, которому приходила охота и побѣгать, и повозиться, и поиграть, которымъ даже нравились порывистыя, сильныя движенія. И потому на большой части ихъ чрезъ полгода и даже ранѣе шлафрокъ, особенно мухояровый, принималъ такой видъ, что въ немъ и бурсака неприлично было бы представлять на глаза даже не очень порядочныхъ людей. Къ этому надобно присовокупить, что портного для починки студентческаго платья въ академіи не было; каждому студенту предоставлялось или самому заняться заштопываньемъ разорванныхъ мѣстъ, или поручать это кому-либо изъ служителей. На первое не у всѣхъ

доставало и охоты, и искусства, а для второго нужны были деньги, избыткомъ которыхъ не всѣ студенты могли похвалиться. Отъ этого шлафроки, во второе полугодіе своего существованія, были не только засалены, зачернѣны, но и разорваны по швамъ и цѣльнымъ мѣстамъ; на иномъ недоставало рукава, или части его; у другого оторвана была часть полы и пр. и пр. И студенты, облеченные въ эту почти полунищенскую одежду, казались настоящими бурсаками. Этому помогало то неряшество, въ которое почти неизбѣжно впадаютъ люди, принужденные дурно одѣваться. Многіе студенты, особенно въ лѣтнее время, сидя въ комнатахъ, не надѣвали панталонъ и даже жилетовъ и галстуковъ. Поэтому изъ-подъ шлафроковъ выглядывало ихъ бѣлье, которое, какъ мы увидимъ, не отличалось бѣлизною. Безъ панталонъ нѣкоторые ходили даже въ классъ на лекціи и въ садъ для прогулокъ; только въ такомъ случаѣ одною рукою старались придерживать полу шлафрока и чрезъ то не позволять «невыразимымъ» быть видимыми. Самые лѣтніе панталоны не очень были щеголеваты, они шились тоже опять изъ не существующей нынѣ матеріи,—китайки бланжеваго или желтоватаго цвѣта. Если они отдавались въ мытье, то замѣняли ихъ панталонами изъ толстаго, некрасиваго сѣраго сукна; лѣтомъ въ нихъ жарко; приходилось уже поневолѣ быть *санкюлотомъ*.

Парадные, праздничные сюртуки не отличались тоже щеголеватостью. На нихъ употреблялось сѣрое сукно низшаго сорта и грубой отдѣлки, котораго дѣйствительная цѣна въ то время не могла быть дороже шести рублей ассигнаціями, а нынѣ оно стоило бы едва ли болѣе одного рубля серебромъ. Непригляденъ былъ сюртукъ изъ такого полусолдатскаго сукна, но онъ дѣлался еще неприглядиѣе отъ того *фасона*, по которому его шили. Фасонъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы лифъ опускался чуть ли не ниже поясницы, чтобы подолъ сюртука *билъ*, какъ говорится, *по пятамъ* и отстоялъ отъ пола менѣе, нежели на одну четверть аршина, и чтобы кромѣ того весь сюртукъ сидѣлъ на туловищѣ *мѣшкомъ*. Это почти-что не сюртукъ, а какая-то *хламида*, какой-то полуподрясникъ съ разрѣзомъ назади и съ шестью пуговицами спереди на каждой сторонѣ. Дополненіемъ къ такой парадной одеждѣ служили бланжевые китайчатые, или сѣрые суконные панталоны, о которыхъ сейчасъ я говорилъ, и кромѣ того для прикрытія головы шляпа, не стоившая и тогда болѣе пяти рублей ассигнаціями, но выдававшаяся на цѣлыхъ два года и для зимы, и для лѣта; никакой фуражки, ни теплой, ни холодной не полагалось.

О впечатлѣніи, которое производили люди, облеченные въ

описанную домашнюю и парадную одежду, можно судить по слѣдующимъ двумъ дѣйствительнымъ событіямъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ поступилъ въ академію учитель одного изъ училищъ казанской епархіи, человѣкъ бойкій, незастѣнчивый и привыкшій жить самостоятельно. Въ комнатѣ, гдѣ его помѣстили, онъ нашелъ нѣсколько будущихъ своихъ товарищей, которые прежде него пріѣхали въ Петербургъ и одѣты были не въ казенное, а въ свое платье; не будучи щеголеватымъ, оно все-таки казалось и не слишкомъ бѣднымъ. Между тѣмъ ему съ дороги захотѣлось выпить водки (это было уже въ нравахъ), а тутъ кстати проходилъ чрезъ комнату человѣкъ въ засаленномъ, изношенномъ мухояровомъ сюртукѣ. Онъ счелъ его за служителя, тогда какъ это былъ старшій въ двухъ комнатахъ. «Эй ты, послушай-ка! сказалъ ему новопріѣзжій, сходи, купи мнѣ водки». Несчастный вынужденъ былъ объяснить новичку, что онъ-де не служитель, а студентъ, обучающійся уже два года въ академіи, и при томъ особа чиновнаго сорта, господинъ старшій.

Другой случай происходилъ во время многолюднаго гулянья въ какой-то лѣтній день на Елагиномъ островѣ. Туда отправилось нѣсколько студентовъ въ своихъ сѣрыхъ парадныхъ сюртукахъ, спускавшихся до самыхъ пятокъ, въ бланжевыхъ брюкахъ и въ шляпахъ; къ несчастію все это было поизношено. Между тѣмъ студенты, сознавая личное свое ученое достоинство, смѣло кучею похаживали по аллеямъ. Полиція замѣтила эту группу людей, которые въ пріемахъ обнаруживали самоувѣренность, а по костюму своему походили на извѣстныхъ имъ обывателей, закупавшихъ свой костюмъ на небольшія деньги въ толкучемъ рынкѣ; ихъ сочли просто за жуликовъ. Поэтому одинъ изъ высшихъ полицейскихъ чиновниковъ, остановивъ студентовъ, сказалъ имъ внушительно: «Эй, смотрите у меня, не шалить; иначе запорю».

Надобно сказать, что сѣрые суконные сюртуки и мухояровые шлафроки употреблялись только въ петербургской духовной академіи. Въ другихъ же академіяхъ шили студентамъ конечно не великолѣпную, но болѣе сносную одежду, въ которой по крайней мѣрѣ не считали ихъ за принарядившихся служителей или за жуликовъ низшаго разбора, *занимающихся по карманной части*. Во многихъ даже семинаріяхъ суконные сюртуки были лучше, нежели въ петербургской духовной академіи, а мухоярь вовсе даже не былъ извѣстенъ; онъ встрѣчался на однихъ только ученикахъ низшихъ духовныхъ училищъ, на настоящихъ бурсакахъ.

Скажу и о прочихъ шерстяныхъ, льняныхъ и шелковыхъ туалетныхъ принадлежностяхъ, которыя выдавались въ петербургской духовной академіи. Вполнѣ удовлетворительно снабжались студенты обувью и шейными шелковыми платками, именно выдавалось по три пары сапоговъ и по двѣ косынки; съ начала же тридцатыхъ годовъ завéдено было, чтобы сапожникъ доставлялъ столько сапожныхъ паръ студенту, сколько этотъ износитъ. Тутъ студенты нуждались только въ калошахъ и подгалстучникѣ. Но относительно другихъ совершенно необходимыхъ вещей казна была не очень щедра. Рубашечнаго бѣлья ежегодно выдавалось каждому по три пары, конечно не изъ грубаго, однако и далеко не изъ тонкаго холста. Носовыхъ платковъ и утиральниковъ почему-то вовсе не полагалось, а всѣмъ, кому не на что было купить ихъ, предоставлялось высмаркиваться по своему разумѣнію, на что болѣе деликатные употребляли листъ бумаги, а утирать свое лицо и руки послѣ умыванья приходилось рукавомъ или полою своего засаленнаго и загрязненнаго шлафрока. Носковъ, притомъ только холодныхъ, выдавалось по три пары на годъ; носи ихъ и лѣтомъ и зимою, умѣй сберечь ихъ, а при помощи ихъ и свои ноги отъ мороза. Шинелей или какого-либо другого теплаго, или полутеплаго платья, которымъ можно бы защитить себя и отъ холода, и отъ дождя, опять почему-то не полагалось. Бывали кое у кого тулупы изъ овечьихъ шкуръ; но студентческое самолюбіе не позволяло въ такой одеждѣ ходить въ городъ; ихъ надѣвали только для прогулокъ въ академическомъ саду или по двору. И потому, если у кого не было ни шинели, ни тулупа, то ему и въ городъ, и для прогулки дома оставалось ходить только въ суконной хламидѣ, — парадномъ сюртукѣ. Впрочемъ я и забылъ сказать, что еще выдавалась суконная или фланелевая куртка, которую и предоставлялось надѣвать подъ сюртукъ, чтобы защитить себя отъ петербургскихъ морозовъ, а ее самую отъ петербургскихъ слякоти и дождей. Конечно, добрые товарищи, владѣльцы шинелей, дозволяли употреблять ихъ и неимущимъ; но были смѣльчаки, которые въ сильные морозы отправлялись въ гости въ сапогахъ и нитяныхъ носкахъ безъ калошъ, въ сюртукахъ, подъ которыми скрывалась суконная или фланелевая куртка, и въ холодной шляпѣ. Сидя въ теплой комнатѣ, особенно за чаемъ, они потѣли и все-таки возвращались домой въ томъ же костюмѣ. За то что́ и за ходоки были! верстъ шесть пройти въ часъ для нихъ ничего не значило; иной ванька на своей кляченкѣ не могъ такъ скоро ѣхать.

Недостатокъ и дурныя качества казенной одежды заставляли

студентовъ, у которыхъ были лишнія деньги, покупать свое собственное платье. Главную роль въ этомъ случаѣ играла шинель, которая бы защищала своего владѣльца отъ холода и дождя впѣ академіи, — затѣмъ суконный сюртукъ, въ который одѣвшагося не считали бы служителемъ или жуликомъ. Фраки были кое у кого, но только очень у немногихъ, и употреблялись тайкомъ отъ начальства, которое эту одежду, введенную въ моду первою французскою революціей, считало неприличною для духовныхъ воспитанниковъ. Люди, заботившіеся о домашнемъ комфортѣ, пріобрѣтали такъ-называвшіеся тогда бухарскіе халаты изъ полосатыхъ цвѣтныхъ матерій. Въ послѣдней одеждѣ спокойно сиживали въ комнатахъ и не снимали ее, если даже напередъ узнавали о предстоящемъ визитѣ начальства. Люди посмѣлѣе ходили въ ней даже въ столовую, а нѣкоторые въ зимнее время накидывали ее на плеча вмѣсто шинели и отправлялись по холоднымъ корридорамъ въ классъ. Такимъ образомъ и здѣсь, и въ комнатахъ, и въ столовой уже нельзя было видѣть того однообразія въ одеждѣ, которое обыкновенно считается необходимымъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Студенты говорили, что въ этомъ отношеніи въ академіи господствовалъ *лирическій безпорядокъ*.

Несмотря на слишкомъ ясную недостаточность казенной одежды, въ академіи развилась особая промышленность для обмѣна ея на наличныя деньги. Эта промышленность основывалась на томъ, что начальство, подрядивъ какого-либо поставщика на тотъ или другой предметъ, предоставляло ему входить въ добровольныя съ студентами соглашенія, получать ли имъ заподряженныя вещи, или вмѣсто нихъ какую-либо сумму, которую, разумѣется, назначалъ поставщикъ по собственному усмотрѣнію. Очень многіе студенты пользовались этимъ для улучшенія финансовъ. Разсчитывая, что тѣ или другія вещи, которыя они имѣютъ, не износятся до новой выдачи, они брали съ поставщика деньги. Такая замѣна касалась преимущественно сапоговъ, шейныхъ платковъ и рубашечнаго бѣлья. Но воспитанники духовно-учебныхъ заведеній были издавна плохими математиками; поэтому въ данномъ случаѣ дѣлали неудачные разсчеты, отчего, напр., у нѣкоторыхъ бѣлье состояло почти изъ однихъ лохмотьевъ. Про такихъ господъ товарищи говаривали, что они имѣютъ не рубахи, а только *идеи рубахъ*. Точно также у иного молодца сапоги оказывались до такой степени изношенными, что ихъ не согласился бы починить ни одинъ сапожникъ; о небольшихъ, такъ сказать, отдушинахъ, въ которыя выглядывали пальцы, или о множествѣ заплатъ, которыми прикрывались эти отдушины,

нечего и говорить. Владѣльцы такой обуви уже никакъ не могли идти въ ней въ городъ, а между тѣмъ въ праздничные дни очень желалось побывать у своихъ знакомыхъ. Для этого, разумѣется, надобно было завладѣть сапогами какого-либо своего любезнаго товарища, и потомъ, по миновании въ нихъ надобности, тихонько, какъ говорится, *подкинуть* ихъ. Если бы хозяинъ какъ-нибудь уличилъ въ такомъ похищеніи, то все объяснялось ошибкою. Въ этомъ отношеніи своими похожденіями пріобрѣлъ извѣстность студентъ девятаго выпуска, блаженной памяти Иванъ Ивановичъ Орловъ, у котораго не слишкомъ часто бывали хорошіе крѣпкіе сапоги, но онъ пріобрѣталъ и возвращалъ чужіе слѣдующимъ образомъ. Многіе студенты въ воскресные и праздничные дни поручали кому-либо изъ служителей вычистить пару сапоговъ за 10 коп. асс. Служитель обыкновенно разносилъ вычищенные сапоги прежде, нежели студенты просыпались и ставилъ каждую пару близъ кровати владѣльца ея. Иванъ Ивановичъ, облюбовавши ту пару, которая приходилась ему по ногѣ, надѣвалъ ее и поскорѣе уходилъ въ городъ. Владѣлецъ сапоговъ, проснувшись и не видя сапоговъ близъ своей кровати, отправлялся къ служителю и узнавалъ, что они давнымъ-давно уже отнесены къ нему. Дѣлать нечего, приходилось надѣвать другіе сапоги. Возвратившійся вечеромъ Иванъ Ивановичъ не входилъ, а какъ-бы врывался въ комнату съ словами: «братцы, новости! новости! слушайте!» и начиналъ свой разсказъ. Если въ это время хозяинъ надѣтой имъ сапожной пары спрашивалъ его: «послушай, Иванъ Ивановичъ, зачѣмъ ты унесъ мои сапоги?»—«Что? отвѣчалъ съ разстановкою Иванъ Ивановичъ.—«Зачѣмъ ты унесъ мои сапоги?» Опять его спрашивали.—«Фу! говоритъ съ негодованіемъ Иванъ Ивановичъ; вотъ смотрите: каковы товарищи! Эка пристали изъ-за какихъ-либо сапожонокъ. Вотъ они! возьми ихъ! нужда мнѣ въ нихъ большая»! и скинувши ихъ съ ногъ, бросалъ на полъ.

Неужели академическое начальство вовсе не догадывалось о всѣхъ такихъ недостаткахъ, спроситъ быть можетъ насъ читатель, и если опять догадывалось,—то почему же оно не заботилось объ исправленіи ихъ, а допускало студентовъ ходить въ такихъ *вретищахъ*, что принимали ихъ за служителей, или толкучечныхъ жуликовъ? Съ формальной стороны оно могло считать себя невиноватымъ. потому что выдавало студентамъ всѣ вещи, положенныя по уставу, притомъ или изъ тѣхъ же самыхъ матеріаловъ, которые уставъ назначалъ, или даже изъ лучшихъ, напр. вмѣсто мухояра стало употреблять панку. Притомъ, нѣкоторые изъ ректоровъ не только словесно, но и письменно старались убѣдить высшее начальство въ томъ, что надобно улуч-

шить студентческую одежду. Но что же имъ было дѣлать, когда получались отвѣты въ родѣ слѣдующаго: «Къ чему это? вѣдь учились же прежде студенты въ мухояровыхъ и сѣрыхъ суконныхъ сюртукахъ; вѣдь отъ улучшенія одежды студенты не сдѣлаются ни умнѣе, ни прилежнѣе, ни нравственнѣе». Несмотря на такіе отвѣты, нѣкоторые сами рѣшались дѣлать отступленія отъ устава, чтобы хоть сколько-нибудь платье студентовъ было сноснымъ на видъ; напр., въ 1832-мъ году инспекторъ и экономъ кое-какъ убѣдили Григоровича сшить парадные сюртуки не изъ сѣраго, а изъ чернаго сукна, притомъ сшить настоящіе сюртуки, а не хламиды въ родѣ полуподрясниковъ. Такимъ образомъ, если нельзя вполнѣ оправдать академическое начальство, то можно по крайней мѣрѣ извинить хоть нѣкоторыхъ лицъ, изъ которыхъ оно состояло. Кто же былъ однако главнымъ виновникомъ въ недостаткахъ студентческой одежды? Пожалуй, людей тутъ нельзя и обвинять, такъ какъ въ этомъ случаѣ главными виновницами были *идеи*. Для объясненія такого отвѣта нужно знать, что члены нашего тогдашняго ученаго и начальственнаго чернаго духовенства издавна держались убѣжденія, что духовныхъ воспитанниковъ надобно пріучать къ смиренію, беречь отъ разсѣянности и держать какъ можно далѣе отъ свѣтскаго общества, которое, какъ думали *древле* и какъ пожалуй и нынѣ думаютъ *нѣцыи*, ужасно какъ можетъ развращать духовныхъ юношей, съ нимъ сближающихся. Надежнымъ якобы средствомъ для достиженія всѣхъ перечисленныхъ цѣлей служитъ дурная одежда. Облеченный въ какую-либо хламиду, или во вретище уже не въ состояніи будетъ превозноситься предъ другими и, главное, не будетъ принятъ въ порядочное свѣтское мѣсто. Въ первомъ выпускѣ петербургской духовной академіи упустили изъ вида это *премудрое* или, лучше, *премудреное* правило; тогда составляли академическій уставъ Сперанскій и архіепископъ Ѳеофилактъ Русановъ, думавшіе, что изъ академистовъ не нужно было дѣлать монастырскихъ послушниковъ, а слѣдуетъ сблизить ихъ и наукою и жизнію съ треклятымъ свѣтомъ. Студентамъ перваго выпуска шили казенные даже фраки. Но въ нихъ при помощи монастырскихъ очковъ замѣтили большой недостатокъ смиренія и запасъ свѣтскости; они даже были обвиняемы въ такъ-называемомъ бунтѣ изъ-за дурной пищи. Конечно, причинъ на это было немало, но къ числу ихъ отнесли и хорошую одежду. Поэтому для слѣдующихъ курсовъ, уже подъ руководствомъ Филарета Дроздова, составлено новое росписаніе студентческой одежды, которую я и описалъ.

Въ другихъ академіяхъ нашли возможнымъ кое въ чемъ отступить отъ этого росписанія, потому что въ нихъ, особенно

въ московской, студенты очень мало могли подвергаться соблазнамъ отъ свѣтскихъ людей. Но въ петербургской академіи, помѣщающейся въ городѣ, гдѣ такъ много *свѣтскаго свѣта*, надобно было препятствовать студентамъ сближаться съ нимъ; и росписаніе смиренной студентческой одежды осталось почти безъ всякихъ перемѣнъ до тридцатыхъ годовъ. Григоровичъ, согласившійся, по убѣжденію инспектора и эконома, какъ сейчасъ было сказано, сшить сюртуки изъ чернаго сукна, которые бы не доставали до пятокъ, совсѣмъ-было рѣшился на «безобразную» выходку. Но увидавши, что сюртуки вышли, по его мнѣнію, очень короткими, онъ не только далъ жестокой нагоняй экономy, портному и кстати разругалъ студентовъ, но и непремѣнно требовалъ, чтобы портной пришилъ наставки къ подолу сюртуковъ и такимъ образомъ привелъ ихъ въ узаконенную для духовныхъ воспитанниковъ мѣру. Едва-едва убѣдили его, что отъ такихъ наставокъ сюртуки сдѣлаются непозволительно безобразными.

Достигалась ли по крайней мѣрѣ цѣль, къ которой стремились, облекая студентовъ въ хламиды и во вретища? Насколько этотъ моральный мотивъ пріучалъ ихъ къ смиренію и удерживалъ отъ сближенія съ свѣтскимъ обществомъ? Опытъ показалъ, что мухояръ, китайка бланжеваго цвѣта и *идеи рубахъ* и пр. пробуждали и усиливали въ студентахъ не смиреніе, а негодованіе на начальство, которое дѣлало ихъ похожими по внѣшнему виду на полунищихъ или толкучечныхъ жуликовъ. Привыкши же къ лохмотьямъ и вретищамъ, они пріучались и къ цинизму, образчики котораго мы уже видѣли и еще увидимъ. Не отдѣлила также всѣхъ студентовъ одежда китайскою стѣною отъ свѣтскаго міра. Одни находили средства сшить себѣ свой хорошій сюртукъ, или даже фракъ; другихъ добрые порядочные люди принимали къ себѣ, несмотря на сермяги, въ которыхъ они были одѣты, и вмѣстѣ съ ними бранили низшее и высшее начальство за то, что оно такъ нищенски содержало воспитанниковъ высшаго учебнаго заведенія. Тутъ студенту по ходу разговора приходилось услышать о такихъ вещахъ, которыхъ у него и въ головѣ не было. Но оставалось немалое число студентовъ, которые, по причинѣ дурной одежды, или по неимѣнію знакомыхъ, дѣйствительно уже не сближались съ хорошимъ свѣтскимъ обществомъ. Они, не имѣя возможности попасть въ хорошій домъ, гдѣ бы въ праздничные дни могли проводить время среди образованнаго общества и поучиться, какъ себя держать въ немъ, искали и находили знакомыхъ между дьячками, мѣщанами, отставными солдатами, чиновниками низшаго сорта и т. д. У иного не отыскивалось знакомыхъ даже и между этимъ людомъ, а между тѣмъ академическая жизнь

прискучила ему; надобно было гдѣ-нибудь поразвеселиться. И вотъ мы заходимъ въ тѣ заведенія, только не учебныя, гдѣ половые готовы къ услугамъ, принесутъ все, что ни прикажете, только имѣйте деньги. Наконецъ нѣкоторые оставались и домосѣдами. Ниже я объясню послѣдствія и домосѣдничества студентовъ и ихъ знакомства съ дьячками, мѣщанами, неучебными заведеніями и пр., а теперь пойдемъ дальше.

Непріятно быть плохо одѣтымъ и сидѣть даже въ комнатѣ въ какомъ-нибудь изношенномъ и засаленномъ мухояровомъ шлафрокѣ, но тутъ по крайней мѣрѣ грѣшное наше тѣло не дѣлаетъ никакихъ возраженій, не обнаруживаетъ никакихъ настойчивыхъ требованій, если только температура достаточно тепла. Другое дѣло быть плохо накормленнымъ и не удовлетворять потребностямъ желудка. Этотъ нашъ органъ принадлежитъ къ самымъ ужаснымъ революціонерамъ, не слушаетъ никакихъ теорій, да и голову увлекаетъ за собою. При голодѣ самый смирный человѣкъ приходитъ въ раздраженіе и дѣлается неспоснымъ ворчуномъ, а иногда рѣшается на отчаянные поступки. Но въ духовныхъ академіяхъ всѣ науки, относящіяся къ естествознанію, не были въ почетѣ, физіологія же тогда не всѣмъ въ нихъ была извѣстна и по названію своему; и потому начальство не слишкомъ заботилось объ удовлетвореніи требованіямъ желудка, памятуя одно, что «сытое брюхо — къ ученью глухо»!

Академія въ этомъ отношеніи немного отличалась отъ семинарій. Конечно, тамъ пища не была положительно-дурною во всякое время, но не могла назваться удовлетворительною. Относительно ея въ петербургской духовной академіи описываемое мною время надобно раздѣлить на двѣ части. Въ первую, при ректорѣ Доброзраковѣ, въ будничные дни и за обѣдомъ и за ужиномъ готовили студентамъ только по два блюда; одно состояло изъ щей или супа, а другое изъ каши, за обѣдомъ пшенной, а за ужиномъ гречневой. Въ воскресные и неважные праздничные дни прибавлялось въ обѣдъ третье блюдо, подъ именемъ жаркого; это была говядина въ соусѣ. Наконецъ въ важнѣйшіе праздники обѣдъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ: холоднаго, щей, жаркого и пироговъ. Въ послѣднемъ случаѣ, при хорошихъ съѣстныхъ припасахъ, студентамъ уже можно было не жаловаться на голодъ; если пища приготовлялась не изысканно-гастрономическимъ образомъ, за то желудокъ наполнялся ею съ избыткомъ; догадливые люди уносили съ собою въ комнаты пироги, чтобы ихъ скушать въ длинный промежутокъ между обѣдомъ и ужиномъ. И потому студенты съ особеннымъ удовольствіемъ ожидали такихъ праздниковъ или, лучше, обѣдовъ. О нихъ можно было догады-

ваться еще наканунѣ во всенощную, во время которой предъ праздниками зажигали свѣчи въ люстрѣ. У студентовъ составилась примѣта, что если зажигаются всѣ свѣчи въ ней, то имъ за обѣдомъ въ слѣдующій день предстоитъ кушать пироги и еще три блюда, а если зажигалась только половина свѣчъ, то предстоялъ обѣдъ изъ трехъ блюдъ безъ пироговъ. И потому, когда церковный служитель зажигалъ свѣчи въ люстрѣ, то глаза всѣхъ студентовъ обращались на нее;—если зажигались всѣ свѣчи къ ряду, то студенты съ улыбкою посматривали другъ на друга; иной нетерпѣливый не удерживался и говорилъ: «ну, братцы, завтра пироги». А если зажиганіе происходитъ черезъ свѣчку, ну тогда нечего смотрѣть, не о чемъ шептать; развѣ только кто-либо ругнетъ начальство за то, что оно не уважаетъ такого праздника, какъ завтрашній, и отнимаетъ пироги, на который иной желудокъ уже разсчитывалъ. Въ воскресенье же и праздничные дни студенты если не наѣдались *до отвалу*, то все-таки имѣли очень удовлетворительную пищу. Наконецъ въ будничные дни имъ не было уже поводовъ восхищаться своимъ обѣдомъ; щи и каша не считались роскошью и въ семинаріяхъ; академисты имѣли право желать, чтобы ихъ въ этомъ отношеніи ставили нѣсколько повыше семинаристовъ. Впрочемъ за всѣмъ тѣмъ обѣдъ и ужинъ изъ двухъ блюдъ, не дурно приготовленныхъ, не заставлялъ еще студентовъ голодать, но только въ скоромные дни.

Совсѣмъ другое дѣло было въ постные дни, а они, какъ извѣстно, иногда составляютъ болѣе половины цѣлаго года. Въ эти дни, въ ректорство Іоанна Доброзракова, свѣжая рыба почти вовсе не покупалась для студентческаго стола, даже и въ праздники готовилась преимущественно соленая невысокаго сорта, извѣстная тогда подъ названіемъ *тёшки*. Обѣдъ и ужинъ состояли изъ щей или супа со снятками или грибами, изъ каши пшенной или гречневой съ постнымъ масломъ; для разнообразія щи иногда замѣнялись горохомъ; прибавлялась иногда въ видѣ третьей перемѣны капуста, приготовленная на манеръ холоднаго или жаркого, такъ что у студентовъ составилась поговорка: «нынѣ во время обѣда были три капусты: капуста сырая, капуста варепая и капуста жарепая». Въ такіе дни, особенно за ужиномъ, было даже голодно; нѣкоторые студенты, если только знали, что никто изъ начальства не будетъ въ столовой, не ходили въ нее, когда супъ со снятками и гречневая *каша-размазня* съ льняпымъ масломъ могли привлекать къ себѣ только самый неприхотливый, бурсацкій желудокъ; если же и ходили, то ничего не ѣли, а сидѣли для одной формальности. Въ такіе-то ужины особенно много расходилось соли; досадуя

на дурную пищу, студенты хотѣли по крайней мѣрѣ отмстить, *насолить* начальству тѣмъ, что изъ солонокъ высыпали всю соль въ супъ; все-таки, конечно, не желудку, *а сердцу бывало полегче.*

Пища, неудовлетворительная по количеству и качеству блюдъ, дѣлалась еще неудовлетворительнѣе отъ разныхъ обстоятельствъ. Особеннаго завтрака или полдника студентамъ не полагалось, кромѣ черпаго хлѣба, который можно было кушать въ буфетѣ. Затѣмъ, начальство не хотѣло пріискать хорошаго и, какъ говорятъ, учепаго повара, который и изъ простыхъ припасовъ умѣетъ приготовить вкусное блюдо. Поваромъ былъ одинъ изъ солдатъ-служителей, *понабившій*, конечно, *руку* въ приготовленіи скоромныхъ супа и щей, но далеко не спеціалистъ своего дѣла. *Были грѣшки* также относительно припасовъ. Мука ржаная, крупа пшенная и гречневая покупались хорошаго, даже лучшаго качества; печеный хлѣбъ былъ, можно сказать, превосходный. Но говядина не всегда, даже очень не всегда принадлежала къ лучшей черкасской, какъ требовалось по контракту; тёшка иногда не только не поддавалась зубамъ, но и отзывалась не совсѣмъ пріятнымъ запахомъ; попадалось, хоть и рѣдко, прогорьклое масло и т. п. А былъ еще и такой случай 6-го августа 1830 года. Добрэзраковъ заготовилъ для себя малосольныхъ сиговъ, но узнавши отъ своего повара, что они поиспортились, велѣлъ эконому употребить ихъ для студентческой столовой, а ему уплатить сумму, которой стоили сиги. Онъ указывалъ и на то, что его назначили епископомъ въ Пензу; не везти же съ собою и сиговъ. Надобно думать, что экономъ едва ли зналъ о томъ, каковъ это мнимый подарокъ, потому что онъ напередъ сказалъ студентамъ: «вотъ у насъ въ день Преображенія будетъ отличный столъ; отецъ ректоръ отдалъ вамъ своихъ малосольныхъ сиговъ». Студенты, которымъ кромѣ *тешки* почти ничего рыбнаго не удавалось покушать, очень были рады такому сюрпризу и съ удовольствіемъ ожидали вожделѣннаго обѣда. Но когда пришли 6-го августа въ столовую, то были поражены невыносимымъ запахомъ; нельзя было не только ѣсть рыбу, но даже сидѣть близъ нее.

Голодъ, по пословицѣ, *не свой братъ, не тетка*, отъ него всякому поскорѣе хочется отдѣлаться. Поэтому голодавшіе студенты употребляли всѣ средства, чтобы восполнить то, чего не давала казна. Объ одномъ изъ нихъ, именно о чаепитіи пока не говорю, потому что оно употреблялось и сытыми, и голодными студентами, а теперь укажу на другія средства. Нѣкоторые студенты побогаче другихъ подговаривали больничнаго по-

вара, чтобы онъ во время постовъ на своей кухнѣ приготовлялъ имъ къ обѣду и ужину скоромный супъ или молочную кашу; за это, разумѣется, платили ему деньги. Другіе чрезъ служителей покупали кувшины молока, которое въ пополненіе обѣдовъ и употребляли съ чернымъ хлѣбомъ. Очень многіе брали у булочника булки, рѣдко на деньги, а большею частью въ долгъ *на книжку*, какъ выражались. Расходъ булокъ былъ такъ великъ, что приходили два булочника—одинъ утромъ часу въ восьмомъ, а другой предъ самымъ обѣдомъ. Смѣшно, а вмѣстѣ и грустно бывало смотрѣть, какъ студенты, идя въ столовую, или возвращаясь изъ нея, запасаются булками, зная напередъ, или убѣдившись за обѣдомъ, что благочестивое начальство, заботясь о соблюденіи церковныхъ правилъ, не заботилось о томъ, чтобы студенты не голодали; вѣдь нѣтъ положительно ни одного правила, которымъ бы предписывалось дурно кормить воспитанниковъ въ постные дни. Но студенты были народомъ очень небогатымъ; долги ихъ булочникамъ росли и умножались; немногіе расплачивались, а прочіе забирали болѣе и болѣе, обѣщаясь какъ-нибудь расплатиться, особенно по окончаніи курса; но тутъ являлись новыя настоятельныя нужды. Булочники начали жаловаться; ихъ слезныя прошенія появлялись даже въ коммиссіи духовныхъ училищъ. Вмѣсто того, чтобы позаботиться объ улучшеніи пищи, высшее начальство предписывало обязать подписками студентовъ, продолжавшихъ еще обучаться, не брать булокъ въ долгъ, а съ окончившихъ курсъ, если они находились въ духовно-училищной службѣ, вытребывали долги. Являлись предписанія въ правленія семинарій о взысканіи съ такого-то и съ такого-то денегъ за забранныя имъ булки у какого-либо изъ крестьянъ Вонифатія. Семинаріи, т.-е. ученики семинарій, узнавши о томъ, никакъ не могли понять, какимъ образомъ случилось, что ихъ сановитый и величавый профессоръ философіи, или еще болѣе сановитый и величавый и вмѣстѣ благочестивый отецъ-инспекторъ такъ много задолжали за булки какому-либо Вонифатію и до сихъ поръ не расплачивались съ нимъ. Въ простотѣ сердечной тогдашніе семинаристы, какъ я уже сказалъ, думали, что въ академіяхъ для студентовъ приготовляется пища вполнѣ достаточная, барская, а вовсе не такая, какою приходилось имъ, бурсакамъ, набивать свои желудки.

Когда студенты рѣшались жаловаться на дурную пищу, то имъ тогда проповѣдывалось, что подобныя жалобы отзываются чревоугодіемъ, что нужно *пещись* не о плоти, нашемъ злѣйшемъ врагѣ, а о единой безсмертной душѣ. Въ московской духовной академіи въ двадцатыхъ годахъ былъ инспекторъ, который, на-

скучивъ вѣчными жалобами студентовъ на пищу, рѣшился показать этимъ чревоугодникамъ, кому они уподобляются. Когда старшіе пришли въ одинъ день рапортовать о благосостояніи студентовъ, то отецъ инспекторъ встрѣтилъ ихъ слѣдующими словами: «знаете ли, какая мнѣ мысль пришла, когда я услышалъ, что вы идете ко мнѣ?» и получивъ въ отвѣтъ: «не знаемъ», продолжалъ: «вотъ, думалъ я, идутъ израильтяне, воздыхающіе не объ обѣтованной землѣ, а о яствахъ египетскихъ». Въ семинаріяхъ начальство не любило прибѣгать къ такимъ топкимъ сравненіямъ. На жалобы учениковъ касательно пищи частенько отвѣчали слѣдующимъ образомъ: «Вотъ еще что придумали, голыши, неблагодарные! Казна васъ кормитъ, даетъ вамъ пріютъ, а вы еще жалуетесь на нее. Ахъ вы, неблагодарные!» и пр.

Есть пословица: *не красна изба углами, красна пирогами.* Я уже сказалъ, что академическая столовая не была красна пирогами; но еще менѣе она красовалась углами, — всею своею внѣшнею обстановкою, которою развѣ могла похвастаться только предъ семинаріями. Здѣсь въ то время о красотѣ вовсе уже не думали; столы въ столовой обыкновенно ничѣмъ не покрывались; о салфеткахъ не имѣли и понятія; во многихъ мѣстахъ мисками служили деревянныя чашки; ложку каждый ученикъ долженъ былъ имѣть свою и самъ приносить ее въ столовую; у дворниковъ на постоялыхъ дворахъ можно было встрѣтить столовыя принадлежности поприглядиѣе, нежели въ столовыхъ для семинаристовъ, воспитывавшихся подъ непосредственнымъ надзоромъ мудрыхъ и благочестивыхъ иноческствующихъ лицъ. Въ академической же столовой столы все-таки закрывались скатертями, для каждаго студента ставился особый приборъ изъ тарелки, салфетки и деревянной ложки въ видѣ лодочки. Миска и разливныя ложки были мѣдныя—полуженныя. Посуда вытиралась и вымывалась не съ особою заботливостью; отчего хоть благочестивое начальство всячески старалось соблюдать церковныя постановленія относительно студентческой пищи, между тѣмъ въ среду и пятницу во время мясоѣдовъ на поверхности постныхъ супа и щей плавали блестки вовсе не постныхъ качествъ. Столовое бѣлье перемѣнялось чрезъ недѣлю; отчего во вторую половину ея оно въ строгомъ смыслѣ не могло уже называться бѣльемъ. Такъ сказать, учерпенію его помогали сами студенты. Многіе изъ нихъ пріѣзжали въ академію, не имѣя понятія о томъ, какъ обѣдаютъ за столами порядочныхъ людей. Нѣтъ еще 20-ти лѣтъ, какъ въ Петербургѣ умеръ протоіерей Покровской церкви въ Коломнѣ Гр. Ал. Д—ій. Отъ него самого

можно было слышать разсказъ о первомъ его дебютѣ въ академической столовой. Онъ, взявши свою порцію говядины и слыша совѣты разрѣзать ее на куски, никакъ не рѣшился произвести эту мудреную операцію въ своей тарелкѣ, а заворотилъ скатерть и на голомъ столѣ, придерживая порцію не вилкою, а пальцами лѣвой руки, изрѣзалъ ее; и потомъ подставивъ тарелку поближе къ столу, правою рукою сдвинулъ въ нее со стола куски говядины, опустилъ завороченную скатерть и принялся за обѣдъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Такого рода джентльмены не очень деликатились съ скатертями и салфетками. Нужно было обтереть ложку? для этого служила скатерть, которая кромѣ того безъ милосердія заливалась щами. Показалось, что каши подано много? излишекъ валили на скатерть же. Захотѣлось облегчить свой носъ? употребляли салфетку вмѣсто носового платка. Можно понять, чѣмъ при такомъ умѣньи сохранять чистоту и опрятность дѣлалось столовое бѣлье послѣ 2 — 3 дней употребленія и чѣмъ оно становилось послѣ, въ концѣ недѣли!

Начальство очень рѣдко ходило въ столовую. Ректоръ являлся въ ней развѣ въ экстренномъ какомъ-либо случаѣ, а иногда въ цѣлый годъ въ нее и не заглядывалъ. Инспекторъ приходилъ большею частью въ четвергъ, въ праздничные и воскресные дни за ужинъ, чтобы лично убѣдиться, всѣ ли студенты возвратились изъ города въ благопристойномъ видѣ. Такого рода свободою отъ начальственнаго надзора студенты пользовались *по-своему*. Обыкновенно звонка къ обѣду не дожидались, а вышедши изъ класса и поскорѣе отнесши книги въ комнату, подступали къ столовой. И такъ какъ дверь въ нее изъ корридора была еще заперта, то входили или лучше врывались въ нее чрезъ буфетъ, останавливаемые иногда служителями и встрѣчаемые словами: «да погодите, господа! нѣтъ ничего еще готоваго». Цѣль этого насильственнаго вторженія состояла въ томъ, чтобы позавладѣть лучшей порціей говядины изъ тѣхъ, которыя стояли близъ каждой миски; люди посмѣлѣе *на просторъ простирали руку* и не на принадлежащія къ ихъ мискѣ порціи. Потомъ торопились разрѣзать порціи и когда появлялись служители съ мисками щей, то поднимался крикъ: «сюда, Петруха, сюда, Григорій» и пр. Въ постные дни иногда бы не зачѣмъ ходить ранѣе звонка, потому что при Доброзраковѣ рыбы почти никогда не подавали, но ужъ привычка была сдѣлана и всѣ до звонка спѣшили въ столовую, точно какъ будто иначе провѣваешь свое мѣсто. И потому когда пробьетъ бывало звонокъ, то развѣ нѣсколько чудаковъ войдутъ въ столовую; за такую просрочку имъ и доставались самыя дурныя порціи. Предъ ужи-

номъ большая часть студентовъ или занимались чѣмъ-нибудь, или безъ часовъ не могли угадать, когда онъ начнется, поэтому *преждевременныя вторженія* въ столовую были не многолюдны. Но нѣкоторые любители лучшихъ порцій заранѣе отправлялись въ корридоръ предъ столовою и здѣсь съ терпѣніемъ ожидали того момента, когда можно будетъ вторгнуться въ нее.

Молитву при началѣ и окончаніи обѣда и ужина поручалось читать чередному старшему; даже существовало приказаніе, чтобы никто ранѣе ея не начиналъ не только кушать, но даже разрѣзать говядину. При господствѣ описанной мною безурядицы о буквальномъ исполненіи этихъ распоряженій мало думали. Иные старшіе,—либералы, вовсе не читали молитвъ; но люди же исполнительные, боящіеся и отсутствующей власти, считали нужнымъ исполнять возложенную на нихъ обязанность. Но читать молитву прежде звонка не полагалось. И потому случалось, что когда зубы почти всѣхъ 120-ти человѣкъ заняты были разжевываніемъ говядины, хлѣба и пр., вдругъ раздавалось болѣе или менѣе громкое: «*Отче нашъ*». Люди потрусливѣе вставали съ своихъ мѣстъ и дѣлали поклоны, тогда какъ ротъ переполненъ былъ разнаго рода недожеванными кусками; люди же посмѣлѣе продолжали начатую ими работу. Студенты низшаго отдѣленія еще, такъ сказать, *необстрѣленные*, не осмѣливались выходить изъ столовой ранѣе молитвы, но обстрѣленные господа не дожидались ея. И когда старшій наконецъ провозглашалъ ее, то половины долженствовавшихъ молиться иногда уже не было; другіе еще не кончили своего обѣда или ужина, поэтому оставались въ столовой и послѣ молитвы.

Во время обѣда и ужина, когда было что покушать и пока аппетитъ еще не былъ сколько-нибудь удовлетворенъ, всѣ занимались своимъ дѣломъ въ молчаніи, или произнося отрывчатыя слова. Но тишина не всегда господствовала въ столовой; и тутъ студенты низшаго отдѣленія, побаиваясь своихъ старшихъ, развѣ шопотомъ разговаривали между собою; но студенты высшаго отдѣленія, особенно тѣ, которымъ хотѣлось показать, что они ничего не боятся, вели рѣчь открытую, громкую, такъ что ихъ слышала вся столовая; иногда изъ-за какого либо остраго словца поднимался общій хохотъ. Еслибы сторонній человѣкъ, знакомый съ тогдашнимъ устройствомъ свѣтскихъ училищъ, присутствовалъ въ академической столовой въ теченіи всего обѣда, не зная впрочемъ, что за люди тутъ кушаютъ, то онъ никакъ не догадался бы, что онъ находится въ столовой одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, а скорѣе подумалъ бы, что это большая кухмистерская самаго низшаго разбора. Къ этой мысли

расположило бы разнообразіе и бѣдность одежды, потому что сюда приходили, кто въ чемъ находилъ удобнымъ; тутъ были и халаты, и шинели, и сѣрые суконные сюртуки, а главное мухояровые или панковые шлафроки, на одномъ еще имѣющіе видъ и подобіе сюртуковъ, еще цѣлые,—на другомъ замасленные, засаленные и потерявшіе уже право называться сюртуками.

Гдѣ же жили эти студенты, плохо одѣтые, а иногда и плохо накормленные? Домъ академіи въ то время могъ назваться хорошимъ даже въ Петербургѣ по своей наружности, по параднымъ лѣстницамъ, по галереямъ и корридорамъ. Но въ этихъ корридорахъ, галереяхъ болѣе, нежели въ половину года распространялся отъ ретирадъ отвратительнѣйшій запахъ, который не только безпокоилъ обоняніе, но и *пялъ*, какъ говорится, *глаза*. Изъ галерей запахъ проникалъ въ комнаты, особенно тѣ, которыхъ двери были близки къ ретирадамъ. Сторонній человѣкъ, пришедши въ такія комнаты утромъ, имѣлъ право подумать, что въ нихъ ночевали не студенты, а какіе-либо виновные въ наказаніе за проступки ихъ; такъ былъ отвратителенъ запахъ, который въ теченіе ночи заходилъ сюда изъ корридоровъ! Днемъ хоть сколько-нибудь его улучшали, или открывая форточки, или окуривая смолкою.

Житье-бытье студентовъ было устроено не по образцу свѣтскихъ училищъ. Въ классныхъ комнатахъ они сидѣли только во время чтенія лекцій наставниками, а во всякое другое время помѣщались въ *жилыхъ*, какъ говорили, *комнатахъ*, которыя служили и спальнями, и мѣстомъ для учебныхъ занятій, и гардеробомъ, и даже чѣмъ-то похожимъ на харчевню. Большею частію двѣ комнаты составляли одну административную единицу подъ именемъ нумера. Въ каждой комнатѣ помѣщались 3—7 человѣкъ, а въ каждомъ нумерѣ былъ командиръ подъ названіемъ *старшаго*. Въ этихъ комнатахъ, разумѣется, нельзя было ожидать хорошаго, благорастворенаго воздуха; жильцы въ нихъ оставались или цѣлые сутки, или $^3/_4$ части ихъ; сюда болѣе или менѣе проникалъ тотъ запахъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ. Вентиляція состояла только изъ простыхъ форточекъ, которыя впрочемъ были не во всѣхъ комнатахъ, но форточки не всегда открывались или по небрежности, или потому, что нѣкоторые жильцы боялись холоднаго, втекающаго въ нихъ воздуха. Окуриваніе смолкою конечно заглушало дурной запахъ, за то прибавляло порядочное количество дыма.

Но независимо отъ запаха, жилыя студентческія комнаты не могли казаться благоприличными по своему внѣшнему виду и по господствовавшей въ нихъ обстановкѣ. Въ своемъ домѣ по-

мѣстилась академія еще въ 1819, а въ студентческихъ комнатахъ до 1829 и 1830-го годовъ краска на стѣнахъ и полахъ, кажется, ни разу не была поправляема; отъ этого, разумѣется, не много въ нихъ замѣчалось благообразія. Особенно же полы были очень безобразны; въ однихъ мѣстахъ еще держалась краска, въ другихъ едва была замѣтна, а тамъ выглядывали доски въ натуральномъ своемъ видѣ. Но и послѣ того, какъ почаще стали подновлять краску на стѣнахъ и полахъ, видъ комнатъ оставался очень некрасивымъ; да иначе почти и быть нельзя, какъ увидимъ изъ описанія ихъ. Кровати стояли вдоль стѣнъ, плотно къ нимъ придвинутыя одною изъ продолговатыхъ сторонъ, а съ трехъ другихъ сторонъ закрывались чахлами изъ тику посредственной доброты. Такимъ образомъ все, что стояло, или лежало подъ ними, оставалось невидимымъ; а тамъ чего не было? и едва ли не болѣе всего пыли и сору, потому что чисто выметать оттуда служители или не хотѣли, или не умѣли. Постель состояла изъ матраца, простыни, двухъ подушекъ и бумазейнаго одѣяла. Потому ли, что послѣднее не отличалось своею прочностію, или по своей бѣлизнѣ скоро чернилось, имъ не покрывали матраца, а складывали его въ осьмую долю всей поверхности и клали подъ подушки, или въ концѣ кровати. Такимъ образомъ матрацъ прикрывался одною простынею. Но такъ какъ постельное бѣлье смѣнялось не чаще, какъ чрезъ 10, а иногда чрезъ 20 дней, то и простыня, и наволочки были очень черны. Послѣ, когда съ 1831 года инспекторъ настоялъ на томъ, чтобы одѣяломъ на день покрывалась кровать, то и одѣяла скоро чернились и дѣлались безобразными. Въ случаѣ же отдачи ихъ въ мытье кровати оставались ничѣмъ, кромѣ простыни, непокрытыми; притомъ одѣяла на третьемъ, особенно на четвертомъ году употребленія ветшали и расползались.

И мебель, находившаяся въ комнатахъ, не могла служить къ ихъ украшенію. Она состояла изъ гардеробнаго шкафа, конторки, табуретовъ, столовъ и сундуковъ, сдѣлана была вся изъ сосноваго дерева и *топорной*, какъ говорятъ, *работы*. Большая часть сундуковъ стояла подъ кроватями, но отъ выдвиганья и задвиганья каждаго изъ нихъ чертились на крашеномъ полу дорожки, которыя въ концѣ концовъ стирали, по крайней мѣрѣ на половину, его краску. Но безобразнѣе и неудобнѣе были столы не только по своей грубой отдѣлкѣ, но и по внѣшней формѣ. Часть ихъ, на которую студентамъ во время ихъ занятій надобно было класть свои тетради и книги, имѣла видъ четырехугольной усѣченной пирамиды; на верхнюю площадь ея ставились подсвѣчники, чернильницы и песочницы,

а на покатыхъ бокахъ нужно было держать тетради и книги; столы эти назывались *горбатыми*. Для старшихъ впрочемъ ставили столы съ опускными половинками; а послѣ уже мало-помалу для всѣхъ устроены были нѣчто въ родѣ ломберныхъ столовъ, разумѣется, безъ зеленаго сукна. Кромѣ того многіе студенты покупали свои столики, кресла и стулья,—все это, разумѣется, не особенно красивой формы и отдѣлки. Такимъ образомъ почти всѣ четыре стѣны комнаты уставлены были кроватями, гардеробомъ, комодомъ, конторкою, отчасти сундуками, а средина наполнялась горбатыми и негорбатыми столами, табуретами, креслами и стульями. Если бы поуменьшить число кроватей и поувеличить число другихъ вещей, то сторонній человѣкъ, вошедши въ такія комнаты, легко могъ бы подумать, что это не зала для ученыхъ занятій, а почти лавка для продажи подержанныхъ невзрачныхъ разнообразныхъ вещей.

Неприглядность студентческихъ комнатъ увеличивалась еще отъ двухъ побочныхъ обстоятельствъ. Многіе студенты любили разводить комнатныя растенія съ цвѣтами и безъ цвѣтовъ; особенно въ ходу были гераніумъ, кактусъ, лимонное дерево и пр.; горшки съ ними обыкновенно ставились на окна. Дѣло, разумѣется, не дурное. Но тутъ нуженъ внимательный взглядъ и вкусъ хозяйки, чтобъ вмѣсто украшенія такими растеніями не обезобразить комнатъ; а этотъ-то взглядъ и вкусъ не у всѣхъ студентовъ замѣчался. Стояли на окнахъ конечно и хорошіе горшки, но рядомъ съ ними, притомъ въ гораздо большемъ количествѣ, помѣщались полуразбитые горшки, чайники безъ носочковъ и ручекъ, негодныя полоскательныя чашки и пр. Подобная коллекція всякой дряни не могла служить украшеніемъ комнатѣ. Но тутъ привходило еще новое обстоятельство. Растенія надобно было поливать водою; усердія на это у студентовъ доставало и даже съ избыткомъ; вода изъ поддонковъ разливалась по подокопнику; но большая часть горшковъ не имѣла и поддонковъ. Поэтому вода съ подоконниковъ стекала по стѣнамъ и распространялась по полу. Здѣсь въ слѣдующій день служитель какъ-нибудь вытиралъ ее, но дорожки, которыя она производила на стѣпахъ, оставались до того времени, когда маляру поручалось позакрасить ихъ; тоже самое нужно сказать и о подоконникахъ. И вотъ вещи, которыя дѣйствительно могли бы служить украшеніемъ для комнатъ, только безобразили ихъ.

Другимъ обстоятельствомъ, безобразившимъ комнаты было чаепитіе. Чуть не всѣ студенты, будучи побуждаемы голодомъ, или пріобрѣтенною привычкою, имѣли желаніе пить чай ежедневно, или по крайней мѣрѣ по временамъ. Начальство этому

не препятствовало, но предоставляло самимъ студентамъ добывать деньги на покупку не только чая съ сахаромъ, но и самоваровъ, чашекъ и чайниковъ. Потомъ не обязывало служителей хотя бы самовары разогрѣвать. Комнатнымъ старшимъ еще оказывалась эта услуга, но и то не всегда; прочіе же, такъ сказать, *рядовые студенты* должны были нанимать служителей для такой прислуги, по наибольшею частію лично занимались разогрѣваніемъ самоваровъ. Утромъ въ холодное время это занятіе не соединялось съ большими хлопотами. Нужно было только сходить съ самоваромъ въ умывальню, наполнить его тамъ водою, принести въ комнату и изъ топившейся печки накласть углей—увы! иногда при помощи однихъ пальцевъ. И тутъ часто служитель не соглашался на такую растрату, чтобы не быть вынужденнымъ приносить нѣсколько лишнихъ полѣньевъ дровъ. Поэтому чаефиламъ не только лѣтомъ, но наибольшею частію и въ зимнее время нужно было съ самоваромъ спускаться въ подвальный этажъ,—въ студентческую кухню, наливать его водою изъ чана и наполнять углями изъ очага, потомъ съ порядочною уже ношею подняться по лѣстницамъ, напр. до верхняго этажа болѣе, нежели на 80 ступеней;—это уже дѣло вовсе нелегкое. Но предварительно часто на кухнѣ приходилось испытать немалое количество непріятностей. Поварамъ точно также, какъ и комнатнымъ служителямъ было нелюбо носить лишнія дрова для того только, чтобы студенты могли ставить себѣ самовары. Да и резонно, — вѣдь на 40, а иногда на 60 самоваровъ требовалось немалое количество дровъ. Правда, у самаго очага стояла корзина съ холодными углями; нужно было только внизъ самоварной трубы положить нѣсколько раскаленныхъ углей, а потомъ дополнить ее холодными, но все-таки на долю поваровъ выпадали лишнія хлопоты; поэтому имъ не было поводовъ находить удовольствіе въ визитахъ чаефиловъ, и тутъ иногда слышались ворчанье и слова, произносимыя сквозь зубы: «Эка, сколько ихъ принесло!» Но часто студенты, добывая угли изъ очага, разбрасывали дрова въ немъ, такъ что огонь потухалъ. Ну, тогда поваръ, принужденный вновь разводить его, уже *давалъ полную волю языку своему* и высказывалъ такія любезности, отъ которыхъ, какъ говорится, *не поздоровится*; начинались уже настоящія перебранки, въ которыхъ легкія поваровъ, не ослабленныя сидѣньемъ надъ книгами и письмомъ, большею частію одерживали верхъ надъ студентческими легкими. Случалось и то, что въ очагѣ нельзя было найти ни одного горячаго уголька, нужно было добыть лучинку, зажечь и положить ее въ трубу самовара, и потомъ накласть холодныхъ углей изъ корзи-

ны, затѣмъ обратить себя въ раздувальный мѣхъ; вѣдь трубы самоварной вовсе не было. Бывало и то, что холодныхъ углей въ корзинѣ нѣтъ; повара отказываются принести ихъ; надобно самому отправляться по темнымъ корридорамъ подвальнаго этажа, отыскивать ихъ въ какомъ-то темнѣйшемъ чуланѣ и нести въ подолѣ своего платья къ самовару. Послѣ всѣхъ разнообразнѣйшихъ процедуръ наконецъ самоваръ въ комнатѣ; но тутъ часто оказывалось, что холодные угли испускаютъ зловонный запахъ и распространяютъ угаръ; нужно поскорѣе унести самоваръ въ корридоръ и тамъ часто на холодѣ (корридоровъ тогда не отапливали), даже въ сильные морозы стоять и ожидать, пока самоваръ вскипятится. Въ заключеніе всего оставалось вымыть свои руки, а часто и лицо; тѣ почти всегда были черны, если у нихъ не было своихъ щипцовъ, но и послѣднее иногда носило ясные слѣды того, что владѣлецъ его обращался около углей. Да, признаться сказать, надобно было быть или слишкомъ голоднымъ, или отчаяннымъ чаефиломъ, чтобы перенести всѣ описанныя хлопоты, труды, даже униженія и въ награду за то напиться чаю.

И правду сказать, пили уже съ полнѣйшимъ *всеусердіемъ*; десять чашекъ, — это еще не былъ *maximum*, доходило и до пятнадцати; сахару тратилось немного; пивали не только въ прикуску, но и чуть-чуть не *въ приглядку*, не *въ придумку;* пастой былъ жиденекъ, но за то воды не жалѣли. Но наслажденіе, испытываемое чаефилами, не совсѣмъ приглядно отражалось на комнатѣ. Мужчины, можетъ быть, справедливо вообще обвиняются въ неряшествѣ; отъ студентовъ академій, еще недавно бывшихъ бурсаками, ожидать и требовать щепетильной опрятности почти что было невозможно, а иногда у нихъ недоставало ни времени, ни средствъ, ни умѣнья позаняться ею. На горбатыхъ столахъ пить чай было неудобно; поэтому горячіе самовары ставили на подоконники, на складные столы, на комоды. Поддонниковъ никакихъ почти ни у кого не было; о скатертяхъ и не думали; подносы считались рѣдкостію; даже на покупку полоскательной чашки не у всякаго доставало или денегъ, или охоты. И потому мѣста, гдѣ пили чай, заливались водою, выжигались отъ горячихъ ножекъ самоваровъ углубленія, оставались круги отъ дна чашекъ и чайниковъ. Потомъ чайный отстой въ чашкѣ выливали на полъ, или куда-либо въ уголъ у печки, или даже за кровать, а особенно въ плевальницы, въ которыхъ часто уже трудно было увидать настоящій песокъ. Вытирать [redacted]ныя мѣста было нечѣмъ; казна, какъ выше сказано, не давала даже утиральниковъ для вытиранія лица и рукъ послѣ умыванья; вмѣ-

сто тряпокъ вытирали подоконники, столы и пр. бумагою. Самые чайники и чашки у многихъ чаефиловъ похожи были на тѣ, которые встрѣчаются на постоялыхъ дворахъ. Спрятанные въ комодъ, они еще не безобразили комнатъ, но ихъ нерѣдко оставляли на комодахъ и окнахъ. Если къ тому безобразію, которое происходило отъ кроватей и разнообразной мебели, присоединить безобразіе отъ цвѣтолюбія и чаефильства, то, я думаю, повѣрите, что сторонній человѣкъ, вошедши въ студентческія комнаты, особенно во время чаепитія, легко могъ подумать, что тутъ живутъ писаря-кантонисты какого-нибудь присутственнаго мѣста, которымъ впрочемъ дозволялось носить не форменную одежду.

Но одинъ разъ чрезъ двухлѣтній періодъ повторялись случаи, когда безобразіе въ студентческихъ комнатахъ достигало такой степени, что ихъ нельзя было сравнивать съ комнатами писарей. Академическое начальство заготовляло мебель, сообразуясь съ штатнымъ положеніемъ студентовъ. Между тѣмъ уже въ двадцатыхъ годахъ вновь вытребованные студенты пріѣзжали въ академію прежде, нежели кончившіе курсъ получали свое назначеніе, и тогда въ одно и то же время помѣщалось въ студентческихъ комнатахъ три курса. Лишнихъ кроватей было немного, и потому для бо́льшей части новоприбывшихъ студентовъ стлали постели прямо на полъ. Случалось также, что недоставало ни сундуковъ, ни табуретовъ, ни столовъ, и потому молодые студенты принуждены были свои вещи или держать въ чемоданахъ, съ которыми они пріѣхали, или укладывать ихъ подъ подушки тѣхъ же постельныхъ приборовъ, которые разбросаны были по полу. И жалко, и смѣшно было смотрѣть на этихъ бѣдняковъ, которые ѣхали въ академію съ высокимъ мнѣніемъ о своемъ значеніи, съ надеждою, что ихъ помѣстятъ гораздо лучше, нежели въ семинарской бурсѣ. И вотъ къ нимъ приходятъ земляки и знакомые студенты университета, педагогическаго института, медико-хирургической академіи и пр., застаютъ ихъ *въ лежачемъ* положеніи на полу на матрацахъ. Надобно поздороваться; начинаются объясненія о томъ, почему это ихъ такъ расположили по полу; гости хвалятся, что у нихъ подобное безобразіе немыслимо; сконфуженные хозяева кое-какъ защищаются, или, если нѣтъ въ комнатѣ старшаго, принимаются ругать начальство. Потомъ не вѣкъ же стоять, а присѣсть только и можно было на окнахъ; и вотъ хозяева и гости, поджавши подъ себя ноги по восточному, или на колѣняхъ присаживаются на [illegible]ки. Если былъ самоваръ, то и чай пивали въ томъ же положеніи. И благопочтительное начальство долго не догадывалось, что подобнаго отвратительнаго безобразія можно было из-

бѣгнуть, запасшись лишнимъ числомъ кроватей и табуретовъ. Но къ чему это? пусть новобранцы полежатъ, *поваляются* на полу.

Впрочемъ, это было экстреннымъ случаемъ; обратимся опять къ регулярному образу жизни студентовъ. Соблюдать чистоту и опрятность въ ихъ комнатахъ при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ я говорилъ, почти не было возможности. Полъ въ нихъ ежедневно подметали, притомъ не вѣникомъ, не метлою, а щеткою, даже вспрыскивали водою, чтобы немного подтереть его; очень нерѣдко вымывали швабрами; — все это дѣлалось не безъ усердія. Но возможна ли была чистота и опрятность, когда кромѣ пыли и сора, заносимыхъ ногами, уливали полъ сливками чая? Какимъ образомъ вымести соръ изъ-подъ кровати, гдѣ стояли сундуки, лежали сапоги, грязное бѣлье, хранились даже и бутылки, и куда запустить щетку не иначе можно было, какъ приподнявши чахлы? Большая нужда такъ хлопотать! И отъ того тамъ набиралось очень порядочное количество пыли и сора, которые оттуда, особенно при открытыхъ окнахъ, вылетали на средину комнатъ. Нечего грѣха таить, грязновато иногда бывало.

Жильцамъ комнатъ, *къ добродѣтелямъ* которыхъ не принадлежитъ чистота и опрятность, трудно быть опрятными и чистоплотными. Правда, что для омовенія грѣшнаго тѣла студентовъ въ академіи существовала очень хорошая баня, гдѣ было вдоволь горячей и холодной воды и вѣниковъ, гдѣ каждый могъ попарить и вымыть себя; для послѣдней операціи получался небольшой, но и не недостаточный кусочекъ мыла. Были также нанимаемы на казенный счетъ прачки, которыя обязывались мыть все, что ни отдавали студенты, и мыли хоть и не очень чисто, но и не очень нечисто. Только, къ сожалѣнію, хорошую баню отапливали чрезъ 10—11 дней. Кто имѣлъ про запасъ лишнее бѣлье, тотъ, разумѣется, могъ перемѣнить его и въ промежутокъ между банями. Но бѣда состояла въ томъ, что начальство вовсе не заботилось о подобномъ запасѣ. Я уже сказалъ, что рубашечнаго бѣлья ежегодно выдавалось по три пары; оно въ этотъ срокъ, никѣмъ не починиваемое, почти что изнашивалось; а черное бѣлье вымывалось прачками не ранѣе, какъ чрезъ 20 дней; слѣд. двѣ пары всегда были у прачки, а одна на студентѣ, который такимъ образомъ по неволѣ носилъ одно и то же бѣлье отъ бани до бани въ теченіи 10—11 дней, нѣкоторымъ же изъ вновь поступавшихъ студентовъ приходилось носить его и по 20-ти дней. Дѣло состояло въ томъ, что новое бѣлье выдавалось имъ не тотчасъ по пріѣздѣ ихъ въ академію, а уже

около Пасхи, и даже послѣ нея, а иные студенты по провинціальной простотѣ вѣря, что въ академіи снабдятъ ихъ всѣмъ въ изобиліи, пріѣзжали съ двумя только парами бѣлья, и пока не успѣвали пріобрѣсти третью (а этому бывали примѣры), должны были носить одно и то же бѣлье цѣлыхъ три недѣли.

Но и безъ экстраординарнаго случая, при регулярномъ порядкѣ вещей, при трехъ парахъ бѣлья и при описанныхъ условіяхъ жизни въ своихъ комнатахъ, студенты не могли содержать себя въ чистотѣ и опрятности; вѣдь въ 10—11 дней бѣлье, бывшее бѣлѣе снѣга, почернѣетъ, особенно когда надѣвшему его приходится спать на простынѣ, которая тоже не моется 10—11 дней, а иногда и три недѣли. Поэтому, пересматривая тогдашнія аптекарскія книги, въ которыя вписывались лекарства для студентовъ, можно встрѣтить и *сѣрный цвѣтъ*, и *сѣрную мазь* и даже матеріалъ для сѣрныхъ ваннъ, — снадобья для излеченія отъ той проказы, которую семинаристы называли *жемчугомъ*.

Другое дѣло тѣ насѣкомыя, которыя мучатъ неопрятное человѣчество. Не оскорбляя слуха моихъ читателей ихъ неблагозвучными названіями, я употреблю тѣ слова, которыми ихъ называли тогда въ семинаріяхъ; *пѣхота*, это тѣ насѣкомыя, которыя устроиваютъ свои квартиры въ волосахъ головы и въ складкахъ бѣлья; *кавалерія* — тѣ насѣкомыя чернаго цвѣта, которыя такъ быстро прыгаютъ и по полу, и по кровати, и вездѣ; — *артиллерія* — тѣ насѣкомыя, которыя любятъ помѣщаться въ щеляхъ стѣнъ и кроватей, въ складкахъ матрацовъ и пр. Отъ пѣхоты почти всѣ студенты защищали себя частыми гребешками, которыхъ впрочемъ казна не выдавала. Но отъ кавалеристовъ и артиллеристовъ ничто не спасало. Первые особенно были многочисленны лѣтомъ и въ началѣ осени. Нѣкоторые студенты, кромѣ бѣлья, на ночь надѣвали поски и перчатки и все такъ другъ съ другомъ соединяли разными перевязками, чтобы кавалерія не имѣла возможности добраться до тѣла; только одно лицо и голова оставались для нея открытыми. Но всего грознѣе и, такъ сказать, неистребимѣе была артиллерія, плодившаяся и размножавшаяся въ огромнѣйшемъ числѣ не только въ углахъ желѣзныхъ кроватей и щеляхъ ихъ досокъ, но и въ трещинахъ у печекъ, въ промежуткахъ между стѣнами и плинтусами, въ супдукахъ и на стѣнахъ близъ карнизовъ. Даже въ первую ночь, какъ постелется, бывало, бѣлая простыня, на ней уже оказывалось много въ буквальномъ смыслѣ кровавыхъ слѣдовъ ночной борьбы студента съ артиллеристами. Но чрезъ 5—6, особенно 10 дней простыня дѣлалась безобразно испятнанною. Артиллеристы и днемъ не всѣ скрывались; нѣкоторые изъ нихъ,

особенно по стѣнамъ, любили перебираться отъ одного, такъ сказать, лагеря къ другому, или просто прогуливались. Война между ими и ихъ противниками до такой степени велась ожесточенно, что послѣдніе не упускали подвергать смертной казни каждаго, показавшагося на ихъ глаза артиллериста; не говоря ни слова, ихъ тотчасъ казнили на стѣнѣ. Такимъ образомъ и тутъ мало по малу составлялись кровавыя не пятна, а полоски.

Такія единичныя нападенія истребляли немного непріятелей-кровопійцъ. Студенты, несмотря на молодость, испытывали безсонницу отъ множества кусавшихся артиллеристовъ и потому предпринимали походы для повальнаго ихъ истребленія. Для этого бо́льшею частію избирался свободный день, когда служитель рѣшался получше вымыть полъ швабрами. Прежде, нежели начиналась эта работа, студенты ставили самовары, снимали доски съ кроватей, потомъ кипяткомъ истребляли своихъ враговъ во всѣхъ углахъ и щеляхъ, убивая въ то время своими ногами тѣхъ изъ нихъ, которые искали спасенія въ бѣгствѣ по полу. Пересматривались чахлы и всѣ принадлежности постели; не забывались сундукъ и ближайшая часть плинтуса и пр. Иногда же, особенно въ каникулярное время, выносили кровать въ коридоръ, чтобы тамъ дѣйствовать на просторѣ. Какъ бы то ни было, битва окончена, враги, повидимому, истреблены, можно уже надѣяться, что теперь уснешь спокойно; такъ и бывало, но не на долгое время. Вѣдь артиллеристовъ оставалось еще многое множество въ другихъ кроватяхъ, сундукахъ, табуретахъ, за плинтусами, въ трещинахъ щекотурки и пр.; и мало-по-малу они опять поселялись въ ту же кровать, въ которой ихъ предшественники такъ немилосердо были истреблены. И длилась эта война для каждаго почти студента цѣлые четыре года!

Небрежность свою относительно студентческихъ комнатъ начальники академіи могли извинять тѣмъ, что нечистота и неопрятность не могли имѣть слишкомъ вредное вліяніе на здоровыхъ студентовъ, людей молодыхъ. Но чѣмъ оно могло извинять, можетъ быть, еще бо́льшую небрежность относительно академической больницы. Она состояла изъ трехъ комнатъ: изъ маленькой передней, въ которой стоялъ шкафъ, и за нимъ то, что́ такъ нужно и для здоровыхъ и для больныхъ людей; притомъ для очищенія воздуха тутъ не было даже форточки. Потомъ слѣдовали двѣ небольшія комнаты, въ которыхъ болѣе 10-ти кроватей нельзя было поставить. Комнаты были въ нижнемъ этажѣ невысокія, со сводами; для вентиляціи существовали только двѣ форточки, устроенныя въ нижнемъ звенѣ оконныхъ рамъ, безъ всякихъ предосторожностей противъ того, чтобы наружный

холодный воздухъ не повліялъ вредно на слабыхъ жильцовъ; поэтому форточки открывались еще рѣже, нежели въ студентческихъ комнатахъ, особенно когда бывали очень слабые и робкіе больные, страшившіеся простудиться отъ дуновенія каждой струи свѣжаго воздуха. Присоедините запахъ отъ лекарствъ, вредныя испаренія отъ больныхъ, зловоніе, заходившее изъ передней, и тогда поймете, что́ былъ за воздухъ, которымъ дышали больные.

Но этимъ не ограничивались неудобства. При больницѣ не было ни фельдшера, ни подлекаря; вся прислуга состояла изъ двухъ человѣкъ; на одномъ изъ нихъ лежала обязанность держать комнаты въ чистотѣ, убирать постели, помогать слабымъ больнымъ и ходить въ аптеку, находившуюся отъ академіи версты за $2^1/_2$, если не болѣе. Другой былъ поваръ, готовившій пищу для больныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же исправлялъ должность подлекаря, ставилъ мушки, прикладывалъ горчицы и пр., а кромѣ того, какъ я выше сказалъ, нѣкоторые студенты подряжали его готовить имъ пищу въ постные дни. Понятно, что у этого господина и на кухнѣ слишкомъ много было дѣла, чтобы ходить часто въ больницу; наконецъ онъ принадлежалъ къ поклонникамъ Бахуса и иногда по нѣскольку дней вмѣсто него долженъ былъ готовить пищу общій студентческій поваръ.

И служитель, и поваръ жили въ особой кухнѣ, которая отъ больницы отдѣлялась корридоромъ и галереей саженъ 12—15; бережливое начальство поскупилось даже провести на кухню проволоку, которая, трогая колокольчикъ, давала бы знать прислугѣ, что въ ней нуждается кто-нибудь. А теперь нужно самому больному отправляться за нею по корридорамъ, которые не отапливались и зимою были также почти холодны, какъ и наружный воздухъ. Что же теперь дѣлать больному, который не могъ даже и съ постели вставать самъ собою? хорошо, если другой больной въ состояніи былъ сходить на кухню, иначе жди до тѣхъ поръ, пока служитель соблаговолитъ пожаловать *motu proprio*. Но единственный служитель ежедневно, при порядочномъ количествѣ больныхъ, долженъ былъ ходить въ аптеку, и совершать это путешествіе около трехъ часовъ; тогда и въ колокольчикъ его бы не дозвониться; поваръ же и вмѣстѣ подлекарь занимался приготовленіемъ пищи, а то иногда лежалъ въ объятіяхъ Морфея и Бахуса. Если безпомощно было положеніе сильно больного днемъ, то ночью оно дѣлалось еще хуже, потому что служитель все-таки ночевалъ въ кухнѣ. Къ счастію студенты были сострадательнѣе къ больному своему товарищу, нежели благочестивое иночествующее начальство. Друзья,

земляки, знакомые ипогда добровольно чередовались и даже на ночь ложились близъ него на свободной кровати. Не будь этого, иной больной не имѣлъ бы возможности во́-время принимать лекарства и приподниматься на своей постелѣ. Я самъ на себѣ испыталъ, какъ опасно было оставаться сильно больному студенту безъ надзора товарищескаго. Въ 12-мъ часу ночи докторъ нашелъ нужнымъ вдругъ приложить мнѣ пять горчичниковъ: къ обѣимъ икрамъ, къ обѣимъ рукамъ и на грудь. Послѣ его отъѣзда поваръ-подлекарь исполнилъ его приказаніе и ушелъ спать на свою кухню; горчичники и оставались на мнѣ до 6-го часа утра. Болѣзнь, противъ которой ихъ поставили, дѣйствительно была побѣждена, но едва въ три недѣли залечили тѣ мѣста на тѣлѣ, гдѣ они стояли. Не могу я забыть того испуга, который выразился на лицѣ доктора, когда онъ, пріѣхавъ часу въ девятомъ утра, узналъ, что горчичники не снимались съ тѣла почти шесть часовъ.

Впрочемъ пельзя не сказать спасибо начальству за то, что оно не скупилось на медицинскія пособія; докторъ могъ прописывать всѣ лекарства, какія онъ находилъ нужными, не обращая вниманія на ихъ цѣнность. Служивпій нѣсколько лѣтъ докторъ, французъ Жувенель, выписывалъ изъ аптеки даже малиновые сиропы, чтобы больному легче было принимать непріятные на вкусъ медикаменты. Далѣе, чистота и опрятность, кромѣ дурного воздуха, соблюдались хорошо; даже артиллеристы рѣдко безпокоили больныхъ, по и то заносились изъ комнатъ. Равнымъ образомъ мундирная, такъ сказать, одежда для больныхъ была удовлетворительна. Но относительно скоромной пищи въ постные дни нѣкоторые ригористы начальники оставались упрямыми противниками; пусть-де лучше здоровье больного еще болѣе разстроится, или пусть болѣзнь поболѣе продлится, нежели нарушится буква церковнаго устава.

Начальство, не отличавшееся большою заботливостію о больныхъ и здоровыхъ студентахъ, дѣлалось за то очень внимательнымъ къ тѣмъ, которые оставляли навсегда *сію*, какъ говорилось въ проповѣдяхъ, *юдоль плача и скорби*. Для умершаго студента на казенный счетъ покупался, конечно не пышный, но и не бѣдный гробъ; въ день погребенія студенты увольнялись отъ класса на весь день, присутствовали при литургіи и отпѣваніи, которыя большею частію совершалъ самъ ректоръ или инспекторъ; для перевезенія гроба на волковское кладбище употреблялись погребальные дроги съ парою лошадей, покрытыхъ черными попонами, и съ кучеромъ въ приличномъ нарядѣ, не исключая и ширококрылой шляпы; процессію сопровож-

дали если не всѣ студенты, то рѣдко менѣе половины, и кромѣ того почти всегда инспекторъ съ двумя іеромонахами; даже въ столовой приготовлялось одно или два блюда лишнихъ. Да я и забылъ-было сказать, что не всегда обходилось безъ надгробнаго слова или умилительной рѣчи, въ которыхъ восхвалялся покойникъ и описывались тѣ подвиги, которые отъ него могли бы ожидать и церковь, и отечество.

Въ заключеніе описаній хозяйственной части академіи скажу нѣсколько словъ о прислугѣ ея. Она состояла большею частію изъ такъ называемыхъ казенныхъ служителей, т.-е. тѣхъ господъ солдатъ, которые не выслужили еще своего 25-ти-лѣтняго срока и оканчивали его въ академіи; вольнонаемныхъ служителей было немного, особенно въ первую половину описываемаго времени. Между казенною прислугою находилось очень много горькихъ пьяницъ, но и вольнонаемные не принадлежали къ бравымъ молодцамъ. Жалованье имъ было небольшое; никакой казенной одежды не выдавалось; естественно, что нанимались только тѣ, которые не надѣялись имѣть хорошее мѣсто. Несмотря на военный свой характеръ, служители, находясь подъ командою монашескаго начальства, усвояли себѣ и монастырскіе обычаи. Вмѣсто того, чтобы при встрѣчѣ съ начальниками вытянуться въ струнку и отдать честь по военному, они не хуже послушниковъ смиренно *отвѣшивали поклоны*. Впрочемъ, это послушническое смиреніе не мѣшало имъ отличаться невѣжливостью относительно студентовъ. Къ комнатному старшему они еще были внимательны, ставили ему, какъ я уже сказалъ, самоваръ, вели даже за него войну съ артиллеристами и пр., но прочіе студенты могли услуги ихъ покупать подарками; иначе ни въ чемъ не послушаются, и даже наговорятъ порядочное количество грубостей. Отъ этого происходило, что посылая купить булку за тогдашнія десять копѣекъ, чуть не столько же нужно было дать и служителю. При такомъ положеніи дѣла, не говоря уже объ оскорбленіи самолюбія, студенты бывали въ большихъ затрудненіяхъ особенно относительно писемъ. Тогда еще не было ни марокъ, ни штемпельныхъ конвертовъ; вмѣстѣ съ письмомъ на почту надобно было давать деньги для уплаты за пересылку его. Служители неохотно принимали на себя эти порученія, потому что ближайшее почтовое отдѣленіе было близъ владимірской церкви, а если и находились между ними услужливые въ этомъ случаѣ люди, то нельзя было ручаться, что письмо и деньги попадутъ на почту: первое сразу будетъ сожжено или изорвано, а вторыя останутся въ карманѣ посланца; поэтому студенты вынуждались сами относить письма на почту.

Перейдемъ теперь отъ матеріальныхъ условій студентскаго быта къ условіямъ нравственнымъ. У насъ издавна любили доказывать, что при воспитаніи юношества, ввѣреннаго попеченію монастырскому, обращается вниманіе не столько на внѣшнія, сколько на внутреннія качества человѣка, заботятся не столько о бренномъ тѣлѣ, сколько о безсмертной душѣ питомцевъ, не столько о матеріальномъ довольствѣ и благосостояніи, сколько о вѣчномъ спасеніи ихъ,—однимъ словомъ, ставятъ выше всего нравственное и религіозное настроеніе. Многіе, прочитавъ мое описаніе не очень комфортабельнаго житья-бытья студентовъ академіи, могутъ сказать, что, по всей вѣроятности, нравственный надзоръ надъ ними былъ самый лучшій, и они, хоть и плохо одѣтые и дурно накормленные, оказывались достойными кандидатами къ занятію современемъ пастырскихъ и даже архипастырскихъ должностей. Посмотримъ на это нравственное воспитаніе.

Ближайшимъ руководителемъ и блюстителемъ его былъ инспекторъ, рѣдко іеромонахъ, а почти всегда архимандритъ. Чтобы облегчить его труды по надзору за 120-ю молодыми людьми, въ помощь ему давались старшіе; — это были избраннѣйшіе изъ студентовъ высшаго отдѣленія и по успѣхамъ и, особенно, по поведенію, которые по одному и назначались въ каждый нумеръ жилыхъ студентческихъ компатъ съ населеніемъ изъ 8—15-ти человѣкъ. Они имѣли оффиціальный характеръ; инспекторъ представлялъ достойныхъ кандидатовъ правленію, которое постановляло журналомъ опредѣлить ихъ на должности, по предварительно испрашивало согласіе митрополита на это особымъ представленіемъ. Въ то же самое время составлялась инспекторомъ и утверждалась правленіемъ особая инструкція, въ которой подробно излагались права и обязанности старшихъ. Если нужно было кого-либо изъ нихъ уволить почему-нибудь отъ должности и замѣнить другимъ студентомъ, то опять происходила описанная сейчасъ процедура.

Такимъ образомъ, конечно на основаніи и академическаго устава, но еще болѣе старинныхъ бурсацкихъ и семинарскихъ преданій, студенты раздѣлялись на двѣ части: аристократическую и плебейскую; первая состояла человѣкъ изъ 10-ти старшихъ, а къ послѣдней принадлежали всѣ прочіе студенты; тѣхъ можно назвать *офицерами* или лучше *унтеръ-офицерами*, а этихъ — *рядовыми*. Но и у рядовыхъ была тоже аристократическая и плебейская партія. Всѣ вообще студенты академіи тогда, какъ извѣстно, раздѣлялись на высшее и низшее отдѣленіе. Единственныя привилегіи высшеотдѣленцовъ состояли въ томъ, что они

занимали комнаты въ бель-этажѣ, да въ столовой сидѣли на правой сторонѣ; во всемъ прочемъ было полное равенство съ нижнеотдѣленцами. Несмотря впрочемъ на это, первые любили держать послѣднихъ на нѣкоторой дистанціи отъ себя; самихъ себя называли *ста́ршими* (тутъ удареніе надъ буквою *а*, для отличія отъ комнатныхъ старшихъ; тутъ удареніе ставилось надъ буквою *и*), а низшую расу именовали *младшими*. Хорошо еще, что между земляками разныхъ отдѣленій почти всегда господствовали самыя близкія, почти родственныя отношенія. Особенно радушно были встрѣчаемы вновь пріѣзжавшіе земляки; ихъ не только во всемъ руководили, но даже нѣсколько дней угощали чаемъ. Случалось, что пріѣзжавшіе изъ какой-либо семинаріи не имѣли земляковъ; въ такомъ случаѣ кто-либо изъ ближайшей къ нимъ губерніи принималъ на себя роль земляка.

Если аристократическая спѣсь раздѣляла между собою студентовъ обоихъ отдѣленій, то комнатные старшіе еще больше имѣли право смотрѣть на себя, какъ на привилегированныхъ особъ. По правдѣ сказать, были къ тому и поводы; на основаніи своей инструкціи они обязывались смотрѣть, чтобы студенты вообще вели себя благопристойно, а въ часы, назначенные для занятій, сидѣли тихо за столами, чтобы во время лекцій никто не оставался въ комнатахъ; для чего старшій, выпроводивъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ изъ нумера своего, запиралъ его и уносилъ ключъ съ собою. Затѣмъ онъ же наблюдалъ, чтобы подчиненные его не иначе отлучались изъ академіи, какъ съ дозволенія инспектора. Если же инспектора не было дома, а между тѣмъ студенту настояла экстренная надобность куда-либо сходить, то старшій своею властью давалъ разрѣшеніе на выходъ. Потомъ онъ же долженъ былъ смотрѣть, *въ свое ли время и въ своемъ ли видѣ* возвратился студентъ изъ города. Въ случаѣ важныхъ какихъ-либо событій старшій тотчасъ же долженъ былъ доносить о нихъ инспектору. Но независимо отъ этого, всѣ старшіе послѣ ужина являлись къ инспектору рапортовать о благосостояніи своихъ подчиненныхъ. Наконецъ ежемѣсячно каждый старшій подавалъ инспектору нѣчто въ родѣ кондуитныхъ списковъ о томъ, какъ вели себя ввѣренные его надзору студенты, кто изъ нихъ и какими хорошими качествами отличился отъ прочихъ, какого кто изъ нихъ характера, какія бурныя наклонности въ нихъ замѣчаются и пр. Имѣя столько правъ и обязанностей, а главное дѣло, возможность запятнать и очернить предъ инспекторомъ каждаго изъ своихъ подчиненныхъ, могъ ли старшій не считать себя важною особою и

вообще могли ли не пострадать отъ того нравственныя отношенія товарищей?

Иногда подчиненный являлся по классу довольно опаснымъ соперникомъ, а другой балагуръ хоть и не могъ соперничать по успѣхамъ, за то своимъ остроуміемъ и насмѣшками приводилъ товарища-начальника въ немалое замѣшательство; бывали также, если не ребяческія, то студентческія антипатіи и симпатіи. Какъ же во всѣхъ этихъ случаяхъ удержаться отъ того, чтобы одному *не подставить ногу*, другому не отмстить за его непріятное балагурство, а своему другу не помочь? И вотъ въ мѣсячныхъ кондуитныхъ спискахъ въ одномъ отыскивается очень много дурныхъ наклонностей, и онъ ими только и отличается, напротивъ, другой является чудомъ совершенства. Не у всякаго инспектора доставало времени и собственной наблюдательности, чтобы въ такого рода мелкихъ интригахъ отличить истину отъ лжи.

Старшій надъ младшими совсѣмъ не стѣснялся товарищескими отношеніями, и потому особенно сначала онъ держалъ себя предъ своими подчиненными важно, величественно, даже начальнически-грубо; въ комнатѣ былъ молчаливъ, рѣдко позволялъ шутить и вступать въ интимный разговоръ съ ними. Желая даже *поразмять свои кости*, пошалить, онъ отправлялся въ бель-этажъ къ своимъ товарищамъ, и тамъ наигравшись, сколько душѣ угодно, возвращался въ свое царство опять серьезнымъ начальникомъ. Но не всѣ могли выдерживать такую роль. Подчиненные конечно сначала любили выказывать предъ начальниками свою покорность и даже преданность. Но въ благодарность за ихъ начальственное вниманіе умѣли къ нимъ прислужиться, сказать льстивое словцо, при какомъ-либо случаѣ поподчивать чайкомъ даже съ сухариками и пр. И металлы отъ теплоты теряютъ свою твердость. Могло ли же устоять сердце даже старшаго, чтобы не смягчиться отъ теплоты душевной? И суровый «начальникъ» мало-по-малу исходилъ съ прежней высоты своего величія и частенько дѣлался *добрымъ малымъ*, съ которымъ его подчиненные уже за *панибрата*, или котораго не очень побаивались, позволяя себѣ при немъ и пошумѣть, и пошалить. Но нѣкоторые старшіе такъ-таки и оставались цѣлые два года старшими,—унтеръ офицерами. Вообще надобно сказать, что старшіе въ академіи больше были вредны, нежели полезны; студенты не любили ихъ, тяготясь ихъ привилегіями и считая ихъ шпіонами.

Кромѣ частныхъ обязанностей по своимъ нумерамъ, старшіе являлись въ теченіи недѣли еще поочереди командирами всѣхъ

студентовъ, такъ сказать, фельдфебелями, подъ названіемъ *чередного старшаго*. Обязанности его состояли въ томъ, чтобы, какъ выше сказано, читать молитвы въ столовой и вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣть за благочиніемъ въ ней, рапортовать ректору о благосостояніи академіи и о нуждахъ студентческихъ, получать приказанія отъ начальства для объявленія ихъ студентамъ, но болѣе важную роль онъ разыгрывалъ въ тѣ дни, въ которые студентамъ разрѣшалось массами отлучаться изъ академіи.

Въ духовноучебныхъ заведеніяхъ существовало мнѣніе, что только внутри стѣнъ училищнаго дома нравственность воспитанниковъ не подвергается опасности, а постоянно укрѣпляется; напротивъ за этими стѣнами, — въ міру — она встрѣчается со множествомъ соблазновъ. Отсюда самымъ логическимъ образомъ заключали, что хорошо было бы воспитанниковъ духовныхъ вовсе не выпускать изъ училища также, какъ это дѣлалось въ женскихъ институтахъ, а если училищный домъ нельзя обратить въ тюремный замокъ, то дозволять имъ выходить какъ можно рѣже, на короткій срокъ и къ лицамъ, которыхъ нравственность выше всякаго сомнѣнія, къ которымъ, разумѣется, преимущественно, если не единственно причисляются духовныя особы, особенно монашествующія. Эта мысль выражена даже въ духовномъ регламентѣ: «до трехъ лѣтъ, по приходѣ всякаго въ семинаріумъ не пускать никуды, а и по третьемъ году не больше дважды въ годъ позволить выдтить къ родителямъ или сродникамъ (стр. 62)». Поэтому на основаніи отлучекъ составляли понятіе и о нравственности воспитанниковъ. Нравственнѣйшими, очевидно, должны были считаться тѣ, которые слишкомъ рѣдко выступали за предѣлы училищнаго двора и сада, особенно если вовсе не отлучались изъ нихъ. Затѣмъ уже нравственность тѣмъ болѣе заподозривалась, чѣмъ чаще дѣлались отлучки.

Нынѣ, студенты, отправляясь въ городъ чрезъ лавру, смѣлою поступью идутъ къ калиткѣ и находятъ чрезъ нея свободный пропускъ. Не такъ было въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ. И тогда въ стѣнѣ, отдѣляющей авадемическій дворъ отъ смежнаго съ нимъ лаврскаго или училищнаго двора, была тоже калитка, но очень далеко отъ сторожки. Калитка эта держалась всегда запертою; у нея даже не стоялъ и привратникъ, а всѣ привилегированныя лица академіи, т.-е. начальники и наставники имѣли отъ нея ключъ, при помощи котораго проходили чрезъ нее. Студенты же должны были обыкновенно отправляться въ городъ по старой шлиссельбургской дорогѣ, лежавшей близъ восточной стороны лаврской ограды; тутъ и

разстояніе было больше, нежели чрезъ калитку, особенно для тѣхъ, кому нужно было идти въ лавру; но главное неудобство состояло въ томъ, что по нелаврскому тракту была слишкомъ часто ужасная грязь, изъ которой нелегко вытаскивались сапоги, и кромѣ того ночью нельзя было разсчитывать на полную безопасность, по крайней мѣрѣ вдоль всей лаврской ограды было вполнѣ необитаемое мѣсто. И все-таки начальство, надѣясь, что всѣ эти препятствія отобьютъ у студентовъ охоту отлучаться въ городъ, не позволяло имъ ходить прямо въ лавру чрезъ калитку, — кромѣ какихъ-либо экстренныхъ случаевъ, напр. 30 августа въ день Александра Невскаго; тогда уже, въ видѣ своего *благоснисхожденія*, оно приказывало держать калитку отпертою, да и то, можетъ быть, не столько для студентовъ, сколько для своихъ гостей.

Но студенты, какъ говорится, народъ не промахъ; у нихъ мало-по-малу явилось множество ключей, при помощи которыхъ они чрезъ калитку проходили также свободно, какъ и ихъ начальники. Послѣдніе, видя неполный успѣхъ принятой ими мѣры, перенесли калитку къ самой сторожкѣ на теперешнее мѣсто, придѣлали уже дорогой замокъ и ключъ отъ него поручили привратнику съ тѣмъ, чтобы онъ не пропускалъ студентовъ. Случайно, или намѣренно былъ поставленъ привратникъ суровый-пресуровый, нелюдимый старикъ съ сѣдою бородою, съ непривѣтливымъ взглядомъ; студенты прозвали его цербером, а все-таки должны были ходить въ городъ по шлиссельбургской дорогѣ. Но и самъ церберъ смягчался при видѣ грошѐй и пятаковъ; преемники его сдавались и на ласковое слово; наконецъ и само начальство поняло всю нелѣпость своихъ пошлыхъ распоряженій и позволило пропускать чрезъ калитку всѣхъ студентовъ, впрочемъ уже, кажется, тогда, какъ шлиссельбургскій трактъ былъ переведенъ на теперешнее его мѣсто, на берегъ Невы.

Каждый отлучавшійся обязывался написать, куда онъ отлучается. Конечно, если бы это дѣлалось съ тою цѣлію, чтобы въ случаѣ невозвращенія студента въ тотъ же день можно было знать мѣсто, куда онъ ушелъ, — но *умыселъ другой тутъ былъ;* нѣкоторые инспекторы о студентахъ любили судить на основаніи изреченія: *скажи мнѣ, кто твои друзья, и я скажу, кто ты.* Студенты знали это и то, что по мнѣнію отцовъ-инспекторовъ близкія связи съ духовными лицами священнаго сана вполнѣ одобрительны, что связи съ свѣтскимъ людомъ менѣе одобрительны, а связи съ низшимъ людомъ, напр. дьячками, солдатами, мѣщанами и пр. очень подозрительны. Потомъ

большая часть студентовъ отлучалась, чтобы размыкать свое горе по Невскому проспекту или въ Лѣтнемъ саду, или чтобы походить по тѣмъ улицамъ, которыхъ еще не видали. Но было извѣстно, что инспекторы простую прогулку считали признакомъ разсѣяннаго человѣка. Къ чему-де ходить по Невскому, да зѣвать на магазины и на проходящихъ? прогуляться можно и въ академическомъ саду. Зная всѣ такія понятія начальства своего, студенты наибольшею частію писали, что они идутъ къ какому-либо іерею, протоіерею, іеромонаху, архимандриту и пр.; изрѣдка развѣ къ чиновнику-земляку, и въ этомъ случаѣ пріучались лгать самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Когда уже въ концѣ 30-хъ годовъ нужно было производить слѣдствіе о пропавшемъ студентѣ Суворовѣ, котораго трупъ найденъ въ Обводномъ каналѣ, и когда слѣдственный приставъ вытребовалъ изъ академическаго правленія свѣдѣнія о томъ, куда ходилъ Суворовъ, то оказалось, что по *журналу* онъ бывалъ человѣкъ у 5—6-ти духовныхъ особъ, которыя впрочемъ всѣ отвѣтили, что они его у себя и не видывали. Только новенькіе простачки попадались на эту удочку. Такъ одинъ студентъ, отправляясь въ Петербургъ, получилъ къ двумъ солдатамъ, съ которыми онъ кромѣ того вмѣстѣ и росъ, посылки отъ родныхъ. Пріѣхавши въ академію и не зная, что инспекторъ косо посматриваетъ на тѣхъ господъ, которые ходятъ къ солдатамъ, онъ все-таки просился въ журналѣ отлучиться къ нимъ, и притомъ по два раза къ каждому, потому что въ первые разы ихъ не засталъ дома. Только къ величайшему изумленію отъ земляковъ высшеотдѣленцевъ онъ узнаетъ, что по словамъ комнатнаго старшаго инспекторъ Борисовъ составилъ о немъ дурное мнѣніе за связи съ какими-то солдатами Леонтьевымъ и Дементьевымъ. Потомъ и самъ инспекторъ, пришедши въ комнату, съ сарказмомъ спросилъ новичка: «ну что, давполи вы видѣлись съ своими пріятелями Леонтьевымъ и Дементьевымъ?»

Была еще другая мѣра, посредствомъ которой старались опредѣлить нравственность студента. Дежурный старшій ежедневно съ особою книгою ходилъ по всѣмъ комнатамъ и предлагалъ всякому написать, кто къ нему приходилъ? И тутъ не обходилось безъ замѣчаній. Тотъ же самый студентъ, о которомъ сейчасъ я говорилъ, попадался вновь съ своими Леонтьевымъ и Дементьевымъ. А между тѣмъ они приходили съ самыми невинными намѣреніями, напр., чтобы узнать отъ него, не получалъ ли онъ какихъ-либо извѣстій съ родины, или попросить его написать письмо къ ихъ роднымъ.

За исполненіемъ всѣхъ этихъ распоряженій комнатнымъ

старшимъ приказывалось имѣть неослабное наблюденіе, равно какъ и за тѣмъ, чтобы отлучавшіеся возвращались въ трезвомъ состояніи; въ противномъ случаѣ слѣдовало доложить инспектору. Но главнымъ образомъ слѣдилъ за всѣмъ опъ самъ. Случайно или намѣренно, квартира его находилась на такомъ углу дома въ нижнемъ этажѣ, что всякій студентъ, отлучавшійся изъ академіи въ ворота и калитку, проходилъ мимо ея, притомъ по двумъ дорогамъ; на одной изъ нихъ, обращенной къ востоку, легко можно было разсмотрѣть мимоидущаго, а на другой, обращенной къ лаврѣ, — къ сѣверу, опъ близъ стѣны дома могъ пробраться незамѣченнымъ. Кажется, что инспекторы если не всегда сами, то чрезъ своихъ вѣрныхъ служителей имѣли надзоръ за этимъ; по крайней мѣрѣ я помню нѣсколько тревогъ, когда разыскивали по приказу инспектора, кто вотъ сейчасъ ушелъ изъ академіи. Сверхъ того, у нѣкоторыхъ инспекторовъ была и тайная полиція между самими студентами. Но они и сами наблюдали если не за выходящими студентами, то по крайней мѣрѣ за возвратившимися. Для этого, какъ я уже говорилъ, они приходили въ столовую за ужинъ или посѣщали комнаты послѣ него. Въ столовой, повидимому легко было наблюдать. Каждый студентъ занималъ въ пей опредѣленное мѣсто, и если не приходилъ въ нее по болѣзни или по другимъ причинамъ, то его приборъ оставался незанятымъ. О комнатахъ нечего и говорить, число живущихъ въ каждой изъ нихъ простиралось отъ 3 до 7-ми человѣкъ и могло было повѣрено по числу кроватей. *Все, кажется, что такъ, анъ нѣтъ*, инспекторы очень часто были обманываемы и ихъ *благонравственныя* распоряженія не приносили той пользы, которая отъ нихъ ожидалась: молодые люди, въ виду инспекторской «системы» создали свою не менѣе сильную «антисистему», и все вмѣстѣ взятое укореняло въ академіи не добрую нравственность, а духъ ухищренія и лицемѣрія. Самая слабая сторона студентской антисистемы обнаруживалась въ томъ случаѣ, когда инспекторъ лично являлся въ студентческія комнаты. Убѣдиться въ томъ, всѣ ли 3—7 жильцевъ въ трезвомъ видѣ, вещь нетрудпая, потому что каждому можно было посмотрѣть въ глаза и съ нимъ *любезнѣ побесѣдовать*. Эту любезность почти всѣ инспекторы выказывали. Подошедши къ столу, за которымъ сидѣли студенты, они каждаго спрашивали, чѣмъ вы занимаетесь? Хотя ставши на любомъ мѣстѣ около стола, инспекторъ ни отъ одного студента не могъ находиться далѣе $1^1/_2$ аршина, но онъ для вопроса и особенно для полученія отвѣта подходилъ къ каждому и вступалъ съ нимъ въ разговоръ, предметомъ котораго было то, чѣмъ

студентъ занимался. При такой интимности и близости и при самомъ легкомъ вниманіи инспектору легко можно было догадаться, *не прилипаетъ ли* у кого-нибудь *языкъ къ гортани его*, а *уста глаголющаго* не испускаютъ ли кромѣ словъ какого-либо подозрительнаго запаха?... Ну, кажется, все можно узнать, а между тѣмъ и тутъ нерѣдко антисистема торжествовала побѣду надъ системою. — Всѣ ли дома? спрашиваетъ инспекторъ. — Всѣ, отвѣчаетъ старшій. — А такой-то гдѣ? — Онъ пошелъ или прогуляться въ саду, по тротуару, или его потребовалъ къ себѣ такой-то баккалавръ, или больной товарищъ позвалъ его къ себѣ и пр. и пр. Конечно иногда инспекторы требовали, чтобы отсутствующій къ нимъ явился, но на это рѣшались только въ случаѣ какого-либо яснаго подозрѣнія, потому что и для инспектора *конфузно*, если его подозрѣніе не оправдается. — Все ли хорошо у васъ? спрашиваетъ еще инспекторъ. — Все хорошо отвѣчаетъ старшій, а между тѣмъ..... Но лучше разскажу, при какихъ обстоятельствахъ 8 ноября 1831 года данъ былъ такой отвѣтъ однимъ изъ старшихъ. Бывши въ гостяхъ у регента одного изъ архіерейскихъ хоровъ онъ замѣтилъ, что сидѣвшій тамъ же новобранецъ-землякъ его *набрался*, какъ говорилось, *до зѣла;* ноги отказались служить ему; надобно было везти его на извощикѣ, и когда на дорогѣ онъ потерялъ даже сознаніе, то по пріѣздѣ въ академію старшій, при помощи своихъ подчиненныхъ, перенесъ его въ свою комнату и положилъ на свою кровать. Старшій, у котораго жилъ землякъ, согласился не сказывать инспектору во время рапорта о настоящемъ его положеніи. Между тѣмъ въ концѣ девятаго часа разнеслась молва, что инспекторъ ходитъ по комнатамъ. Какъ ни толкали успокоившагося на кровати, но не могли его разбудить. Дѣлать нечего, приподняли господина и перенесли въ шкафъ, который къ несчастію былъ раздѣленъ на двѣ половины перегородкою, такъ что перенесеннаго пришлось не положить вдоль шкафа, а посадить на корточкахъ. Инспекторъ входитъ, застаетъ все какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ, получаетъ въ отвѣтъ на одинъ изъ своихъ обычныхъ вопросовъ: *все хорошо*. И видитъ, что дѣйствительно ничего дурного нѣтъ, благодаритъ старшаго за найденный порядокъ, а между тѣмъ въ 3—4-хъ шагахъ отъ него сидѣлъ на корточкахъ мертвецки пьяный человѣкъ и отъ неудобнаго своего положенія, отъ духоты могъ даже подвергнуться апоплексическому удару. Сколько хохоту было по уходѣ инспектора у студентовъ? «Ну-ка ты *все хорошо*, приговаривали проказники, перенося заключеннаго въ шкафу на кровать; за тебя насъ даже поблагодарили».

Въ другой комнатѣ при другомъ инспекторѣ произошла не менѣе хлопотливая, но болѣе смѣшная сцена. Большая бутыль водки принесена была служителемъ къ старшему, который на слѣдующій день готовился праздновать свои именины. Бутыль прибрали въ уютное мѣстечко, но скоро оказалось, что она была худая и потоки водки потекли по полу, а запахъ отъ нея наполнилъ комнату; въ то же самое время сдѣлалось извѣстнымъ, что инспекторъ ходитъ по комнатамъ. И самъ старшій, и всѣ его подчиненные принялись хлопотать: одни разливаютъ жидкость по чайникамъ, полоскательнымъ чашкамъ, бутылкамъ, и во всякую вообще посудину, другой щеткою вытираетъ полъ, тотъ открываетъ трубу и форточки, а этотъ наполняетъ всю комнату куревомъ отъ смолки и пр. Къ счастію инспекторъ любилъ поговорить и надолго задержался въ другихъ комнатахъ; такъ что когда пришелъ туда, гдѣ съ бутылью случилось несчастье, то замѣтенъ былъ запахъ не столько отъ вина, сколько отъ смолки. И тутъ все кончилось преблагополучно, какъ будто ничего не бывало.

И въ столовой антисистема тоже часто торжествовала надъ системою. Я уже говорилъ, что каждый студентъ занималъ опредѣленное ему мѣсто, которое въ случаѣ его отсутствія оставалось незанятымъ. Ну, какъ бы инспектору не увидать этого? А между тѣмъ слишкомъ часто онъ не видалъ, хотя въ столовой недоставало порядочнаго числа студентовъ. Простѣйшій способъ скрыть это отъ инспектора состоялъ въ томъ, что уговаривали столоваго служителя снять лишніе приборы, тогда, разумѣется, пустыхъ мѣстъ не оказывалось. Если этого по чему-либо нельзя было сдѣлать, то сосѣди отсутствующаго припрятывали вилку, ножъ и салфетку, а тарелку кто-нибудь ставилъ подъ свою; сами же сдвигались между собою поплотнѣе, и затѣмъ просили то же самое сдѣлать и прочихъ сосѣдей, такъ что инспекторъ не могъ уже замѣтить ни одного пустого мѣста. Одинъ инспекторъ, зная, что его иногда такъ обманываютъ, напередъ сосчитывалъ, сколько тамъ должно находиться студентовъ за ужиномъ. Придетъ, сосчитаетъ, видитъ, что одного или двухъ недостаетъ; и ходитъ бывало, бѣдный, вдоль скамеекъ, старается догадаться, кого бы это изъ 120-ти человѣкъ не было, и, кажется, не удавалось ему ни разу разрѣшить этотъ вопросъ.

Изъ немногого сказаннаго мною о студентческой «антисистемѣ» противъ «системы» начальнической, повидимому можно заключить, что послѣдняя не напрасно существовала, что ее слѣдовало бы поусилить новыми ограниченіями и репрессивными мѣрами, какъ послѣ дѣйствительно и поступлено. Вѣдь если

молодежь и при строгостяхъ находила возможность проказничать, то что было бы, когда бы ей дать бо́льшую свободу? Чтобы оцѣнить такое умозаключеніе, нужно рѣшить вопросы: насколько неотлучавшіеся, или рѣдко, не надолго отлучавшіеся были лучше тѣхъ, которые любили почаще отлучаться въ городъ и подолѣе тамъ побыть? Насколько домосѣдничество развивало и поддерживало нравственность студентческую? Конечно, между отлучавшимися студентами были молодцы, которые у причетниковъ, мелкихъ чиновниковъ, мѣщанъ и т. п. угощались по-русски и возвращались въ академію, какъ говорили, *на послѣднемъ взводѣ*. Это большею частію были тѣ, которые, какъ выше объяснено, по недостатку ли хорошей одежды, или по другимъ какимъ-либо причинамъ не могли найти себѣ знакомыхъ между порядочными людьми, а между тѣмъ потребность освѣжить свою голову, утомленную разными лекціями, отдохнуть отъ заботъ и хлопотъ академическихъ заставляли ихъ искать гдѣ-нибудь знакомыхъ, чтобы только тамъ *отвести свою душу* въ веселой бесѣдѣ хоть у кого бы то ни было. Очевидно, тутъ виновато было большею частію само начальство, которое облекало студентовъ въ сѣрыя хламиды. Въ хорошемъ домѣ молодого человѣка приняли бы ласково, но никогда бы не напоили, какъ говорится, *до положенія ризъ*. Но мѣщанинъ, дьячокъ чѣмъ же могъ выразить свое удовольствіе ученому своему гостю? Общихъ интересовъ между ними не могло быть; чѣмъ же поддержать взаимное ихъ сближеніе, какъ не тою жидкостью, которая развязываетъ самый неповоротливый языкъ? Другіе, которымъ не было возможности побывать и у дьячковъ, мѣщанъ и пр., заходили въ *неучебныя заведенія*. Любимымъ изъ нихъ былъ винный погребъ почтеннѣйшаго Ефрема Козмича близъ самой почти лавры. Этотъ милый и услужливый человѣкъ имѣлъ при погребѣ особую компату, гдѣ можно было присѣсть, — диванъ, на которомъ можно было даже прилечь. О бутылкахъ, штофахъ и полуштофахъ съ разными жидкостями нечего и говорить: бери и пей, сколько душѣ угодно, заливай ею тоску.

Обратимся теперь къ «домосѣдамъ». Между ними находились тихіе скромники, или усидчивые труженики науки, которыхъ точно трудно *сдвинуть съ мѣста* и заставить пойти прогуляться по Невскому проспекту; дайте имъ уголокъ да хорошую книжку въ руки, они, по крайней мѣрѣ, до поры до времени будутъ сидѣть дома и не станутъ жаловаться на то, что имъ не позволяютъ отлучаться, когда и куда угодно. Такихъ оригиналовъ немного было даже въ академіи. Прочіе дѣлались домосѣдами по *разсчету* или по *нуждѣ*. Однимъ хотѣлось зареко-

мендовать себя начальству тѣмъ, что вотъ-де они люди степенные, не вѣтреники, не разсѣянный народъ, который любитъ глазѣть на Невскомъ проспектѣ или сидѣть въ гостяхъ; обратите-де на насъ ваше вниманіе, отцы-начальники, мы люди примѣрные. Другимъ гордость препятствовала появляться у порядочныхъ людей въ длиннополыхъ сермягахъ, изъ-за которыхъ принимали товарищей ихъ за жуликовъ, или мѣщанъ, а сшить хорошее платье на свой счетъ не могли. Третьимъ за неимѣніемъ шинели нельзя было выдти въ дождь и холодъ. Почти всѣмъ господамъ этихъ трехъ разрядовъ прискучивало сидѣть въ академическихъ стѣнахъ, а неволя, или разсчетливая воля заставляли не оставлять ихъ. Надобно же было заглушить свою скуку и горе чѣмъ-нибудь, *веселящимъ сердце*. Правда, инспекція принимала мѣры противъ доставки въ академію всѣхъ снадобьевъ, располагающихъ къ такого рода веселостямъ. Служителямъ строжайше приказывалось ни подъ какимъ видомъ не приносить для студентовъ ни водки, ни рому, ни коньяку, ни даже мадеры; всякій штофъ, полуштофъ, бутыль и бутылка возбуждали подозрѣніе; привратнику приказывалось осматривать служителей, не несетъ ли кто изъ нихъ въ академію какой-либо посудины съ запрещенною жидкостью. Но извѣстно, что никакія таможенныя строгости не уничтожаютъ контрабанды, а только изощряютъ способности контрабандистовъ. Особеннымъ искусствомъ по этой части изъ служителей славились тогда Петрушка Рогачевъ и Филька; инспекторы знали объ ихъ искусствѣ, старались поймать ихъ и не имѣли успѣха. Но если иногда таможенныя строгости до такой степени усиливались, что даже Рогачевъ опасался попасть въ руки правосудія, то сами студенты начинали дѣйствовать. Служитель подносилъ контрабанду къ забору, рѣшеткѣ или стѣнѣ со внѣшней стороны, а со внутренней, разумѣется, ночью принималъ ее студентъ. Иные посмѣлѣе студенты и сами приносили бутылки, штофы и полуштофы, а подъ шинелью даже и четвертную бутыль; начальство, несмотря на всѣ свои распоряженія, оставалось ни при чемъ.

Контрабанда получена. Люди скромные, или пежелавшіе похвастаться своими бахусовскими подвигами передъ товарищами, удалялись куда-либо въ скромный уголокъ, особенно въ какую-либо служительскую комнату, и тамъ торопливо распивали принесенную влагу, иногда даже предъ самымъ сномъ, чтобы ихъ прегрѣшеніе оставалось секретомъ. Другіе удалялись почью въ садовыя бесѣдки, особенно въ ненастную погоду; тамъ можно было въ это время безопасно веселиться. Однажды какой-то проказникъ, окончивъ съ пріятелями свою пирушку

въ бесѣдкѣ, находившейся въ концѣ большой аллеи сада, взобрался па крышу бесѣдки и на самой возвышенной ея части поставилъ пустой штофъ, который въ слѣдующій день видѣнъ былъ съ дороги, идущей между Обводнымъ каналомъ и академическимъ садомъ. Но широкая, размашистая русская натура, особенно вырвавшись хоть па время изъ-подъ гнета, любитъ развернуться, а потомъ вслѣдствіе пріобрѣтенной привычки предается разгулу при всякомъ благопріятномъ случаѣ. Разгульныя и удалыя головы изъ студентовъ составляли общества, компаніи, пожалуй, даже шайки для попоекъ. Заручившись контрабандой, они дожидались большею частію десяти часовъ ночи и предавались полному разгулу, зная, что ночью начальство уже не потревожитъ ихъ. Тутъ происходили настоящія оргіи, отзывавшіяся уже не буршествомъ, а русскимъ бурсачествомъ. Контрабанда выходила вся, добывали новой, а то компаніи отправлялись чрезъ заборъ на просторъ. Такія попойки возобновлялись иногда и утромъ; вѣдь надобно же было опохмѣлиться; нерѣдко происходили и по вечерамъ, когда по разсчетамъ нельзя было ожидать инспекторскаго визита. Едва ли не самая дурная сторона ихъ была та, что ими увлекались и тѣ студенты, которымъ безъ нагляднаго примѣра онѣ и въ голову не пришли бы. Зараза распространялась, и бывали примѣры, что цѣлый курсъ раздѣлялся на двѣ партіи: партію пьяницъ и партію трезвыхъ; къ несчастію послѣдняя едва ли не бывала иногда въ меньшинствѣ.

Благопріятнѣйшимъ для оргій временемъ были два случая. Когда студенты получали 1) вмѣсто казенныхъ вещей, какъ я уже говорилъ, деньги отъ поставщиковъ, и 2) преміи за переводы съ нѣмецкаго языка; послѣднее требуетъ разъясненія. Тогда какое-то лицо, желавшее остаться неизвѣстнымъ (полагали, что это преосвященный Григорій Постниковъ, умершій петербургскимъ митрополитомъ), присылало въ академію множество книгъ нѣмецкихъ для перевода ихъ на русскій языкъ. Плата была ничтожная, именно по шести рублей ассигнаціями за печатный листъ. Но и это казалось лакомымъ кускомъ для бѣдняковъ; листы разбирались на расхватъ. Правда, переводы были частенько очень плоховаты; за нихъ принимались люди, слишкомъ мало знакомые съ нѣмецкимъ языкомъ,—не переводили, а скорѣе сочиняли переводы. Впрочемъ, повидимому, неизвѣстный благодѣтель не очень заботился объ исправности изготовлявшихся переводовъ; ему, какъ кажется, только хотѣлось оказать студентамъ пособіе подъ видомъ преміи за переводы, изъ которыхъ трудно было что-нибудь сдѣлать. Присылаемыя книги касались

и богословія, и философіи, и словесности, и педагогіи и пр.; только математика и естественныя науки не трогались; да и самыя книги по своему содержанію рѣдко заслуживали перевода. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что въ одинъ прекрасный день появлялось у студентовъ по 6, по 12, даже по 18 рублей и болѣе; о, Боже мой, да какъ же тутъ *не развернуться*, *не подгулянуть*? Но иногда уже и разгуливались и доходили до нелѣпости, или безобразія.

Экстра ординарныя попойки устроивались записными гуляками. Но были попойки обязательныя для всѣхъ студентовъ, особенно высшаго отдѣленія; въ нихъ развѣ немногіе не принимали участія. Пять обстоятельствъ служили поводомъ къ нимъ:

1. *Проповѣди*, которыя студенты высшаго отдѣленія должны были поочереди говорить или въ академической церкви, или въ лаврскомъ соборѣ. Но сущность состояла не въ проповѣди, а въ томъ, чтобы проповѣдникъ запасался достаточнымъ количествомъ водки для угощенія ею своихъ товарищей передъ обѣдомъ. Промежутокъ между обѣднею и обѣдомъ бывалъ иногда очень небольшой; слѣдовало дѣйствовать поспѣшно. И потому едва окончится первая, какъ студенты, многіе прямо изъ церкви, спѣшатъ въ комнату къ проповѣднику, тамъ уже стоятъ посудины, наполненныя водкою, пустыя рюмки, или чайныя чашки, нѣсколько ломтей хлѣба и кучки соли. Работа начинается быстрая, рюмки наполняются и немедленно осушаются, посудины одна за другою дѣлаются пустыми, ломти исчезаютъ; гости одни входятъ, облизываясь, другіе уходятъ, дожевывая простую закуску; все покачивается въ какихъ-нибудь пять минутъ; бьетъ звонокъ и всѣ отправляются въ столовую. Случалось, что въ то время, какъ осушались рюмки и бутылки, начальство находилось въ столовой и ждало обѣда, чтобы присутствовать при немъ и посмотрѣть за порядкомъ.

2. *Именины*. Именинники почти такимъ же образомъ, какъ и проповѣдники, угощали своихъ товарищей. Различіе состояло только въ томъ, что угощеніе происходило между послѣднимъ утреннимъ классомъ и обѣдомъ, и было общимъ для всѣхъ товарищей, но вечеромъ нѣкоторыми устроивалось особое угощеніе для ближайшихъ друзей. Тутъ, разумѣется, сначала пили чай, потомъ пуншъ; нѣкоторые хлѣбосолы приготовляли громадный именинный пирогъ, который большею частію подавался въ заключеніе всего бала. Нечего и говорить, что этого рода балы принимали иногда характеръ настоящихъ оргій.

3. *Похороны*. Не даромъ идетъ поговорка, что русскій человѣкъ пьетъ и съ радости, и съ горя. Академисты, какъ русскіе

люди, держались этой поговорки. Поздравляя своихъ товарищей, — проповѣдниковъ съ проповѣданіемъ слова Божія, именинниковъ со днемъ ангела, они поздравляли и покойниковъ съ переселеніемъ ихъ *изъ сей юдоли плача и скорби* въ жизнь вѣчную. Сами покойники, разумѣется, не могли уже заниматься угощеніемъ своихъ бывшихъ любезныхъ товарищей; трудъ этотъ принимали на себя друзья, и особенно земляки ихъ. Иногда послѣ покойниковъ оставалось нѣсколько рублей; если этого не случалось, то продавались какія-либо ихъ вещи; не безъ примѣровъ было, что иной задушевный другъ принималъ даже на свой счетъ всѣ расходы. Откуда бы впрочемъ деньги ни добывались, а въ водкѣ недостатка не замѣчалось; пирушка совершалась по заведенному порядку. Одни успѣвали подкрѣпить себя еще предъ отправленіемъ процессіи на кладбище; эта привилегія предоставлялась преимущественно нѣвчимъ, которые и по возвращеніи оттуда имѣли право на новое подкрѣпленіе; прочая же братія большею частію *поминала покойника* предъ обѣдомъ. Во всѣхъ описанныхъ трехъ случаяхъ приглашеніе происходило самымъ безцеремоннымъ образомъ. Угощавшій или его пріятель обходилъ комнаты и во всеуслышаніе произносилъ: «господа, пожалуйте предъ обѣдомъ туда-то на водку.»

4. *День Александра Невскаго, 30-го августа.* Всѣ обитатели Невскаго монастыря и его окрестностей считаютъ этотъ день своимъ праздникомъ. Академики тоже не хотѣли отставать отъ общаго обычая. Многіе приглашали своихъ знакомыхъ, даже дамъ на чай, къ которому иногда присоединялись кое-какія и закуски; къ другимъ приходили знакомые попроще, чтобы только выпить; нѣкоторые, не имѣя знакомыхъ, угощали другъ друга. Войдя въ этотъ день въ иную комнату, можно было застать нѣсколько отдѣльныхъ компаній, предъ которыми стояли не только самовары, чайники и чашки, но и посуда съ оживляющими жидкостями. Впрочемъ къ чести студентовъ надобно сказать, что пока еще были въ академіи сторонніе люди, особенно дамы, никакихъ безобразій не происходило. *Студентческое* угощеніе начиналось уже на просторѣ, послѣ ужина; ну, тутъ *бывало со всячинкою.*

5. *Первый день Пасхи.* Всенощная и обѣдня въ этотъ день оканчивались часу въ четвертомъ утра. Непосредственно за тѣмъ наступало разгавливанье. *Съѣдомыя принадлежности* казна иногда приготовляла недурныя, но только *съѣдомыя; піемыми* же надобно было завестись самимъ студентамъ. И дѣйствительно, развѣ немногіе изъ нихъ къ этому времени чего-нибудь не подготовляли. У иного запасалась даже четвертная бутылка съ водкою, у другого бутылка рома или коньяка; даже люди не пью-

щіе спиртовыхъ напитковъ покупали бутылочку мадеры или чего-нибудь подобнаго.

Не знаю уже отъ чего, отъ слишкомъ ли усерднаго взаимнаго угощенія, или отъ утомленія, которое пришлось вынести въ предыдущую недѣлю, по причинѣ продолжительной церковной службы, только никогда въ академіи не бывало столько подгульнувшихъ, сколько оказывалось въ это время. Даже многіе изъ скромниковъ успѣвали развеселиться; ну, а о записныхъ гулякахъ нечего уже и говорить. Дѣло не обходилось безъ безобразій, но.... не даромъ, говорили бывало студенты, поется въ этотъ день въ церквахъ: *простимъ вся воскресеніемъ.*

Все, описанное мною здѣсь относительно нравственнаго, или, лучше, пьянственнаго настроенія студентовъ было болѣе или менѣе извѣстно начальникамъ; всѣ они во время студентчества были, если не участниками, то свидѣтелями попоекъ и разныхъ другихъ отступленій отъ порядка. Кажется, можно бы дойти до заключенія, что принятая инспекторская система не достигаетъ своей цѣли и что надобно было бы принять въ основаніе нравственнаго управленія студентами другія начала; тогда антисистема могла бы пасть сама собою. Но къ несчастію насъ губятъ «преданья старины глубокой»; мы иногда ясно сознаемъ, что они уже отжили свой вѣкъ, въ частной жизни не держимся ихъ; но сдѣлай насъ оффиціальными защитниками или представителями ихъ, мы положимъ ихъ въ основаніе своей дѣятельности. Такой образъ дѣйствовать поневолѣ какъ-то сравниваешь съ нашими такъ-называемыми большими нешоссейными дорогами. Онѣ слишкомъ часто не отличаются удобствами, бываютъ длиннѣе, грязнѣе проселочныхъ проѣздовъ; окрестные жители, а также и проѣзжіе, которымъ извѣстны болѣе удобныя и короткія дороги, не всегда и держатся ихъ. Но почтовая, такъ сказать, оффиціальная ѣзда происходитъ по нимъ; падай лошади отъ изнуренія, вязни въ грязи и ломайся экипажи, но ямщикъ не имѣетъ права сворачивать на проселокъ. То же самое происходитъ не съ одними ямщиками; казенная проложенная дорога управленія академіею была очень дурна, даже не вела туда, куда по ней хотѣли ѣздить, а все-таки съ нея не сворачивали: *такъ уже заведено!*

Р. С.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ
ДО ГРАФА ПРОТАСОВА.

Воспоминанія *).

(Окончаніе).

IV.

Преподаваніе наукъ.

Непосредственнымъ начальникомъ и блюстителемъ учебной части въ духовныхъ академіяхъ былъ ректоръ, который вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ и профессоромъ богословскихъ наукъ. Поэтому онъ служилъ для наставниковъ не только руководителемъ, но и примѣромъ, а въ такомъ случаѣ, казалось, всего бы лучше и естественнѣе избирать ректора изъ опытныхъ академическихъ профессоровъ. Но по заведенному порядку, ректору, какъ сказано выше, непремѣнно нужно было быть монахомъ. Другіе пять ординарныхъ профессоровъ принадлежали къ бѣлому духовенству или къ міряпамъ, и потому если нельзя было сдѣлать инспектора ректоромъ, то искали кандидатовъ на должность послѣдняго въ семинаріяхъ. Хотя и въ академіяхъ, какъ мы увидимъ ниже, не было слишкомъ много поводовъ и побужденій отличаться профессорскою дѣятельностію, но все-та-

*) См. выше, іюль, 219, авг. 664 стр.

ки тутъ почти всѣ наставники готовились къ классу; лекціи произносили большею частію устно, не читая по тетрадкамъ или книжкамъ; была хоть какая-нибудь умственная работа. Въ семинаріяхъ же тогда не лекціи говорили, а задавали и выслушивали уроки; только небольшое количество чудаковъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, учили хорошо,—да и то преимущественно занимались объясненіемъ учебныхъ руководствъ или своихъ записокъ. И чѣмъ долѣе продолжалась служба въ семинаріи, тѣмъ человѣкъ становился неспособнѣе для академіи; гораздо лучше было бы, кажется, нигдѣ не служить; мало пріобрѣлось бы, можетъ быть, новыхъ познаній, но не поселилась бы и не утвердилась небрежность къ наставнической должности. Между тѣмъ изъ 14-ти человѣкъ, которые съ 1819 г. занимали должность ректора въ петербургской духовной академіи, только двое постоянно служили при академіи, именно: Григорій Постниковъ и впослѣдствіи виленскій архіепископъ Макарій Булгаковъ; къ нимъ можно причислить Іоанна Соколова, бывшаго послѣ смоленскимъ епископомъ; онъ долго находился ректоромъ петербургской семинаріи, но уже послѣ того, какъ слишкомъ десять лѣтъ служилъ въ академіи; ему уже не могла повредить семинарская рутина. Пять же ректоровъ до самаго поступленія въ ректоры академіи переводились только изъ одной семинаріи въ другую. Къ несчастію, при переводѣ ректоровъ семинарій въ академію руководствовались иногда совершенно сторонними цѣлями, а не ихъ способностями; напр., Венедикта Григоровича сдѣлали ректоромъ академіи для того только, чтобы онъ уплатилъ поскорѣе числившіяся на немъ казенныя деньги. Потомъ, высшее духовное начальство конечно не находило излишнимъ, если ректоръ былъ вмѣстѣ дѣльнымъ профессоромъ, но главнымъ образомъ желало въ немъ видѣть хорошаго, по своему понятію, администратора. Ректоръ могъ даже не ходить въ классъ, или изрѣдка туда заглядывать, плохо читать лекціи,—это все ничего; только бы въ академіи все шло по заведенному порядку, только бы онъ правился митрополиту да оберъ-прокурору; тогда опасаться нечего. Одинъ ректоръ въ теченіи полгода былъ не болѣе трехъ разъ въ классѣ, и все же не отказался отъ профессорской должности; ему за это даже дали 1000 рублей прибавочнаго жалованья. Наконецъ, ректорство академіи было послѣднею уже ступенью къ архіерейству. Къ чему же тутъ много заниматься лекціями, когда и безъ того скоро панагія будетъ украшать грудь? Ректоръ — отличный профессоръ, скорѣе другихъ могъ быть заподозрѣнъ въ либерализмѣ, въ неправославіи, какъ и

случилось это съ Иннокентіемъ Борисовымъ. Такимъ образомъ, между ректорами академіи вовсе нелегко было встрѣтить хорошаго профессора; къ почетнымъ исключеніямъ изъ этого правила принадлежали, напр., Григорій Постниковъ, Макарій Булгаковъ, Іоаннъ Соколовъ и еще человѣка два-три въ петербургской академіи. Мы знаемъ первыхъ четырехъ ректоровъ, какъ администраторовъ; посмотримъ теперь на ихъ профессорскую дѣятельность.

Іоаннъ Доброзраковъ имѣлъ немало задатковъ, чтобы быть хорошимъ, даже отличнымъ профессоромъ,—именно множество свѣдѣній, чрезвычайно быстрое соображеніе, ловкость и находчивость въ случаѣ встрѣченныхъ возраженій и недоумѣній и замѣчательную способность говорить. Надобно было на него посмотрѣть, когда онъ, самъ отворивши и затворивши дверь въ классъ, снявши верхнюю рясу и небрежно положивши ее куда-нибудь, и какъ-нибудь перекрестившись на образъ, начнетъ тотчасъ же, не дойдя еще до профессорскаго кресла: *въ прошедшій классъ мы говорили о томъ-то, разсмотрѣли то-то* и пр., затѣмъ говоритъ цѣлый часъ легко, свободно, чистымъ русскимъ языкомъ, безъ всякихъ вычуръ и модныхъ фразъ, ни на чемъ не запинаясь, по временамъ подшучивая, или высказывая остроты. Но послушавши нѣсколько его лекцій, легко можно было убѣдиться, что профессоръ недолго надъ ними раздумывалъ, развѣ-развѣ начертилъ для себя коротенькій конспектъ. Онѣ скорѣе походили на импровизацію говоруна, готоваго разсуждать обо всемъ во всякое время и увѣреннаго, что ему, по поговоркѣ, *не нужно будетъ лазить въ карманъ за словомъ*. Тутъ одно отступленіе или эпизодъ смѣнялись другимъ, вновь возвращались къ главному предмету, опять отступали, опять возвращались, и нить, такъ сказать, не прерывалась. Вниманіе слушателей увлекалось потокомъ словъ, но упомнить, записать лекцію почти не было возможности; слушатели немного уносили отъ нея мыслей, но за то пріобрѣтали убѣжденіе, что если бы профессоръ имѣлъ охоту позаняться лекціей, то она была бы прекрасною; нельзя не пожалѣть, что веселая и умная голова и тутъ не любила хоть *словами* доставить пользу студентамъ. При всемъ этомъ Доброзраковъ былъ хорошій, даже очень хорошій профессоръ; особенно вновь пріѣхавшіе студенты удивлялись его *краснорѣчію*.

Напротивъ, Смарагдъ Крыжановскій отъ природы получилъ и самъ пріобрѣлъ очень мало задатковъ для того, чтобы быть даже посредственнымъ профессоромъ. Да онъ и не заботился обогатить себя необходимыми для этого свѣдѣніями. Въ то вре-

мя, какъ въ Германіи шла ожесточенная ученая борьба между установленною догмою и раціонализмомъ, когда раціоналистическія идеи проникли въ Россію, когда бы ихъ нужно было разобрать съ точки нашего православія, разумѣется, въ духовныхъ академіяхъ, на богословской каѳедрѣ,—нашъ ординарный профессоръ богословія не прочиталъ ни одной раціоналистической книги, умѣлъ только бранить раціоналистовъ, не понимая ихъ идей. Сомнительно даже, чтобы онъ читалъ книги иностранныхъ писателей — защитниковъ догмы, чтобы касался даже прежнихъ богослововъ, напр. Гуннія или нашего Ѳеофана Прокоповича. Онъ былъ богословъ, воспитавшійся на русской почвѣ, на пространномъ катихизисѣ Платона, на тѣхъ догматикахъ, которыя училъ въ семинаріи и академіи. Лекціи его были почти только перифразомъ учебника или записокъ, которыя выдавались студентамъ для заучиванія на память; развѣ дѣлались пичтожныя и мелочныя какія-либо прибавленія. Притомъ, сообразуясь съ своимъ умственнымъ настроеніемъ, а вѣрнѣе, съ принятою на себя ролью, онъ и въ студентахъ восхищался не глубокомысленнымъ изслѣдованіемъ богословскихъ предметовъ, а знаніемъ неважныхъ какихъ-либо особенностей нашего вѣроисповѣданія. Напр., не получивши отъ одного студента отвѣта на вопросъ: почему на иконахъ евангелистовъ изображаются еще ангелъ, или левъ, или волъ, или орелъ, онъ пришелъ въ крайнее негодованіе; и потомъ когда другой студентъ разрѣшилъ этотъ вовсе не догматическій вопросъ,—былъ въ восхищеніи и нѣсколько минутъ, ходя по классу, только и говорилъ: «ай да хватъ, Б.; вотъ такъ молодецъ Б.» Накопецъ, Крыжановскій, можно сказать, уродовалъ и безъ того уже не очень привлекательныя лекціи своими пріемами и своею дикціей. Рѣчь его не лилась непрерывнымъ потокомъ; послѣдующее слово шло за предыдущимъ не торопясь и очень часто отдѣлялось слогами: *во*, или *ну-во*, составлявшими отличительный признакъ его рѣчи. Присовокупите къ этому, что краснорѣчивый профессоръ не садился въ кресло, а ходилъ, наклонившись нѣсколько впередъ и вмѣстѣ на тотъ бокъ, который былъ ближе къ первому ряду классическихъ столовъ, и кромѣ того одною рукою опираясь на нихъ. Смотря на эту наклонившуюся впередъ и на бокъ фигуру, слушая его: *во* и *ну-во*, трудно было не улыбнуться. Но профессоръ за этимъ слѣдилъ очень строго. «Что вы это смѣетесь? съ негодованіемъ говорилъ онъ улыбнувшемуся. Ректоръ говоритъ лекцію, притомъ по св. Писанію, а онъ смѣется! На что это похоже?»

Если у Крыжановскаго было мало, то Венедиктъ Григоро-

вичъ уже вовсе не имѣлъ никакихъ задатковъ для профессуры. Крыжановскій до ректорства своего въ петербургской академіи состоялъ наставникомъ отчасти въ ней, а еще болѣе въ кіевской, и только три года въ семинаріи виѳанской, все-таки долженъ былъ говорить лекціи, а не задавать одни уроки. Напротивъ, служба Григоровича до того же ректорства происходила только въ семинаріяхъ, а тамъ, какъ я уже сказалъ, говореніе лекцій было не въ модѣ. Притомъ онъ не имѣлъ порядочнаго дара слова. Объясняясь объ обыкновенныхъ даже предметахъ, онъ занимался и украшалъ свою рѣчь вставками въ родѣ: *таво-тата вотъ-тата*, *та-та* и т. п. Онъ внутренно и самъ сознавалъ свои недостатки въ этомъ отношеніи. Несмотря на грубое обращеніе съ студентами, когда ему приходилось дѣйствовать въ роли начальника, онъ, напротивъ, не показывалъ ничего въ классѣ; при первомъ его дебютѣ здѣсь замѣтили даже, что у него руки дрожали. Но и этотъ, можно сказать, безталанный человѣкъ для профессорской должности тоже хотѣлъ сначала озадачить студентовъ своею ученостію. На первой лекціи усѣвшись на кресла, онъ началъ вступительную недурную рѣчь, перешелъ потомъ къ ученію о Богѣ, и все это говорилъ на латинскомъ языкѣ. Латынь была недурна; студенты стали-было подумывать, что, вѣроятно, старикъ — ученый мужъ, но скоро начали перешептываться, переглядываться и посмѣиваться. Въ академіи въ то время учебникомъ о Богѣ и Троицѣ были статьи Григорія Постникова на русскомъ языкѣ, напечатанныя въ «Христіанскомъ Чтеніи». Оказалось, что новый профессоръ вступительную рѣчь самъ сочинилъ, а лекція состояла изъ буквальнаго перевода начальныхъ 2—3 страничекъ статей Постникова на латинскій языкъ. Но латыни достало только на одинъ классъ; въ слѣдующія лекціи отецъ-профессоръ читалъ уже печатный учебникъ буквальнѣйшимъ образомъ, ничего не измѣняя, не прибавляя и не убавляя, точно какъ будто бы боялся, чтобы не постигло его проклятіе за опущеніе *единой іоты*. По окончаніи ученія о Богѣ и Троицѣ надобно было взяться за другіе предметы догматики; для нихъ тоже существовалъ учебникъ, но рукописный, перешедшій *отъ предковъ къ потомкамъ*, составленный Григоріемъ Постниковымъ на русскомъ языкѣ. Профессоръ-латинистъ и букваристъ нашелъ этотъ учебникъ недостаточнымъ, вмѣсто него отыскалъ у себя какія-то старыя лекціи, которыя, кажется, преподавались студентамъ перваго курса, но написанныя на латинскомъ языкѣ. Григоровичъ, принося въ классъ по нѣскольку листовъ этого *старья*, прочитывалъ ихъ буквально самымъ монотоннымъ, скучнѣйшимъ образомъ, не заботился даже о пе-

реводѣ на русскій языкъ; опять тоже какъ будто боялся проклятія за измѣненіе *іоты единой*. Но чтеніе очень часто прерывалось по слѣдующему обстоятельству. Въ листкахъ лекцій были только указанія на библейскіе тексты, а не самыя слова ихъ. Профессоръ, дочитавшись до такихъ указаній, останавливался и говорилъ уже по-русски: «а вотъ пріищите-ка Матвѣя или Луки такую-то главу и стихъ». Текстъ находили, прочитывали; профессоръ, не сдѣлавши никакого объясненія, принимался опять за свою латынь, вновь останавливался на текстѣ, который отыскивали и прочитывали. Такія паузы дѣлали и безъ того бездушныя лекціи, можно сказать, еще *мертвенные*. Но къ этому привходили побочныя обстоятельства. Текстъ найденъ и прочитанъ; но слишкомъ видно, что пейдетъ къ дѣлу. Тогда профессоръ начинаетъ говорить: «да такъ ли вы нашли?»—или: «что же это такое-то? постойте-ка, я посмотрю»; и приподнявъ листъ со стола, подвинувши его къ свѣту и держа одну руку повыше глазъ, онъ начинаетъ разсматривать письмо и говоритъ: «кажется, не пятая, а десятая глава, не третій, а пятый стихъ» и пр. Иногда поправка удавалась, а то ничего не находили подходящаго; тогда, какъ будто ни въ чемъ не бывало, какъ будто все доказано, принимались опять за латинскій текстъ. Но и тутъ не обходилось безъ бѣды. Иное слово было написано неразборчиво, другое замарано чернилами; тамъ самыя чернила порыжѣли и стерлись. Надобно было разсматривать листъ, поднимать и прикладывать руку повыше глаза, и, увы! иногда ничего не разобрать; и тутъ опять, какъ будто ни въ чемъ не бывало, читали далѣе. Все это вмѣстѣ составляло не лекціи, а самую бездарную, безжизненную пародію на нихъ, какъ будто нарочно придуманную для того, чтобы опошлить и лекціи, и предметъ, котораго онѣ касались.

Понятно, студенты не имѣли къ Григоровичу никакого уваженія, и даже не слушались его распоряженій относительно лекцій, какъ видно изъ слѣдующаго разсказа, который вмѣстѣ съ тѣмъ покажетъ, что̀ за люди были въ числѣ ректоровъ и профессоровъ академіи, и до какого своеволія доводили студентовъ.

Нашъ профессоръ нашелъ, что отчасти печатный, отчасти рукописный учебникъ по догматическому богословію, составленный Постниковымъ, недостаточенъ, сдалъ свои старые листы для списыванья и для приготовленія по нимъ уроковъ. Студентамъ это очень не понравилось. Венедиктовскія лекціи были на латинскомъ языкѣ, слишкомъ обширны, да ихъ надобно было еще списывать; тогда какъ Постниковскія излагались коротко и

по-русски, да и у большой части студентовъ находились и наслѣдству отъ предшественниковъ; выгоды на сторонѣ послѣднихъ были слишкомъ ясны; молодежь отказалась ректору списывать его лекціи, и послѣ продолжительнаго спора устояла на своемъ. Ректоръ, сдѣлавши уступку, сильно впрочемъ оскорбился непослушаніемъ своихъ подчиненныхъ и отъ времени до времени любилъ повторять: «а вотъ погодите, я вамъ отплачу за это». Но дѣло вышло иначе.

Планъ мщенія отложенъ былъ ректоромъ до публичныхъ экзаменовъ. Къ нимъ обыкновенно заранѣе приготовлялась какая-либо часть лекцій по каждому предмету, а не вся наука. Ректоръ сказалъ, что по догматическому богословію онъ назначаетъ ученіе о Троицѣ. Студенты приготовили трактатъ по учебнику Постникова. Но вечеромъ наканунѣ экзамена, часу въ девятомъ имъ всѣмъ роздапы были печатные конспекты предметовъ, назначенныхъ къ завтрашнему испытанію. Тутъ они съ удивленіемъ увидали, что конспектъ по ученію о Троицѣ напечатанъ на латинскомъ языкѣ и притомъ по запискамъ не Постникова, а Григоровича. Отправили депутата къ ректору просить объясненія, что̀ это такое значитъ? «А это вотъ что значитъ, отвѣчалъ ректоръ съ злобною усмѣшкою. Вы-то не хотѣли меня слушать, не списывали моихъ лекцій, и къ окончательному экзамену не приготовили ихъ, несмотря на мое приказаніе; я говорилъ, что расквитаюсь съ вами за это. Вотъ теперь я съ вами и расквитался; увижу, какъ-то вы завтра станете отвѣчать; я буду спрашивать по своему конспекту?» Депутатъ началъ-было говорить, что они не ожидали такого распоряженія, что приготовили бы все, какъ слѣдуетъ, а теперь имъ невозможно это сдѣлать; вѣдь ни у кого нѣтъ даже лекцій. Ректоръ не захотѣлъ слушать и сказалъ: «отходите то; я на своемъ поставлю». Съ старикомъ нечего было дѣлать; студенты посовѣтовались между собою и всѣ рѣшились на смѣлый поступокъ — отвѣчать по лекціямъ Постникова, несмотря на вопросы ректора.

Господствовавшій тогда обычай на публичныхъ экзаменахъ въ духовныхъ академіяхъ поблагопріятствовалъ студентамъ. Ихъ для отвѣта не вызывали къ экзаменаторскому столу, а позволяли имъ оставаться на своихъ мѣстахъ и оттуда отвѣчать на предлагаемые вопросы; требовалось только говорить громко, чтобы всѣ слышали. Потомъ наставникъ, предметъ котораго былъ на очереди, долженъ былъ *стоять*, какъ говорили *на серединѣ залы*. Митрополитъ не посадилъ даже и Григоровича, хотя онъ въ это время уже былъ епископомъ. И потому, ког-

да начался экзаменъ по ученію о Троицѣ, Григоровичъ, имѣя слабый голосъ и неразборчивое произношеніе, всталъ у самыхъ столовъ студентческихъ, саженяхъ въ трехъ отъ митрополита, и предложилъ вопросъ на латинскомъ языкѣ по своимъ, разумѣется, лекціямъ. Митрополитъ едва ли разслушалъ вопросъ. Отвѣчавшій студентъ былъ ловкій молодой человѣкъ. Выслушавъ ректора, какъ будто бы съ полнымъ вниманіемъ, онъ началъ читать свой отвѣтъ по лекціямъ Постникова, но читать громко, ясно, съ интонаціею. Ректоръ хотѣлъ-было остановить его, замѣтивши ему, что надобно отвѣчать по-латыни; и опять говорилъ своимъ негромкимъ, шепелявымъ языкомъ. Но митрополитъ, уже заинтересовавшись отвѣтомъ, сказалъ: «Не трогайте его, преосвященный, онъ славно читаетъ?» Дошла очередь до другого; ректоръ и тутъ хотѣлъ настоять на своемъ, подвинулся къ студенту поближе и уже довольно внятно предложилъ вопросъ опять по-латыни. Студентъ, какъ и его предшественникъ, не сробѣлъ, а выслушавши, началъ отвѣчать порусски. Замѣтно было, что митрополиту показались страноватыми русскіе отвѣты на латинскіе вопросы; но по счастію и новый студентъ читалъ бойко, смѣло, внятно. Ректоръ хотѣлъ-было и этого остановить, но митрополитъ опять сказалъ: «Не трогайте его, преосвященный, онъ знатно читаетъ».

Послѣ этого ректоръ призналъ себя побѣжденнымъ, не сталъ уже дѣлать вопросовъ на латинскомъ языкѣ, а употреблялъ почти только одно слово: *продолжайте.* За то, ставши близъ самаго конца передняго стола, онъ припялся ругаться, и чтобы его слова слышны были только студентамъ, а не митрополиту и другимъ посѣтителямъ, онъ закрылся находившимися въ его рукахъ листами бумаги со стороны публики; а между тѣмъ произносилъ слова (извините, что я ихъ цитую буквально): «дьяволы-то, разбойники-то», и пр. И потомъ когда вновь спрошенный начиналъ свой отвѣтъ, ректоръ говорилъ: «и этотъ такой же разбойникъ» и пр. Сцена была, къ сожалѣнію, уморительная; публика видѣла, что происходитъ что-то недружественное между ректоромъ и студентами, но никакъ не могла догадаться, въ чемъ дѣло, потому что отвѣты студентовъ были вполнѣ удовлетворительны. Студенты едва могли удерживаться отъ смѣха. Еще смѣшнѣе стало смотрѣть на ректора, когда по окончаніи экзамена стали благодарить его за прекрасные отвѣты студентовъ; онъ не могъ преодолѣть внутренней своей досады и неудовлетворенной злобы, и принимая благодарность, сдѣлалъ довольно кислую мину.

Виталій Щепетевъ по своимъ способностямъ и свѣдѣніямъ,

по своему дару слова стоялъ гораздо выше Крыжановскаго и Григоровича, и по всей вѣроятности былъ бы очень хорошимъ наставникомъ, если бы вся служба его происходила въ академіи. Но по окончаніи академическаго курса онъ десять лѣтъ инспекторствовалъ и ректорствовалъ въ московской семинаріи, и по мѣстнымъ условіямъ не развилъ въ себѣ качествъ нужныхъ для профессорской каѳедры. Поступивъ ректоромъ въ петербургскую духовную академію, онъ, можетъ быть, успѣлъ бы въ этомъ; но у него слишкомъ много времени отнимали правленскія дѣла, редакція статей по «Христіанскому Чтенію» и одна несчастная слабость, о которой я упомянулъ—и ему не удалось сдѣлаться хорошимъ академическимъ профессоромъ. Недостатки свои въ этомъ отношеніи онъ усиливалъ и дѣлалъ невыносимыми посредствомъ мнимой важности и торжественности. Напр., захотѣлось ему понюхать табаку. Онъ кладетъ бумагу на столъ, отправляется рукою въ карманъ, вынимаетъ оттуда табакерку и платокъ, открываетъ первую, опускаетъ въ нее щепоть, нюхаетъ табакъ, утирается платкомъ; потомъ начинается, такъ сказать, обратная церемонія закрытія табакерки, укладыванія ея и платка въ карманъ; и все это дѣлалось съ торжественнѣйшею медленностію, какъ будто дѣло шло о какомъ либо церемоніальномъ актѣ, и все это продолжалось нѣсколько минутъ. А студенты, разумѣется, сиди въ это время смирехонько; потому что Щепетевъ не былъ похожъ на Григоровича и съумѣлъ бы отплатить всякому студенту, который бы при немъ улыбнулся. За всѣмъ тѣмъ, сравнительно, все-таки его нельзя было назвать дурнымъ профессоромъ.

Надзоръ ректоровъ за преподаваніемъ наукъ другими едвали не въ томъ только состоялъ, что они отъ наставниковъ принимали списки и конспекты, производили экзамены; лично же въ классы на лекціи почти ни къ кому никогда не ходили; напр., Венедиктъ Григоровичъ въ теченіи всего своего ректорства ни разу ни у кого не былъ. О достоинствѣ лекцій каждаго они составляли понятіе, если только считали это нужнымъ, по доходившимъ до нихъ слухамъ или при посредствѣ переносчиковъ-студентозъ.

Метода опредѣленія новыхъ и на служебное положеніе всѣхъ вообще наставниковъ была слѣдующая. Свободныя баккалаврскія мѣста слишкомъ рѣдко занимались людьми, доказавшими свою опытность въ преподаваніи; изъ семинарій если и вызывали наставниковъ въ академію, то почти только тѣхъ, которые изъявили желаніе поступить въ монашество. Наибольшая часть вновь опредѣляемыхъ баккалавровъ состояли изъ только-

что кончившихъ курсъ студентовъ; сегодня они еще вмѣстѣ съ будущими своими слушателями кушаютъ въ одной и той же столовой одинъ и тотъ же супъ, одну и ту же гречневую кашу, а дня чрезъ четыре уже садятся въ классѣ на наставническое кресло и читаютъ о пользѣ наукъ, въ чемъ чуть не наканунѣ сильно сомнѣвались. При избраніи студентовъ на баккалаврскія мѣста наибольшею частію руководствовались окончательнымъ спискомъ; занимавшіе въ немъ первыя мѣста и дѣлались баккалаврами. Исключенія касались иногда монашествующихъ студентовъ, которыхъ предпочитали свѣтскимъ. Еще иногда руководствовались покорнѣйшими просьбами кого-либо изъ петербургскихъ папенекъ-священниковъ, выслѣдившихъ между студентами жениха для своей милой дочери и хлопотавшихъ о томъ, чтобы его пристроили при академіи, но вовсе не обращали вниманіе на то, любитъ ли и знаетъ ли вновь избранный науку, преподаваніе которой ему вздумали поручить. Главное правило состояло въ томъ, что если есть вакантное мѣсто, то его надобно занять лучшимъ по общему списку студентомъ. Бывали примѣры, что назначали баккалавромъ по какому-либо языку человѣка, который вовсе его не зналъ. Напр., въ 1833 году вновь опредѣленный баккалавромъ нѣмецкаго языка Предтеченскій долженъ былъ начать свою профессію съ того, чтобы учиться читать по-нѣмецки и знакомиться съ грамматикою языка. Потомъ уже людей, нѣсколько ознакомившихся съ своимъ предметомъ, иногда вдругъ передвигали на другой.

Вообще академическихъ наставниковъ можно было раздѣлить на два разряда; къ первому принадлежали монахи, а ко второму лица бѣлаго духовенства и свѣтскія, не пожелавшія быть ни монахами, ни священниками. На монашествующихъ обращено было все вниманіе начальства, изливались всѣ милости, всѣ поощренія и награды. А между тѣмъ каждый изъ нихъ зналъ, что учебная служба не есть конечная его цѣль, а только прокладываетъ ему дорогу къ высшей іерархической степени — епископству.

Положеніе священниковъ-наставниковъ въ петербургской духовной академіи было самое шаткое, жалкое. Начальство думало, что священническая должность препятствуетъ имъ быть исправными преподавателями. Это мнѣніе, можетъ быть, справедливо относительно приходскихъ священниковъ, но его уже никакъ нельзя приложить къ тѣмъ, которые состояли при учебныхъ заведеніяхъ или казенныхъ мѣстахъ. Несмотря на это, только или громкая, заслуженная извѣстность, или умѣнье пріобрѣсти и поддерживать благоволеніе начальства помогли не-

многимъ священникамъ долго служить въ академіи. Прочіе же скоро оставляли ее; кого щадили, тѣмъ самимъ приказывали подавать просьбы объ увольненіи, а съ кѣмъ не хотѣли церемониться, тѣхъ отставляли безъ прошенія. Въ послѣднемъ случаѣ не задумывались надъ отыскиваніемъ причинъ. Напр., въ 1835 году академическое правленіе, представляя объ увольненіи трехъ баккалавровъ—священниковъ Ксенофонта Делекторскаго, Ѳедора Сидонскаго и Якова Предтеченскаго, признавало необходимымъ это увольненіе, потому что академія нуждается въ свѣтскихъ наставникахъ, которымъ бы можно было поручить стороннія должности, напр., должность секретаря, библіотекаря и пр.; и коммиссія духовныхъ училищъ нашла подобную нелѣпость уважительною и уволила всѣхъ трехъ баккалавровъ. Замѣчательно также, что академическое начальство, не удерживая и даже выгоняя дѣльныхъ наставниковъ - священниковъ, оставляло такихъ, которыхъ бы даже не слѣдовало опредѣлять и на короткое время. Напр., у Делекторскаго, Сидонскаго и одного изъ лучшихъ въ свое время, Богословскаго отнята была возможность служить въ академіи; тогда какъ протоіереи Ивановъ и Колоколовъ долго, долго мучили студентовъ своимъ нѣмотствующимъ преподаваніемъ.

Свѣтскимъ наставникамъ, повидимому, ничто не мѣшало вполнѣ посвятить себя наукѣ и мало-по-малу сдѣлаться хорошими профессорами. Дѣйствительно, было мало препятствій, но съ другой стороны и мало побужденій къ тому. Жалованье они получали ничтожное, едва достаточное для холостого; женатому особенно съ семьею при такомъ жалованьѣ надобно было голодать. Потомъ, будучи холостыми, они еще пользовались казенною квартирою съ отопленіемъ, но какъ скоро вступали въ бракъ, монашествующее начальство, боясь соблазна отъ еввиныхъ правнучекъ, выгоняло ихъ мужей изъ академическаго дома и вмѣсто того, и то не всегда, давало небольшое квартирное пособіе. Поощреній, наградъ и т. п. вовсе почти никакихъ не было; развѣ сдѣлаютъ секретаремъ, экономомъ, библіотекаремъ и пр. Конечно, свѣтскихъ наставниковъ не выгоняли, но за то большая часть ихъ сама спѣшила выдти изъ академіи или въ священники, или на гражданскую службу.

При описанныхъ условіяхъ академической службы наставниковъ всѣхъ категорій, она, очевидно, не могла быть продолжительной, одного спѣшили перевести куда-либо повыше, другой самъ спѣшилъ уйти, третьяго спѣшили выгнать. Такимъ образомъ, если академію назвать театромъ, а наставниковъ декораціями, то можно сказать, что тутъ на сценѣ прежнія декора-

ціи постоянно замѣнялись новыми, которыя впрочемъ рѣдко развѣ были лучше прежнихъ. Въ пятидесятилѣтнее существованіе петербургской академіи, среднимъ числомъ, служба наставниковъ продолжалась не болѣе четырехъ лѣтъ. Но вотъ уже болѣе поздній примѣръ изъ московской академіи, въ которой съ 1846 по 1864 годъ, въ теченіи осьмнадцати лѣтъ на классѣ греческаго языка перемѣнилось восемь наставниковъ, и слѣдовательно на долю каждаго пришлось съ небольшимъ по два года. Ни одного театра не найдете, гдѣ бы декорація такъ скоро или передѣлывалась на другую, или вовсе выбрасывалась.

Ординарные профессоры, за исключеніемъ монашествующихъ, большею частію, несмотря на невыгоды службы, долго оставались на ней; нѣкоторые профессорствовали или до самой своей смерти, или до тѣхъ поръ, пока здоровье и другія обстоятельства позволяли имъ. Слѣдовательно, они имѣли возможность сдѣлаться хорошими наставниками, но составляли только треть всѣхъ наставниковъ. Званіе же экстраординарнаго профессора давалось очень рѣдко, да и существеннаго улучшенія въ матеріальномъ отношеніи не производило; экстраординарный профессоръ получалъ такое же ничтожное жалованье, какъ и баккалавръ.

Несмотря на все то, въ петербургской академіи, какъ мы увидимъ, въ описываемое мною время было довольно порядочное количество хорошихъ, очень хорошихъ и даже отличныхъ наставниковъ не только между профессорами, но и между баккалаврами, не только между наставниками-священниками и свѣтскими, но и между монахами. И многіе студенты отчасти сами собою, отчасти при помощи наставниковъ достигали очень удовлетворительнаго умственнаго развитія.

Въ числѣ такихъ вліятельныхъ наставниковъ на первомъ планѣ надобно поставить четырехъ ординарныхъ профессоровъ, товарищей между собой по первому курсу петербургской духовной академіи: протоіереевъ Герасима Павскаго и Акима Кочетова, и свѣтскихъ: Степана Райковскаго и Василья Себржинскаго. У нихъ у всѣхъ была одна общая черта,—пунктуальная точность относительно хожденія въ классъ. Я уже говорилъ, что въ то время для каждой лекціи назначалось два часа, но большая часть наставниковъ приходили часа на полтора, а нѣкоторые, особенно ректоры, не болѣе, какъ на часъ. Но тѣ четверо являлись чрезъ 5—10 минутъ, и развѣ по какому-либо особому случаю чрезъ четверть часа; а Павскій и Кочетовъ приходили нерѣдко въ классъ тогда, какъ еще собралось человѣкъ пять студентовъ, одного изъ нихъ посылали приглашать товарищей,

а сами между тѣмъ садились въ кресло и ожидали. Павскій, котораго классъ былъ близъ жилыхъ студентческихъ комнатъ, не нашедши никого въ немъ, самъ отворялъ дверь въ ближайшую комнату и говорилъ: «Господа, или звонокъ еще не билъ?» Или, если уже слышалъ звонокъ, то: «Господа, въ классъ пора, звонокъ уже пробилъ». Слова эти произносились голосомъ спокойнымъ, не обпаруживавшимъ никакого признака неудовольствія; это былъ голосъ отца, приглашавшаго взрослыхъ дѣтей провести время въ пріятной бесѣдѣ. Отъ описаннаго обычая началъ отступать только Себржинскій въ то время, какъ сдѣланъ былъ секретаремъ правленія и конференціи и когда развившаяся въ немъ чахотка постепенно вела его къ могилѣ.

Изъ этихъ четырехъ ветерановъ лучшимъ былъ Герасимъ Петровичъ Павскій, первый студентъ перваго академическаго курса; — человѣкъ честный, благородный, безупречный въ своемъ поведеніи, съ твердою волею, съ стоическимъ характеромъ, безъ надменности и высокомѣрія, но неспособный къ лести и низкопоклонству, врагъ ханжества и лицемѣрія, человѣкъ, такъ сказать, античный, съ возвышенною душою. Въ средѣ тогдашняго духовенства онъ былъ замѣчательнымъ ученымъ; кромѣ семитическихъ языковъ, зналъ французскій, нѣмецкій и англійскій, нѣкоторыя славянскія нарѣчія, даже, какъ говорили, санкритскій и исландскій. Будь профессоромъ университета, онъ, по всей вѣроятности, сдѣлался бы знаменитымъ филологомъ. Но находясь даже въ той средѣ, которая тогда давила и гнала таланты, онъ все-таки успѣлъ перевести съ еврейскаго текста едва ли не всѣ книги ветхаго завѣта и написалъ филологическія изслѣдованія по русскому языку, за которыя получилъ отъ академіи наукъ полную демидовскую премію. Будучи профессоромъ еврейскаго языка, онъ, новидимому, не могъ имѣть большого вліянія на студентовъ, а между тѣмъ доставлялъ имъ пользы въ научномъ отношеніи едва ли не болѣе, нежели всѣ наставники по богословію (за исключеніемъ немногихъ); это происходило отъ методы его преподаванія. Прочитавши въ нѣсколько классовъ грамматику еврейскаго языка, онъ для перевода бралъ какого-либо пророка, самъ разбиралъ или помогалъ студентамъ разбирать прежде всего буквальный смыслъ его, и послѣ сопровождалъ разборъ филологическими и богословскими замѣчаніями, которыя всегда интересовали студентовъ. Занимательность его объясненій увеличивалась отъ его замѣчательнаго дара слова; онъ какъ будто рожденъ былъ для того, чтобы темные предметы дѣлать ясными и наглядными. Къ сожалѣнію, этотъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный человѣкъ принужденъ былъ оставить

академію въ 1835 году, когда уволенъ былъ отъ преподаванія закона Божія Наслѣднику Престола. Его обвиненіе въ неправославномъ образѣ мыслей разсматривать здѣсь не мѣсто; оно требуетъ отдѣльной статьи, да едва ли еще возможно о немъ откровенно высказаться. Скажу только одно, что Павскій давно былъ подозрѣваемъ въ нелюбви къ монашеству; и дѣйствительно онъ не любилъ его за тотъ гнетъ, которымъ оно тяготѣло надъ бѣлымъ духовенствомъ и надъ духовно-учебными заведеніями. Онъ не скрывалъ этой нелюбви, высказывая ее иногда рѣзкими остротами. Вотъ одна изъ нихъ. Однажды у протоіерея и профессора Кочетова на обѣдѣ, за которымъ были академическіе начальники и наставники, зашла рѣчь о монашествѣ, панегиристомъ котораго явился тогдашній ректоръ семинаріи. Павскій предложилъ ему вопросъ: откуда произошло названіе бѣлаго и чернаго духовенства? И когда ректоръ представилъ какое-то мистическое объясненіе, то Павскій отвѣчалъ шуткой: «нѣтъ, отецъ-ректоръ, не такъ; по моему мнѣнію названіе это произошло отъ того, что въ Россіи до принятія христіанства поклонялись бѣлбогу и чернобогу; бѣлбогъ былъ настоящій Богъ, а чернобогъ былъ — злой. По принятіи христіанства жрецы бѣлбога пошли въ бѣлое духовенство, а жрецы чернобога въ черное.» Вотъ такіе-то слухи о его нелюбви къ монашеству, и опасеніе, что Павскій, удержись только на своемъ почетномъ мѣстѣ, со временемъ сдѣлается члепомъ синода, заставили поискать доказательствъ его неправославія; — а это, особенно тогда, было не трудно.

Протоіерей и профессоръ Акимъ Семеновичъ Кочетовъ преподавалъ въ академіи библейскую и церковную исторію почти въ теченіи 34-хъ лѣтъ. Онъ имѣлъ громадную память и замѣчательную способность занимательно разсказывать событія историческія и анекдоты. Потомъ полагая, что почти двухъ-часовая лекція о серьезныхъ предметахъ, произносимая серьезнымъ тоже тономъ, можетъ утомить вниманіе слушателей и наскучить имъ, онъ находилъ нужнымъ вставлять въ свои лекціи болѣе или менѣе занимательные анекдоты, имѣющіе къ нимъ какое-либо отношеніе. Къ этому нужно прибавить, что Кочетовъ умѣлъ придавать своей рѣчи нѣкоторую торжественность безъ надутости и педантства, а своимъ пріемамъ—важность безъ надменности и тщеславія. При такихъ внутреннихъ и внѣшнихъ качествахъ, слѣди этотъ человѣкъ за литературою своей науки, не у насъ конечно (гдѣ все тогда спало по этой части), а за границею, усвояй себѣ то, что онъ бы встрѣтилъ въ ней замѣчательнаго и обогащай этимъ свои лекціи, онъ былъ бы однимъ изъ самыхъ

лучшихъ профессоровъ академіи. Но къ сожалѣнію на него возложили, или онъ самъ, какъ говорятъ, *нахваталъ* множество разнообразныхъ должностей, число которыхъ, какъ мнѣ самому случалось отъ него слыхать, доходило до 14-ти. Конечно, многія изъ нихъ не требовали большой дѣятельности, а ограничивались подписью нѣсколькихъ бумагъ и журналовъ, но общій ихъ итогъ дѣлалъ то, что Кочетовъ, выѣзжая изъ квартиры въ семь часовъ утра, возвращался въ нее рѣдко ранѣе пятаго, а иногда даже седьмого часа вечера; — когда же ему было слѣдить за иностранною литературою тѣмъ болѣе, что онъ нѣмецкаго языка не зналъ? И потому ему оставались вполнѣ неизвѣстными всѣ труды тогдашнихъ германскихъ писателей по библейской и церковной исторіи; самое имя Неандера дошло до него только по слуху. Источниками для его лекцій служили библія и нѣсколько писателей, не принадлежавшихъ къ девятнадцатому столѣтію. Но и пользуясь ими, онъ составилъ конспектъ своихъ лекцій едвали еще не до наступленія двадцатыхъ годовъ и потомъ распространялъ и улучшалъ его развѣ мелочными какими-либо прибавками, притомъ большею частію анекдотическаго характера.

Пришедши въ классъ, онъ усаживался въ кресло, просилъ ближайшаго къ нему студента подать учебникъ, т.-е. или библейскую исторію Филарета Дроздова, или церковную Иннокентія, раскрывалъ его на той страницѣ, съ которой начиналась лекція и наклонивши голову на правую руку, нѣсколько времени какъ будто думалъ о чемъ-то, потомъ важнымъ, торжественнымъ тономъ буквально читалъ нѣсколько строкъ, иногда и періодовъ, изъ учебника, затѣмъ принимался за объясненія, за разсказы и по временамъ за анекдоты; послѣднихъ студенты могли уже ожидать, потому что ихъ предшественники на учебникѣ оставили замѣтки, напр., слова: *здѣсь будетъ разсказываться анекдотъ о мясникѣ* и т. п. Кончивъ свое объясненіе, Кочетовъ принимался читать учебникъ, затѣмъ слѣдовали опять объясненія, опять чтеніе учебника и т. д. Студенты въ своихъ мнѣніяхъ о профессорѣ раздѣлялись на двѣ партіи; одна, довольствуясь только тѣмъ, что занимательные разсказы историческихъ событій и анекдотовъ не позволяли имъ скучать, хвалили его, даже восхищались имъ. Другіе же, напротивъ, желавшіе и имѣвшіе право желать, чтобы библейская и церковная исторіи были не сборникомъ разсказовъ и анекдотовъ, а глубоко обдуманною наукою, которая бы основательно, критически разъясняла судьбы еврейской и христіанской религіи, — эти, разумѣется, не любили Кочетова. И по правдѣ сказать, онъ слиш-

комъ мало заботился о глубокомыслiи и основательности лекцій. Происхожденіе и быстрое распространеніе, напримѣръ, магометанства приписывалось у него просто тому, что мечтатель, чуть не полусумасшедшій, и вмѣстѣ съ тѣмъ хитрый обманщикъ вскружилъ своими мечтами головы арабовъ, вслѣдствіе чего всѣ они сдѣлались фанатиками, солдатами, а нѣкоторые отличными генералами, и чуть-чуть не опрокинули христіанскаго міра. Наконецъ, реформація едвали бы произошла, если бы Лютеру не вздумалось жениться, и пр.

Но въ каждомъ курсѣ было время около 2—3 мѣсяцевъ, когда уже всѣ студенты были очень довольны Кочетовымъ, именно когда онъ излагалъ исторію русской церкви въ XVIII-мъ столѣтіи. Но и тутъ онъ оставался вѣренъ своей методѣ, избѣгалъ всякихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій, держался того же рутиннаго порядка, по которому составленъ учебникъ Иннокентія. *Осьмнадцатый вѣкъ Кочетова* раздѣлялся также на семь главъ; тутъ, напр., нужны были отдѣлы о гоненіяхъ на церковь и о наказаніяхъ, которыя постигли гонителей и пр. Нельзя было обойтись безъ натяжекъ; и вотъ гонителями церкви являются Биронъ, Минихъ, Остерманъ, даже самъ Меньшиковъ; за что они послѣ и наказаны лишеніемъ должностей, чиновъ и орденовъ. А настоящей церковной исторіи все-таки не было. Но лекціи Кочетова увлекательны были своею не церковно-историческою, а русско-политическою стороною. Кочетовъ имѣлъ множество свѣдѣній не только о явныхъ событіяхъ, которыхъ не было надобности скрывать, но и о закулисныхъ секретахъ русскаго правительства и русскихъ государственныхъ людей XVIII-го столѣтія; и этими свѣдѣніями онъ дѣлился съ студентами и увлекалъ ихъ. Лекціи начинались просьбою «не выносить сора изъ избы»; и дѣйствительно выносить не слѣдовало. По всей вѣроятности, едва ли тогда хоть въ одномъ университетѣ профессоръ русской исторіи осмѣливался высказывать все то, что студенты академіи слышали отъ Кочетова. Многія политическія событія, на которыя и теперь печать дѣлаетъ только намеки, онъ разсказывалъ съ полною откровенностію, съ мельчайшими подробностями. Студенты конечно не узнавали исторіи русской церкви XVIII-го столѣтія такъ, какъ это нужно бы для будущихъ профессоровъ ея, пастырей и архипастырей. Но знакомясь съ политической исторіей Россіи въ то же столѣтіе по пустѣйшему руководству, кажется, Кайданова, они не могли не быть отъ души благодарными профессору, который, рискуя болѣе, нежели своею службою, рѣшался говорить имъ то, за что, по поговоркѣ, хоть и не въ буквальномъ смыслѣ, могли урѣзать ему языкъ. Этими лекціями Кочетовъ заканчивалъ свою

науку и заставлялъ студентовъ, даже тѣхъ, которые имъ недовольны были, забывать недостаточность прежнихъ лекцій.

Въ заключеніе о Кочетовѣ надобно сказать, какъ его профессура окончилась при академіи. Конечно онъ, по своимъ преклоннымъ лѣтамъ, уже не могъ быть профессоромъ высшаго учебнаго заведенія; ему слѣдовало удалиться. Но съ человѣкомъ, котораго служба при академіи продолжалась 37 лѣтъ, все-таки надобно было бы поступить деликатно и вѣжливо, напомнивъ ему, что онъ уже довольно послужилъ, что измѣнившіяся понятія о педагогіи и церковно-библейской исторіи требуютъ новаго дѣятеля съ свѣжими силами. Но монашество не любитъ деликатиться съ *попами*, какъ оно говоритъ. Кочетова уволили безъ прошенія и даже не позаботились о томъ, чтобы извѣстіе объ отставкѣ было ему передано въ квартирѣ; нѣтъ, ему, какъ я слышалъ, бумагу съ этимъ извѣстіемъ вручили, когда онъ пришелъ въ классъ! Справедливо ли это? если справедливо, то такой поступокъ нельзя не назвать жестокимъ и въ высшей степени неделикатнымъ.

Степанъ Ивановичъ Райковскій въ академіи пріобрѣлъ извѣстность не только какъ профессоръ математики, но и какъ большой оригиналъ, почти-что чудакъ. Вотъ нѣсколько странностей изъ его жизни. Имѣя квартиру въ самомъ академическомъ корпусѣ и отъ нее до класса проходя только по корридорамъ и лѣстницамъ, онъ въ лѣтнее время являлся на лекцію очень часто въ теплой шинели, калошахъ и теплой фуражкѣ. Напротивъ зимою, несмотря на то, что въ корридорахъ и галлереяхъ было также холодно, какъ и на дворѣ, нашъ оригиналъ прихаживалъ въ одномъ фракѣ, лѣтней шляпѣ и безъ калошъ. Однажды служитель замѣтилъ, что баринъ бросилъ свой новый фракъ въ печку, гдѣ уже разгорѣлись дрова и сказалъ: «что это, Степанъ Ивановичъ! зачѣмъ вы бросили фракъ въ печку; вѣдь онъ совсѣмъ новый»?—Новый-то новый, отвѣчалъ баринъ, да плохъ, вотъ я его и бросилъ въ печку.—«Да вы бы мнѣ его отдали?» — А почему я зналъ, что онъ тебѣ понравится; ты бы мнѣ напередъ сказалъ.—Еще родной его братъ, бывшій потомъ законоучителемъ университета, священникъ исакіевскаго собора, сталъ выговаривать ему за то, что онъ никогда къ нему не приходитъ. «Вѣдь тебя дома никогда не захватишь», сказалъ оригиналъ. — Да вотъ приходи въ первый день пасхи (разговоръ происходилъ на страстной недѣлѣ) къ обѣду; я буду дома, вмѣстѣ пообѣдаемъ. Наступила пасха; оригиналъ, въ самомъ началѣ утренней службы, отправился къ своему брату, и когда кухарка отперла ему дверь, спросилъ: «а что, братъ дома»?—По-

милуйте, Степанъ Ивановичъ, отвѣчала кухарка, да теперь всѣ въ церкви у заутрени. — «Ну вотъ, заговорилъ чудакъ, я вѣдь говорилъ, что его дома никогда не застанешь. Вѣдь вотъ звалъ обѣдать, а самъ ушелъ въ церковь.»—Сказавши это, отправился въ академію и, разумѣется, къ обѣду не явился.

Этотъ оригиналъ, можно сказать, посвятилъ всего себя математикѣ, избѣгалъ всякаго знакомства, выходилъ изъ академіи почти только для одной прогулки, и знать не хотѣлъ никакихъ другихъ книгъ, кромѣ математическихъ. Товарищи его по академіи говорили, что онъ, бывши студентомъ, почти вовсе не обращалъ вниманія на богословскія, философскія, словесныя и историческія науки, отчего и кончилъ курсъ подъ № 60-мъ младшимъ кандидатомъ, хотя имѣлъ очень бойкія способности, и вовсе не былъ лѣнтяемъ. Всѣ почти занятія его сосредоточились па математическихъ наукахъ. Преподаватель ихъ академикъ Гурьевъ считалъ его лучшимъ студентомъ по своему предмету и настоялъ, чтобы его оставили баккалавромъ въ академіи по математикѣ, несмотря на степень младшаго кандидата. Сдѣлавшись наставникомъ по математикѣ, Райковскій только ею одною и занимался; прочія науки для него не существовали; относительно даже общеизвѣстныхъ предметовъ ихъ онъ нерѣдко выказывалъ совершеннѣйшее невѣдѣніе. Естественно ожидать, что онъ, ничѣмъ не развлекаясь, вѣчно запятый своимъ предметомъ, узналъ его, какъ нельзя лучше; всѣ тогдашнія сочиненія математическія на русскомъ и французскомъ языкѣ были ему вполнѣ извѣстны. Особенно же онъ зналъ хорошо элементарную геометрію, дифференціальное и интегральное исчисленіе и механику. Учебникъ его по первой, долго бывшій руководствомъ въ семинаріяхъ, отличается ясностію, отчетливостію, простотою доказательствъ и самою строгою послѣдовательностію; при появленіи его на свѣтъ въ 1827 году, онъ едва ли не былъ лучшимъ классическимъ руководствомъ на русскомъ языкѣ по геометріи. Составленныя имъ краткія записки по плоской тригонометріи, дифференціальному исчисленію и механикѣ остались только въ рукописяхъ. Но въ физикѣ, которую ему пришлось читать въ классѣ уже въ послѣдніе два года его жизни, онъ, кажется, былъ не очень силенъ; опыты его часто не удавались.

Оригинальности или, лучше, странностей своихъ Райковскій не оставлялъ и въ преподаваніи математики. Напр., черпая доска какъ бы ни была чиста, онъ прежде всего непремѣнно вытиралъ ее губкою аккуратнѣйшимъ образомъ, потомъ не ипаче начипалъ лекцію, какъ держа въ правой рукѣ мѣлъ, а въ лѣвой губку, хотя въ нихъ иногда не оказывалось падобности полчаса и бо-

лѣс. Лекціи свои считалъ вполнѣ совершенными, и потому студенту ничѣмъ нельзя было такъ обидѣть его, какъ сказавши, что онъ не понимаетъ какого-либо доказательства. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ просили профессора повторить сказанное. Но и тутъ было именно только повтореніе; ни прибавки, ни убавки, ни новаго какого-либо пріема не допускалось. Это, сколько я зналъ покойника, вовсе нельзя было приписать его незнанію другихъ пріемовъ; тутъ замѣшивалась, можетъ быть, самолюбивая мысль, что избранное имъ доказательство и самая форма его есть верхъ совершенства. Самолюбіе его обнаруживалось еще тѣмъ, что онъ, сдѣлавши какую-либо ошибку, напр., поставивъ плюсъ вмѣсто минуса и обратно, не исправлялъ ее открыто, а украдкою какъ-нибудь.

Несмотря на всѣ странности и въ образѣ жизни, и въ преподаваніи, Райковскій былъ вполнѣ удовлетворительный профессоръ математики для духовной академіи, но ему пришлось кончить свою карьеру и жизнь несчастливо. Его сдѣлали чѣмъ-то въ родѣ секретаря и казначея при редакціи «Христіанскаго Чтенія». Въ 1827 и 1828-мъ г. открылось, что множество экземпляровъ этого журнала не было высылаемо подписчикамъ, хотя деньги получались съ почты Райковскимъ. Такихъ денегъ нашлось, кажется, не менѣе 6000 рублей асс. Конечно и Райковскаго нельзя вполнѣ оправдывать; впрочемъ, главнымъ виновникомъ былъ ректоръ и редакторъ Доброзраковъ, который распоряжался деньгами по редакціи, какъ ему хотѣлось, дѣлясь выгодами съ нѣкоторыми изъ вліятельныхъ наставниковъ и нисколько не удѣляя прочимъ сотрудникамъ. Но вся бѣда свалилась на Райковскаго! Его уволили отъ должности секретаря не только редакціи, но и академическаго правленія, и присудили удерживать наибольшую часть его жалованья для уплаты пропавшихъ денегъ. Взысканіе производилось очень строго, такъ что Райковскій даже не могъ имѣть у себя хорошаго стола и долженъ былъ часто довольствоваться кое-какою пищею изъ булочной и мелочной лавочки. Въ это-то время особенно и увеличились его странности. Между тѣмъ стѣсненныя обстоятельства не остались безъ вліянія на его здоровье; въ груди поселилась водяная, отъ которой онъ скоропостижно и умеръ въ 1855 г., приготовляя самъ себѣ обѣдъ на небольшомъ очагѣ, устроенномъ въ его квартирѣ.

Василій Ивановичъ Себржинскій, ординарный профессоръ физико-математическихъ наукъ, преподавалъ въ академіи алгебру, аналитическую геометрію, интегральное исчисленіе и физику. Для второй и третьей науки составленныя имъ записки не напечатаны, впрочемъ интегральное исчисленіе оставалось не со-

всѣмъ оконченнымъ, и не вполнѣ отдѣланнымъ, но аналитическая геометрія могла бы появиться и въ печати тѣмъ болѣе, что въ то время учебниковъ по этой наукѣ на русскомъ языкѣ было очень мало. Руководство же къ алгебрѣ въ первый разъ напечатано въ началѣ двадцатыхъ годовъ и оставалось учебникомъ въ семинаріяхъ почти до послѣдняго времени. Оно надѣлало много хлопотъ своему автору. Жена покойнаго академика Гурьева подала жалобу, въ которой доказывала, что Себржинскій слишкомъ уже воспользовался записками ея мужа. Заимствованія дѣйствительно были обширны, но заимствователь оправдался, доказавши, что и самъ Гурьевъ при составленіи своихъ записокъ очень многое взялъ у французскихъ алгебристовъ, которыми же и Себржинскій, по его объясненію, руководствовался, а не Гурьевымъ. Но все-таки Себржинскій, какъ профессоръ, нравился студентамъ гораздо болѣе, нежели Райковскій. Прежде всего онъ отличался добродушіемъ, привѣтливостію и вѣжливымъ обращеніемъ; грубости отъ него никто не испытывалъ. Если иногда онъ и бывалъ недоволенъ отвѣтами студентовъ, то тутъ высказывался не человѣкъ, осердившійся на другого, а профессоръ, которому больно было видѣть, что студентъ такъ мало внимателенъ къ его наукѣ. Потомъ въ немъ уже не замѣчалось никакого мелочного самолюбія или педантизма, которые такъ ярко выказывались въ Райковскомъ.

Одобряя вполнѣ Себржинскаго за его математическое преподаваніе, нельзя не упрекнуть его за преподаваніе физики. Ни своихъ записокъ, ни конспекта онъ не имѣлъ, а держался вполнѣ учебника Двигубскаго; такимъ образомъ студенты не слыхали ничего о новыхъ открытіяхъ по физикѣ, которыми такъ богаты были конецъ двадцатыхъ и начало тридцатыхъ годовъ. Далѣе, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, тогда нерѣдко встрѣчавшихся наставниковъ, которые думали, что физику можно читать безъ инструментовъ, не показывая ихъ на самомъ дѣлѣ, а рисуя на доскѣ, и разсказывая, какъ на этихъ воображаемыхъ инструментахъ производятся тѣ или другіе опыты; а потомъ къ концу трети или предъ экзаменомъ, какъ бы въ награду за терпѣніе, повести слушателей въ физическій кабинетъ и тамъ сдѣлать большее или меньшее количество опытовъ. Себржинскій къ сожалѣнію принадлежалъ къ числу такихъ преподавателей, которые, увы! и доселѣ еще не совсѣмъ перевелись. Гораздо болѣе полугода онъ читалъ лекціи по физикѣ, ссылаясь на воображаемые, имъ нарисованные на доскѣ инструменты. А потомъ уже послѣ настоятельныхъ требованій студентовъ приводилъ ихъ въ кабинетъ и тамъ дѣлалъ опыты надъ воздушнымъ насосомъ, элек-

трическою машиною, магнитами и пр., притомъ не научнымъ образомъ, а такъ, почти-что для забавы студентовъ. Никакъ не думаю, чтобы это происходило отъ нерадѣнія, или отъ неумѣнья обращаться съ инструментами. Себржинскій былъ усердный, дѣятельный и добросовѣстный человѣкъ; притомъ, какъ можно было судить по опытамъ въ кабинетѣ, онъ зналъ, какъ производить ихъ; но, кажется, боялся, какъ бы, часто перенося инструменты изъ кабинета въ классъ, не испортить, не разбить ихъ.

Ему, бѣдняку, академическая служба также не очень улыбалась. Онъ довольно рано женился, обзавелся небольшимъ семействомъ и при недостаточномъ жалованьи принужденъ былъ испытывать множество недостатковъ, хлопотъ и горя. Все это, равно какъ усиленныя занятія прежде по математикѣ, а потомъ по должности секретаря академическаго правленія и конференціи, разстроили и безъ того слабое его здоровье; чахотка довела его до могилы въ 1833-мъ году, когда ему было развѣ немного болѣе 45-ти лѣтъ.

Кромѣ четырехъ ветерановъ, о которыхъ я довольно подробно говорилъ, перебывало въ описываемое мною время многое множество наставниковъ, едва ли не болѣе 40-ка человѣкъ. О каждомъ изъ нихъ говорить, даже не очень подробно, нѣтъ возможности и надобности, тѣмъ болѣе, что относительно, можетъ быть, цѣлой половины характеризуемыхъ лицъ пришлось бы только сказать, что они не имѣли или времени, или талантовъ обнаружить замѣтное вліяніе на академію. Очень многіе появлялись прямо съ студентческой скамьи въ качествѣ баккалавровъ на годъ, на 2—4 года и потомъ оставляли академію. Другіе продолжали свою службу при ней очень долго, и успѣли оказать много пользы студентамъ въ научномъ отношеніи, но въ описываемое мною время только начинали дѣйствовать, подавали надежды, которыя оправдались уже послѣ. Поэтому я намѣренъ сказать здѣсь лишь о тѣхъ наставникахъ, которые успѣли зарекомендовать себя или съ хорошей, или съ дурной стороны и которые, какъ говорится, уже *отыдоша ко отцемъ нашимъ*.

Изъ *отшедшихъ ко отцемъ нашимъ* наставниковъ петербургской духовной академіи первое мѣсто по всѣмъ правамъ принадлежитъ Иннокентію Борисову, экстраординарному профессору богословскихъ наукъ. Дѣятельность его въ академіи была двоякая: административная въ званіи инспектора, и ученая въ качествѣ профессора.

Иннокентій Борисовъ, сознавая свои умственныя способности, нравственную энергію, сильное желаніе играть замѣтную роль въ обществѣ, не принадлежалъ, разумѣется, къ тѣмъ натурамъ,

которыя говорятъ и думаютъ о смиреніи, самоуниженіи, отреченіи *отъ почестей и благъ міра сего;* надобно прямо выразиться: онъ былъ честолюбивъ, самолюбивъ, терпѣть не могъ противорѣчій отъ своихъ подчиненныхъ. Обучаясь еще въ сѣвской семинаріи, онъ уже мечталъ о будущемъ своемъ величіи, о чемъ мнѣ удалось слышать отъ одного изъ его товарищей и друзей по сѣвской семинаріи, теперь священника въ Р—и, Ст. Ег. Р—го. Оба они, гуляя въ рощѣ близъ семинаріи, согласились между собою идти по одной дорогѣ. — «Куда же? спросилъ товарищъ и получивъ въ отвѣтъ: въ духовную академію, сказалъ: еще учиться?» — Такъ что же? учиться еще; за то дорога широка послѣ.— «Неужели же ты пойдешь въ монахи?» — Отчего нейти, отвѣчалъ молодой бурсакъ? Можетъ быть, Провидѣнію угодно будетъ поставить меня на такую высоту, о которой мы и не думаемъ.» — Такъ поговаривалъ сѣвскій семинаристъ.

Еще будучи студентомъ кіевской духовной академіи, онъ обратилъ на себя вниманіе начальства своими умственными способностями и свѣдѣніями. Слухъ объ этомъ дошелъ до Петербурга; тогдашняя коммиссія духовныхъ училищъ опредѣлила Борисова инспекторомъ петербургской семинаріи, и съ небольшимъ чрезъ годъ перевела баккалавромъ въ академію. Знаніе французскаго и нѣмецкаго языковъ и возможность въ Петербургѣ доставать иностранныя, даже запрещенныя книги, помогли Борисову познакомиться со всѣми замѣчательными учеными произведеніями нѣмецкой и французской литературъ. Въ этомъ отношеніи онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ узкихъ богослововъ нашихъ, которые къ другимъ предметамъ, кромѣ богословскихъ, боятся коснуться, какъ будто опасаясь отъ нихъ заразиться чѣмъ-нибудь. Борисовъ, разумѣется, занимался съ большимъ усердіемъ богословскою иностранною литературою; можно сказать, что онъ прочиталъ все, что тогда выходило замѣчательнаго въ ней, принадлежало-ль это тогдашнимъ раціоналистамъ и неологамъ, или защитникамъ католической и протестантской догмы. Но кромѣ того съ немепьшимъ, можетъ быть, усердіемъ онъ занимался философіей, исторіей, эстетикою, археологіей и пр. Если къ этому присоединить, что онъ тогда уже изучалъ сочиненія отцевъ церкви, а потомъ въ Кіевѣ еще болѣе увеличилъ свои свѣдѣнія по этой части, то, будь сказано не въ обиду почитателямъ покойнаго митрополита Филарета Дроздова, ученость Борисова была многостороннѣе, объемистѣе и современнѣе учености московскаго святителя. Послѣдній могъ удивлять всякаго только чрезвычайно обширнымъ знаніемъ богословія и сочиненій отцевъ церкви. Но на перваго съ удивленіемъ смо-

трѣли профессоры кіевскаго и харьковскаго университетовъ, приглашавшіеся къ нему на вечера для ученыхъ бесѣдъ большею частію о предметахъ всѣхъ почти, а не однихъ богословскихъ наукъ. Замѣчательно только, что Борисовъ и не зналъ, и не любилъ математическихъ, естественныхъ и физическихъ наукъ; про математику онъ говорилъ даже, что ею занимаются только люди съ ограниченнымъ умомъ Причину такого, надобно правду сказать, близорукаго отзыва слѣдуетъ отыскивать въ характерѣ Борисова. Увлекаясь господствовавшею тогда дедуктивною философіей, которая такъ любила до всего доходить *per conclusionem et seriem conclusionum* (при помощи умозаключенія и ряда умозаключеній), онъ и самъ сдѣлался теоретикомъ, дедуктивнымъ философомъ, готовымъ также все рѣшать *per conclusionem et seriem conclusionum*. Послѣ этого естественно, что онъ не могъ любить математики, которая своими формулами и неумолимо строгимъ анализомъ препятствуетъ разсудку уноситься *вдаль за облака* Равнымъ образомъ естественныя и физическія науки, въ которыхъ опытъ и наведеніе тоже не позволяютъ слишкомъ фантазировать, не могли понравиться молодому, пылкому уму Борисова, не желавшему сталкиваться съ какими-либо препятствіями, когда предстояла возможность рѣшить вопросъ дедуктивнымъ образомъ. Прибавьте къ этому большое самолюбіе и высокое мнѣніе о себѣ. Математики, естественныхъ и физическихъ наукъ *мы не знаемъ*, да *онѣ намъ и не по душѣ* Зачѣмъ же дать имъ почетное мѣсто въ умственномъ развитіи? иначе надобно будетъ сознаться, что *у насъ* есть недостатокъ въ знаніи очень важныхъ предметовъ. Почему же не рѣшить въ свою пользу, что математикою могутъ заниматься только люди съ ограниченнымъ умомъ? Такія мысли можно встрѣчать и нынѣ во многихъ особахъ нашего духовенства.

За всѣмъ тѣмъ въ головѣ Борисова былъ собранъ такой громадный запасъ разнороднѣйшихъ свѣдѣній, что онъ ими могъ заинтересовать самую взыскательную молодежь. Этому помогалъ полученный отъ природы и имъ самимъ усовершенствованный замѣчательный даръ слова На профессорской должности Борисовъ былъ не сухимъ теоретикомъ, тяжелымъ нѣмецкимъ гелертеромъ, но ораторомъ, который воодушевленъ и увлеченъ своимъ предметомъ, и умѣетъ также воодушевлять и увлекать имъ своихъ слушателей; рѣчь его была живымъ, дѣйствующимъ словомъ проникающимъ до мозговъ, расшевеливающимъ даже тупоумныхъ людей. Далѣе, лекціи его не походили на вѣнигретъ подобный тому, которымъ угощаютъ *говорунъ*-профессоры; онѣ были глубоко обдуманы и излагались въ строгой систематиче-

ской связи, которая позволяла студентамъ послѣ класса изложить ихъ на бумагѣ почти также, какъ говорилъ профессоръ.

Сначала въ академіи Борисовъ преподавалъ обличительное богословіе, потомъ ему поручили еще науку, называвшуюся тогда экклезіастикою. Несмотря на свою молодость и новость послѣдней науки, онъ составилъ по обѣимъ руководства. Но особенно проявилъ онъ свой профессорскій талантъ въ учебный $18^{29}/_{30}$ годъ, когда читалъ такъ-называемое фундаментальное или основное богословіе. Конечно нынѣ, чрезъ сорокъ лѣтъ лекціи Борисова уже не покажутся образцовыми, но въ 40 лѣтъ много воды утекло. Чтобы судить объ этихъ лекціяхъ, нужно возвратиться къ тогдашнему времени. За свѣдѣніями у Борисова не было остановки, но отъ него требовалась большая смѣлость, чтобы рѣшиться въ духовной академіи читать лекціи по богословію, которыя слишкомъ рѣзко отличались отъ того, какъ онѣ до тѣхъ поръ читались. Повторяю, нынѣ подобныя лекціи не удивятъ многихъ, но тогда онѣ были отважнымъ подвигомъ; особенно если взять во вниманіе, что профессоръ смѣло касался рационалистическихъ идей, конечно оцѣнивалъ и критиковалъ ихъ, какъ прилично наставнику духовной академіи, — но и не ратовалъ противъ нихъ, какъ фанатикъ. Студенты были увлечены этими лекціями, заслушивались ихъ и выходили изъ класса въ полномъ очарованіи отъ нихъ. Самъ профессоръ едвали имѣлъ болѣе счастливое время въ своей профессорской жизни для своей профессорской совѣсти, какъ то, о которомъ говорю.

Приверженцы старины и защитники нашей неподвижности давно уже подозрѣвали Борисова въ неправославіи и вольнодумствѣ. Ему было-угрожала нешуточная опасность еще въ 1827-мъ г., при окончаніи VII-го академическаго курса. По существовавшему порядку, диссертаціи, написанныя студентами для полученія ученыхъ степеней, были представлены въ коммиссію духовныхъ училищъ и тамъ отданы для прочтенія тогдашнему рязанскому архіепископу Филарету Амфитеатрову, бывшему послѣ кіевскимъ митрополитомъ. Этотъ архипастырь нашелъ въ двухъ диссертаціяхъ неправославныя мысли, состоявшія въ намекахъ на то, что язычникамъ, которые жили на бѣломъ свѣтѣ добродѣтельно, не придется всю вѣчность мучиться въ аду. Амфитеатровъ такъ былъ возмущенъ этимъ «богопротивнымъ и ужаснымъ намекомъ», что, какъ тогда говорили, пріѣхавши въ засѣданіе коммиссіи духовныхъ училищъ, всталъ на колѣни и именемъ Божіимъ просилъ членовъ ея остановить распространяющееся въ петербургской академіи нечестіе. Виновникомъ этого нечестія считали Борисова. Но тогдашній ректоръ Доброзра-

ковъ умѣлъ успокоить поднявшуюся бурю, дѣйствуя преимущественно на митрополита Серафима. Съ того времени слава Борисова, какъ ученаго богослова и отличнаго профессора, росла и росла болѣе и болѣе, а случаевъ къ новымъ обвиненіямъ въ неправославіи не представлялось. И потому, когда лѣтомъ 1830-го года ректора Доброзракова назначили пензенскимъ епископомъ, то Борисовъ считался непремѣннымъ его преемникомъ, въ чемъ былъ и самъ вполнѣ увѣренъ. Только между имъ и Доброзраковымъ было разногласіе относительно того, кому быть инспекторомъ академіи; ему хотѣлось опредѣлить на это мѣсто инспектора тверской семинаріи Іосифа Позднышева, уже прежде бывшаго баккалавромъ въ академіи, а Доброзраковъ, не любившій Позднышева, рекомендовалъ инспектора костромской семинаріи Никодима. Борисовъ долженъ былъ по окончаніи академическихъ экзаменовъ отправиться на ревизію, кажется, въ петрозаводскую и архангельскую семинаріи, но предъ своимъ отъѣздомъ тайкомъ отъ Доброзракова такъ обдѣлалъ дѣло объ академической инспекціи, что ее рѣшились предоставить Позднышеву. Доброзраковъ, обидѣвшись этимъ, умѣлъ съ своей стороны доказать митрополиту Серафиму и другимъ вліятельнымъ членамъ коммиссіи духовныхъ училищъ, что ректоромъ петербургской академіи лучше сдѣлать тогдашняго ректора кіевской, Смарагда Крыжановскаго, а на мѣсто его послать Борисова. Послѣдній, возвратившись съ ревизіи, нашелъ уже дѣло непоправимымъ.

Но по однимъ слухамъ нельзя было окончательно осудить Борисова; требовались письменные документы, которыми можно было бы доказать неправомысліе его; за это взялся московскій митрополитъ Филаретъ Дроздовъ. Ему удалось достать тѣ лекціи Борисова по фундаментальному богословію, которыя онъ говорилъ въ $18^{29}/_{30}$ г., въ петербургской академіи, и которыя студенты записывали и составили. Теперь оставалось найти доказательство, что онѣ дѣйствительно были говорены Борисовымъ; тутъ Филаретъ Дроздовъ нашелъ себѣ помощниковъ въ ректорѣ петербургской академіи Виталіѣ Щепетевѣ и баккалаврѣ іеромонахѣ Климентѣ Можаровѣ. Разскажу объ этомъ дѣлѣ такъ, какъ мнѣ говорилъ Можаровъ: «Однажды часу въ пятомъ призвалъ меня къ себѣ ректоръ (Щепетевъ) и спросилъ, не хочешь ли со мною прогуляться? Я, разумѣется, согласился. Мы поѣхали въ городъ; ректоръ мнѣ ничего не говорилъ во всю дорогу. Замѣтивши, что лошади съ Невскаго проспекта поворотили въ Троицкій переулокъ, я спросилъ ректора: куда это мы ѣдемъ? Ужъ не къ преосвященному ли ми-

трополиту? и получилъ въ отвѣтъ: мнѣ нужно заѣхать на подворье. Вскорѣ мы дѣйствительно пріѣхали и пошли въ комнаты митрополита. Ректоръ, оставляя меня въ залѣ, сказалъ: подожди здѣсь; а самъ ушелъ къ митрополиту. Чрезъ нѣсколько времени и меня туда же потребовали. Вхожу; владыка, благословивъ меня, велѣлъ мнѣ сѣсть на кресло близъ стола, гдѣ онъ самъ сидѣлъ. «Посмотри-ка вотъ эти тетради, сказалъ онъ, подвигая ихъ ко мнѣ, да почитай повнимательнѣе; не знакомы ли онѣ тебѣ?» Я началъ читать и скоро увидѣлъ, что это лекціи Иннокентія (Борисова) по фундаментальному богословію, перелистывалъ, читалъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ и наконецъ остановился. «Ну, вновь началъ митрополитъ, говори по совѣсти, да не лги; что̀ это такое?» Что мнѣ было дѣлать? продолжалъ Можаровъ: не сказать правды бѣда, меня могли задавить; я и сказалъ: это лекціи Иннокентія, бывшаго инспектора нашей академіи. — «Такъ напиши-ка то, что̀ говоришь». Разумѣется, я написалъ; вѣдь нельзя было не написать, иначе бѣда бы».

Не знаю, въ синодъ ли, или въ коммиссію духовныхъ училищъ, притомъ оффиціальнымъ ли образомъ при бумагѣ, или только при словесномъ донесеніи тетради были представлены, какъ лекціи Борисова съ указаніями на неправославныя, встрѣчавшіяся въ нихъ мнѣнія. Отъ Борисова потребовали объясненія; но и онъ тоже, подобно Можарову, боялся бѣды и нашелъ за лучшее сказать, что это не его лекціи; даже будто бы назвалъ ихъ глупыми.

И прежде этого событія Борисовъ понималъ, особенно же послѣ него вполнѣ убѣдился, что въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ профессору-монаху своими лекціями, хоть съ нѣкоторымъ либеральнымъ оттѣнкомъ, можно не отличиться, а скорѣе нажить бѣду. И потому онъ въ Кіевѣ пошелъ по новой дорогѣ, началъ часто говорить проповѣди; конечно, онѣ многимъ понравились, прежде расходились и теперь расходятся еще по Руси, но нельзя не сказать, что Борисовъ ими далеко не принесъ той пользы, которую бы принесли его лекціи. Еслибы онъ пробылъ на профессорской каѳедрѣ 25 — 30 лѣтъ и, ничѣмъ не стѣсняясь, постоянно улучшался, то сколькихъ бы онъ приготовилъ отличныхъ и очень хорошихъ профессоровъ? Какъ бы хорошо было, еслибы, по прибытіи Борисова въ столицу, какой-либо добрый человѣкъ посовѣтовалъ ему искать себѣ занятія въ университетѣ! Къ несчастію впрочемъ, и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія свирѣпствовали тогда Шишковы, Магницкіе и Руничи.

Не упоминая о другихъ профессорахъ богословія, перейдемъ теперь къ преподаванію философіи.

Философія преподается въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ давнымъ-давно; даже въ концѣ XVII-го столѣтія въ кіево-могилянской академіи читалась не только логика, но и метафизика; потомъ почти до самыхъ новыхъ временъ философія или ея обломки: логика и психологія, считались послѣ богословія важнѣйшими предметами. Между тѣмъ большая часть монашествующаго ученаго духовенства видѣла въ ней опаснаго врага для религіи и замѣчательныхъ, изъ ряду выдающихся наставниковъ ея заподозривали въ вольнодумствѣ. Даже снисходительные къ пей наши богословы, за немногими исключеніями, полагали, что она должна быть для ихъ науки только *служанкою* (это названіе я самъ слышалъ на лекціи одного изъ лучшихъ моихъ наставниковъ-монаховъ). Описываемое мною время было очень неблагопріятно для этой «служанки». Въ концѣ царствованія Александра I-го реакція противъ просвѣщенія отразилась и на духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Несмотря на свою ученую знаменитость, тогдашній кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ, вызванный для засѣданій въ синодѣ, дѣйствовалъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Серафимомъ въ ретроградномъ духѣ. Они рѣшились-было уничтожить ученыя степени въ духовныхъ академіяхъ и, можетъ быть, успѣли бы въ томъ, если бы не встрѣтили себѣ умнаго и дѣятельнаго противника въ тогдашнемъ ректорѣ петербургской духовной академіи Григоріѣ Постниковѣ. Послѣдній, узнавши о намѣреніи митрополитовъ, собралъ болѣе дѣльныя задачи оканчивавшихъ тогда курсъ студентовъ VI-го курса, принялъ на себя трудъ и уговорилъ наставниковъ академіи исправить эти задачи и представилъ ихъ, какъ доказательство того, что студенты вполнѣ заслуживаютъ ученыя степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему же пришлось выдержать борьбу во время публичнаго экзамена въ 1825-мъ году съ митрополитами, которые старались конфузить студентовъ. Несмотря на все это, ни одинъ изъ студентовъ VI-го курса петербургской и II-го кіевской академіи не получилъ тотчасъ степени магистра; — она была дана имъ уже чрезъ два года.

Реакціонеры напали преимущественно на философію, запретивъ наставникамъ преподавать ее по своимъ запискамъ, и назначивъ для руководства въ семинаріяхъ Баумейстера, а въ академіяхъ Винклера. По моему мнѣнію, это было хуже, нежели еслибъ вовсе было уничтожено преподаваніе философіи. Въ послѣднемъ случаѣ воспитанники только что не знали бы, о чемъ говорить эта наука, тогда какъ Баумейстеръ и Винклеръ

пробуждали отвращеніе къ ней. Мало-по-малу наставники стали опять составлять свои записки, или пользоваться уже составленными; само начальство въ этомъ отношеніи не показывало себя очень придирчивымъ — такъ была ясна пустота философіи Баумейстера и Винклера. Но все-таки наставники должны были не забывать, что если они станутъ въ своихъ письменныхъ и устныхъ урокахъ высказывать что-либо новое и особенно увлекать своею новизною воспитанниковъ, то имъ грозитъ опасность. Въ подтвержденіе моихъ словъ укажу на примѣръ, случившійся въ петербургской духовной академіи въ 1833-мъ году. Бывшій тогда баккалавръ философіи выдавалъ свои лекціи на русскомъ языкѣ, —неслыханная дотолѣ новость въ академіи. Лекціи отличались также новостью своего содержанія; наставникъ шелъ не по пробитой колеѣ, а проводилъ въ нихъ свой взглядъ на философію. Главное же преступленіе его состояло въ томъ, что онъ, будучи самъ искреннимъ поклонникомъ философіи, съ воодушевленіемъ излагалъ свои лекціи и пробуждалъ во многихъ студентахъ стремленіе къ философствованію. Еще задолго до окончательнаго экзамена носились слухи о томъ, что эти лекціи не нравятся якобы за свое вольнодумство начальству, которое впрочемъ въ теченіи всего двухгодичнаго курса ни разу не было на нихъ въ классѣ. Но, можетъ быть, бѣды бы никакой не случилось, если бы ревизоромъ въ академію не былъ назначенъ новый тогдашній оберъ-священникъ арміи и флота Кутневичъ, слывшій и самъ себя считавшій философомъ, кажется, только потому, что онъ лѣтъ 10-ть былъ профессоромъ философіи въ московской духовной академіи, но не оставилъ рѣшительно никакихъ печатныхъ проявленій своего философствованія. Еще во время такъ-называемыхъ частныхъ испытаній онъ выражалъ свое философское и ревизорское негодованіе на разныя, якобы неправославныя, или антифилософскія мысли, заключавшіяся въ лекціяхъ; ему вторилъ ректоръ Венедиктъ Григоровичъ, который даже и въ семинаріяхъ не читалъ философіи; за то только-что произведенный въ санъ епископа, онъ вѣроятно, полагалъ, что *божіею милостію* можетъ рѣшать безъ апелляцій всякіе вопросы, даже философскіе. Но главную атаку они оба отложили до публичнаго экзамена. Для него назначены были два дня; во второй изъ нихъ слѣдовало произвести испытаніе по философіи. Случайно или намѣренно митрополитъ Серафимъ не пріѣхалъ въ этотъ день къ самому началу экзамена, который прямо по философіи и начали производить Кутневичъ и Григоровичъ. Надобно полагать, что оба эти *философа* заранѣе положили *добить, дорѣзать* наставника. Спрашиваемые студенты почти

что ничего не читали; едва они произносили нѣсколько словъ, какъ у двухъ философовъ, сидѣвшихъ за столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, тотчасъ же появлялись возраженія, которыя впрочемъ обращались не къ студенту, а къ наставнику. Этотъ защищалъ свои уроки съ достоинствомъ, ясно, сдержанно, безъ всякой запальчивости. Возражатели, думавшіе на первыхъ же словахъ *доръзать*, *добить* его, но встрѣтивъ благородную и умную защиту, разгорячились; уже не возражали, а безобразно кричали, часто оба вдругъ, не слушая ни студентовъ, ни наставниковъ. Сцена была отвратительная; забыты всѣ приличія, соблюдаемыя при ученыхъ спорахъ, и трудно было рѣшить, чѣмъ бы все кончилось, еслибы не пріѣхалъ на экзаменъ митрополитъ Серафимъ. Философію отодвинули въ сторону, начались экзамены по другимъ предметамъ. Но результаты *философской борьбы* этимъ не кончились; наставникъ съ философской каѳедры переведенъ былъ на одинъ изъ языковъ, а потомъ чрезъ два года безъ прошенія уволенъ вовсе изъ академіи. Ему не только не помогло, но даже повредило изданное имъ «сочиненіе» подъ названіемъ: «Введеніе въ философію». Оно было удостоено академіею наукъ, кажется, половинной демидовской преміи. Но духовному начальству и это не понравилось. Прежде всего автору поставили въ вину то обстоятельство, почему онъ — священникъ — осмѣлился напечатать свое сочиненіе съ дозволенія свѣтской, а не духовной цензуры. Потомъ былъ составленъ для разсмотрѣнія сочиненія комитетъ изъ тогдашняго викарія петербургскаго Венедикта Григоровича и, къ сожалѣнію, изъ профессора академіи Карпова. Оффиціальнаго отзыва этого комитета я не читалъ, но отзывъ былъ неблагопріятный; автора уличали по обыкновенію въ неправославіи и т. п. Результатомъ было то, что авторъ долго, долго, долго оставался забытымъ, пока петербургскій университетъ не отыскалъ его для занятія философской каѳедры у себя.

Послѣ этого, понятно, какое самоотверженіе нужно было имѣть профессору академіи, чтобы читать философію въ новомъ, оригинальномъ и современномъ духѣ.

Въ началѣ описываемаго мною времени преподавалъ философію въ академіи Родіонъ Яковлевичъ Вѣтринскій. За нѣсколько лѣтъ до того онъ издалъ на латинскомъ языкѣ свои лекціи, изъ которыхъ заимствовали матеріалъ для своихъ записокъ семинарскіе «философы». Сочиненіе конечно далеко не оригинальное; но все-таки доказывало въ авторѣ любовь къ своей наукѣ и желаніе заявить чѣмъ-либо полезнымъ свою профессорскую дѣятельность, а не проводить время въ буддійскомъ покоѣ. Но прослу-

живши въ академіи лѣтъ десять, убѣдившись, что въ ней только монашествующимъ все идетъ во благое, что философія здѣсь не можетъ быть самостоятельной наукой, а должна отправлять роль *служанки* богословія, вынужденный потомъ читать лекціи по Винклеру, Вѣтринскій почувствовалъ какую-то апатію и не скрывалъ ея. Въ классѣ онъ слишкомъ небрежировалъ своими лекціями. Пришедши въ него, онъ часто подходилъ къ окну, изъ котораго видна была шлиссельбургская дорога, стоялъ предъ нимъ по нѣскольку минутъ, молча посматривая на нее, а иногда постоявши, оборачивался къ студентамъ и предлагалъ имъ вопросы, въ родѣ слѣдующаго: «а кто изъ васъ, господа, костромичи?» И когда костромичи сказывались, то онъ опять съ прежнимъ серьезнымъ, такъ сказать, философскимъ тономъ говорилъ: «вонъ ваши земляки ѣдутъ, везутъ масло или грибы и т. п.» Наконецъ, наскучивъ и себѣ, и студентамъ, онъ перешелъ въ свѣтское вѣдомство.

Преемникомъ его былъ Андрей Степановичъ Красносельскій. Если бы этотъ человѣкъ подолѣе послужилъ въ академіи, то изъ него могъ бы выдти очень замѣчательный профессоръ философіи. Онъ чрезвычайно любилъ заниматься ею; знаніе нѣмецкаго языка дало ему возможность основательно ознакомиться съ замѣчательными произведеніями тогдашней нѣмецкой философской литературы. Читая исторію философіи, онъ умѣлъ не только дѣльно изложить систему того или другого философа, но и объясняя ее, ознакомить студентовъ съ современными философскими мнѣніями. Владѣя хорошимъ даромъ слова, преподавая свою науку съ воодушевленіемъ любителя ея, смѣло высказывая либеральныя идеи, онъ увлекалъ слушателей своими лекціями. Особенно же интересовала студентовъ та часть ихъ, гдѣ онъ съ безпристрастіемъ ученаго разсматривалъ философію отцевъ церкви. Къ счастію безпечность ректора Доброзракова давала Красносельскому возможность не стѣсняться въ классѣ опасеніями быть обвиненнымъ въ либерализмѣ. Но усиленныя занятія разстроили его здоровье; на шестомъ году академической службы появилась у него чахотка, которая скоро довела его до могилы.

За нимъ профессоромъ философіи въ академіи былъ родной его братъ, только по фамиліи не Красносельскій, а Вершинскій, Дмитрій. По своимъ умственнымъ способностямъ онъ едва ли не былъ выше своего брата; относительно любви къ наукѣ и свѣдѣній въ ней развѣ немного стоялъ ниже его. Въ непродолжительную свою службу въ академіи онъ перевелъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ небольшую исторію философскихъ системъ

Аста и объемистую логику Бахмана, изъ которой наши доморощенные философы долго дѣлали выписки для своихъ руководствъ по логикѣ. Несмотря на все это, нельзя не сказать, что Вершинскій весьма не нравился студентамъ своими лекціями. Зная его коротко, можно было по неволѣ дойти до мысли, что онъ едвали не съ памѣреніемъ плохо читалъ лекціи. Напр., студентамъ десятаго курса онъ преподавалъ логику по Бахману, которой переводъ былъ имъ уже оконченъ и исправленъ. Кажется, по готовымъ тетрадямъ можно было по крайней мѣрѣ читать, не нагоняя скуки и сна на слушателей, тѣмъ болѣе, что профессоръ имѣлъ хорошій даръ слова. Но онъ между тѣмъ читалъ невыносимо скучно, монотонно, растянуто, останавливаясь, какъ будто надъ чѣмъ задумывался Когда потомъ ему поручили исторію философскихъ системъ, то онъ приносилъ въ классъ одинъ изъ томовъ Бруккеровой исторіи философіи, — томы эти у студентовъ назывались *красными книгами* за красный цвѣтъ ихъ переплета. Красная книга раскрывалась, профессоръ начиналъ читать латинскій текстъ ея съ убійственною монотонностію, съ невыносимою апатіею, безъ всякаго, повидимому, участія, только чтобы прочитано было. Если встрѣчались греческія цитаты, то и онѣ передавались буквально. Студентамъ опротивѣли подобныя лекціи. Кто-то изъ нихъ написалъ пасквиль на Вершинскаго и вывѣсилъ его въ одномъ изъ корридоровъ академіи. Профессоръ читалъ тогда объ Александрійской школѣ, изложилъ уже по красной книгѣ ученіе Плотина и немного коснулся Ямвлиха и Порфирія. Узнавши о пасквилѣ, онъ въ слѣдующую за тѣмъ лекцію приходитъ безъ красной книги, съ краткимъ конспектомъ и начинаетъ продолжать по-русски говорить о Ямвлихѣ, Порфиріѣ и прочихъ послѣдователяхъ Плотина. Точно такимъ же образомъ сказалъ двѣ лекціи о схоластической философіи; говорилъ не съ особеннымъ воодушевленіемъ, но ясно, просто, основательно; студенты обрадовались такой перемѣнѣ. Послѣ 3 — 4 лекцій красная книга опять появилась, или замѣнялась рукописными тетрадями на латинскомъ тоже языкѣ. Профессоръ какъ будто бы хотѣлъ доказать, что онъ можетъ говорить очень хорошо и очень хорошія лекціи на русскомъ языкѣ, но не можетъ, или не хочетъ этого дѣлать по какимъ-то секретнымъ соображеніямъ. Въ слѣдующемъ курсѣ онъ нерѣдко читывалъ свою красную книгу или тетради, сидя бокомъ къ студентамъ. Подозрѣвать его въ лѣности нельзя; онъ велъ вполнѣ ученую, кабинетную, трезвую жизнь, почти ни съ кѣмъ не былъ знакомъ, никуда не ходилъ. Недостатка въ дарѣ слова и въ свѣдѣніяхъ не имѣлъ. Поэтому, повторю высказан-

ное мною выше мнѣніе, не нарочно ли онъ небрежно читалъ свои философскія лекціи, чтобы избѣгнуть обвиненія въ вольнодумствѣ. Впрочемъ, не прослуживъ десяти лѣтъ при академіи, онъ уѣхалъ въ Парижъ протоіереемъ при тамошнемъ нашемъ посольствѣ.

Вершинскому наслѣдовалъ, по званію профессора философіи, Василій Николаевичъ Карповъ, переводчикъ разговоровъ Платона и авторъ логики. Вызванный изъ баккалавровъ кіевской академіи въ петербургскую еще прежде того за два года, онъ читалъ уже философію. Въ метафизикѣ его любимою мыслью была, употребимъ его выраженіе, *жизнь природы*. Конечно, его система не отличалась особенною оригинальностію, имѣла много недостатковъ, подобно всѣмъ философскимъ системамъ, составлявшимся въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ; но должно прибавить, что онъ въ то время своими лекціями, которымъ любилъ придавать воодушевленіе, сильно затрогивалъ и увлекалъ почти всѣхъ студентовъ, пробуждалъ въ нихъ охоту мыслить. Чего же больше? Кромѣ того онъ былъ человѣкъ религіозный и всячески старался не расходиться съ православіемъ, но это не избавило его отъ непріятностей, даже отъ временныхъ гоненій и притѣсненій. Ректоръ Виталій Щепетевъ самъ вызвалъ его изъ Кіева въ Петербургъ, самъ же колебался сдѣлать его профессоромъ философіи на мѣсто Вершинскаго, и можетъ быть, не сдѣлалъ бы, еслибы Филаретъ Дроздовъ случайно не вступился за Карпова. Послѣдній къ публичному экзамену 1835 г. назначилъ изъ своихъ лекцій статью, въ которой между прочимъ разсуждалось объ отношеніи между религіей и философіей; на эту статью и Серафимъ и Филаретъ обратили вниманіе, зная, что авторъ ея ждетъ отъ нея пособія для запятія профессорской каѳедры. Начался экзаменъ по философіи, спросили двухъ-трехъ студентовъ; Серафимъ, не будучи любителямъ ея и, вѣроятно, предубѣжденный ректоромъ не въ пользу наставника, слушалъ, но, какъ оказалось, не очень хорошо понималъ читаемое; можетъ быть, этому помогало и то, что статья, написанная на латинскомъ языкѣ, и по содержавшимся въ ней мыслямъ не отличалась яспостію. Наскучивъ ею, Серафимъ наклонился къ Дроздову и сказалъ ему: «у насъ въ Смоленскѣ (онъ прежде былъ тамъ епископомъ) это называли *ермолафіей*». Дроздовъ, желая ли вступиться за наставника, которому грозила опасность не получить профессуры, или думая только попротиворѣчить Серафиму, обратился къ Карпову съ вопросами и возраженіями. Начались довольно продолжительныя объясненія, которыя окончилъ Филаретъ слѣдующими словами: «такъ ваша философія

ведетъ разумъ къ религіи?»—и получивъ въ отвѣтъ: Такъ точно, ваше в-во,—прибавилъ: «Вотъ это прекрасно, благодаримъ васъ». Противъ профессуры такимъ образомъ уже нельзя было возражать. Самъ Серафимъ, когда на слѣдующій день академическіе наставники пришли благодарить его за посѣщеніе, сказалъ Карпову: «Вамъ спасибо за вашу философію; она ведетъ къ религіи». О ермолафіи же ни слова. Карповъ былъ утвержденъ и долго оставался профессоромъ. Но ему пришлось много вытерпѣть за свою философію. Притѣсненія, которымъ онъ подвергался, не относятся къ описываемому мною времени, и потому, оставляя философію, обращаюсь къ словесности.

Словесность почти во все описываемое мною время преподавали два священника: Ксенофонтъ Ивановичъ Делекторскій и Иванъ Ивановичъ Ивановъ; первый читалъ общую словесность, а второй церковное краснорѣчіе, или, какъ его теперь называютъ, гомилетику.

Для надлежащей оцѣнки Делекторскаго нужно помнить, что въ тогдашнія времена въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ господствовалъ свой *семинарскій* слогъ. Главныя его качества состояли въ такъ-называемомъ тогдашнемъ *краснорѣчіи*, т.-е. въ употребленіи тропическихъ выраженій, фигуральныхъ оборотовъ, славянскихъ словъ, заимствованныхъ изъ библіи и церковныхъ книгъ. Потомъ слова въ періодахъ располагались по образцамъ латинскаго языка, въ которомъ, напр., глаголы ставятся въ концѣ предложеній; наконецъ, говорить просто и ясно считалось неприличнымъ для ученыхъ людей; что же за ученое сочиненіе, когда въ немъ не надъ чѣмъ *голову ломать!* Образцомъ для всего этого служили тѣ проповѣди, которыя Филаретъ Дроздовъ говорилъ, будучи еще ректоромъ академіи. О настоящей русской рѣчи слишкомъ мало заботились. Пушкина читать могли ученики только украдкою; исторію Карамзина конечно рекомендовали, но его «Марьину рощу», «Марѳу Посадницу» и пр. считали еще опасными. Напротивъ, образцами для подражанія были сочиненія Ломоносова, Державина, Озерова, Хераскова и пр.

Делекторскій, несмотря на свою священническую рясу, составлялъ счастливое исключеніе изъ тогдашнихъ наставниковъ словесности по духовно-учебному вѣдомству. Преподаваніе имъ словесности въ академіи можно разсматривать съ двухъ сторонъ: съ теоретической и практической. Теоріей онъ не любилъ заниматься, да и не очень былъ силенъ въ ней; изданная имъ брошюрка въ изящномъ не заслуживала и не обратила на себя вниманія. Впрочемъ, въ первую треть двухгодичнаго курса лекціи его объ изящномъ и высокомъ очень нравились студентамъ,

потому что они въ семинарскихъ урокахъ, кромѣ сухого схоластическаго переченя разнообразныхъ прозаическихъ и стихотворныхъ родовъ сочиненій, ничего не слыхали. Но не будучи почитателемъ теоріи, Делекторскій обращалъ особенное вниманіе на критическій разборъ сочиненій по всѣмъ родамъ словесности и поэзіи. Такъ, напр., изложивъ понятіе о героической поэзіи, онъ критически разбиралъ Иліаду Гомера, Энеиду Виргилія, Освобожденный Іерусалимъ Тасса, Потерянный Рай Мильтона, Мессіаду Клопштока, даже нашу Россіаду Хераскова, прочитывая множество отрывковъ изъ нихъ, указывая на совершенство и недостатки ихъ; и такимъ образомъ знакомилъ студентовъ съ замѣчательными произведеніями латинской, греческой и другихъ литературъ.

Что же касается до русской литературы, то развѣ немногіе соотечественные писатели, начиная съ Ѳеофана Прокоповича, Кантемира и Третьяковскаго, до Жуковскаго, Карамзина и Пушкина, не подвергались критическому разбору на лекціяхъ Делекторскаго. Въ сужденіяхъ своихъ о нихъ онъ конечно касался и внутренняго содержанія ихъ сочиненій, но главное вниманіе обращалъ на слогъ, и тутъ являлся неумолимымъ гонителемъ такъ-называемаго высокаго, напыщеннаго слога. Не Ломоносовъ, не Державинъ и Херасковъ, а Жуковскій и Пушкинъ были имъ рекомендованы, какъ образцы для подражанія. Проповѣди Филарета Дроздова подвергались неумолимой критикѣ, тѣмъ болѣе, что очень многіе студенты, особенно при началѣ академическаго курса, ими слишкомъ увлекались. Въ горячихъ спорахъ, которые часто происходили въ такихъ случаяхъ, Делекторскій забывалъ о своей личной безопасности, называя слогъ проповѣдей этого *знаменитаго духовнаго витіи* школярнымъ, надутымъ, ребяческимъ.

Если Делекторскій такъ смѣло и безпощадно отзывался о знаменитостяхъ, то онъ еще менѣе церемонился съ задачками студентовъ и неумолимо преслѣдовалъ *семинарскій слогъ* съ его славянщиною и реторикою. Соблюдая инкогнито автора, онъ съ большею или меньшею подробностію критически разбиралъ въ классѣ студентческія сочиненія, особенно тѣ, которые были или очень хороши, или очень дурны. Критиковалъ онъ безпощадно и этимъ возбуждалъ часто сильное негодованіе студентовъ, особенно въ началѣ курса. Но мало-по-малу студенты съ развитіемъ литературнаго вкуса понимали пользу, которую доставлялъ имъ наставникъ своею критикою. Безъ всякаго пристрастія надобно сказать, что Делекторскій не увлекалъ студентовъ какими-либо глубокими взглядами на свою науку, не знакомилъ

ихъ съ тѣми теоріями изящнаго, которыми тогда такъ обиловала особенно нѣмецкая литература, избѣгалъ философскихъ пріемовъ, къ которымъ такъ тогда были почти всѣ расположены, и этимъ не нравился студентамъ. Но онъ былъ одинъ изъ тѣхъ наставниковъ, которые имъ наиболѣе принесли пользы, отучая ихъ отъ глупаго, напыщеннаго семинарскаго слога и развивая литературный вкусъ. Его бы надобно удерживать и даже упрашивать оставаться въ академіи. Между тѣмъ, въ 1835-мъ году, безъ всякаго прошенія и притомъ безъ всякой уважительной причины уволили его. Ректоръ Щепетевъ въ этомъ отношеніи поступилъ недобросовѣстно, желая подслужиться своему патрону, который зналъ, что Делекторскій осмѣливается на лекціяхъ дѣлать вовсе нелестные отзывы о его проповѣдяхъ.

О профессорѣ церковнаго краснорѣчія Ивановѣ не стóитъ и говорить много. Онъ воображалъ, что церковнымъ ораторомъ можно сдѣлать студента посредствомъ теоріи, изложивши съ возможною подробностію предметъ церковныхъ поученій, ихъ формы, правила для составленія ихъ и пр. и пр. Его рукописныя лекціи, не шутя, можно назвать сводомъ законовъ по церковному краснорѣчію. Но пункты законовъ до такой степени нерѣдко были мелочно-подробны, такъ часто многіе изъ нихъ походили другъ на друга, излагались въ такой утомительной формѣ, что ихъ запомнить и заучить не было возможности; а главное, выучивши ихъ, все-таки не сдѣлаешься даже посредственнымъ проповѣдникомъ. Особенно же онѣ отличались дѣленіями и подраздѣленіями, для обозначенія которыхъ нужно было употреблять цифры, буквы латинскаго, русскаго и греческаго алфавитовъ; случалось, что всего этого недоставало; тогда авторъ прибѣгалъ къ удвоенію буквъ и пр.

И этого профессора держали въ академіи болѣе 20-ти лѣтъ. Но вѣдь онъ былъ человѣкъ смирный, покорный, давалъ въ годъ раза два-три отличные обѣды, на которые приглашалось академическое начальство, и доставлялъ очень много переводовъ изъ сочиненій отцевъ церкви для «Христіанскаго Чтенія»; ректорамъ не хотѣлось разстаться съ такою драгоцѣнностію. И потомъ когда стали говорить, что безсовѣстно оставлять такого человѣка профессоромъ въ академіи по церковному краснорѣчію, то Щепетевъ предложилъ ему перейти на еврейскій языкъ, полагая, что онъ откажется отъ этого. Но Ивановъ тутъ показалъ храбрость; онъ сталъ мучить студентовъ уже не по-русски, а по-еврейски. Не появись нѣкто крещеный еврей Левисонъ, которому покровительствовала покойная Татьяна Борисовна Потемкина, и не будь нужно мѣсто профессора еврейскаго

языка для этого господина, Ивановъ, по всей вѣроятности, еще бы остался при академіи лѣтъ на десять.

Отъ профессоровъ и баккалавровъ, какъ представителей науки, перейдемъ къ студентамъ, какъ питомцамъ ея, собраннымъ со всѣхъ концовъ Россіи для того, чтобы, напитавшись ею въ академіи, разнести ее потомъ по семинаріямъ для приготовленія пастырей *словеснаго стада*, состоявшаго и тогда почти изъ 50-ти милліоновъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Но изъ сказаннаго мною видно, что поставщики умственной пищи въ академіи представляли какую-то странную смѣсь; одни изъ нихъ предлагали своимъ слушателямъ самую питательную, здоровую пищу, а другіе нѣчто въ родѣ булыжника или кирпича, истертаго въ порошокъ. Посмотримъ, какъ этотъ разнообразный винегретъ дѣйствовалъ на умственный организмъ студентовъ.

Студенты низшаго отдѣленія въ началѣ своей академической жизни даже не представляли себѣ возможности опускать классы. Получивши еще въ семинаріяхъ убѣжденіе, что въ академіи можно *проникнуть въ самую глубину премудрости*, по пріѣздѣ въ нее слыша отъ земляковъ и неземляковъ, своихъ предшественниковъ, что нужно вести себя какъ можно осторожнѣе, *ни въ чѣмъ не попадаться инспектору*, — молодые новобранцы тотчасъ послѣ звонка спѣшили въ классическія комнаты, усаживались за столы, и всякаго пришедшаго къ нимъ наставника слушали съ полнымъ вниманіемъ, опасаясь, какъ бы какое-либо изъ его драгоцѣнныхъ словъ не ускользнуло отъ нихъ. Если даже собственное сознаніе робко начинало докладывать, что нѣкоторые изъ академическихъ мудрецовъ какъ будто похожи на учителей семинаріи, такъ уже прискучившихъ, то не вдругъ этому вѣрили, даже обвиняли самихъ себя въ неумѣньи понять и оцѣнить мудрецовъ, отъ которыхъ ничего дѣльнаго и путнаго не слыхали. Но это робкое сознаніе, поддерживаемое неудовлетворяемою любознательностію, становилось мало-по-малу посмѣлѣе; здравый смыслъ убѣждалъ, что у нѣкоторыхъ наставниковъ дѣйствительно нечего слушать; потомъ узнавали, что студенты высшаго отдѣленія частенько не ходятъ въ классъ и, сдѣлавшись пооткровеннѣе, прямо поговариваютъ, что и имъ тоже можно рисковать опущеніемъ кое-какихъ лекцій. Относительно же инспектора собственнымъ опытомъ убѣждались, что онъ не всевѣдущъ, что и отъ него можно скрывать свои неисправности и пр. И вотъ, если не черезъ полгода, то чрезъ годъ и въ низшемъ отдѣленіи на нѣкоторыхъ лекціяхъ

можно уже было не досчитываться кое-кого; недочетъ этотъ постепенно увеличивался. О студентахъ высшаго отдѣленія нечего и говорить; тѣхъ уже по пословицѣ, какъ *воробьевъ на мякинѣ не проведешь*.

Само собою разумѣется, что студенты опускали лекціи не у всѣхъ наставниковъ. Къ Борисову, Красносельскому, Кочетову, когда онъ читалъ восемнадцатый вѣкъ, и нѣкоторымъ другимъ не ходить на лекціи было почти немыслимо, къ нимъ являлись даже больные. Далѣе, не бывать у инспектора въ классѣ было опасно; вѣдь сразу въ спискѣ по поведенію за какой-либо мѣсяцъ отмѣтитъ нерадивымъ, неисправнымъ. Про нѣкоторыхъ наставниковъ существовало убѣжденіе, что они мстятъ при составленіи списковъ тому, кого часто не видывали у себя въ классѣ, не ходить къ нимъ побаивались тоже люди робкіе. Затѣмъ въ каждомъ курсѣ едвали насчитывалось человѣкъ пять, которые бы опускали хоть одинъ классъ, если только болѣзнь не мѣшала. Прочіе же, не исключая самихъ гг. старшихъ, были болѣе или менѣе виновны въ этомъ грѣхѣ. Случалось, что къ какому-либо Иванову приходило изъ 50—60-ти человѣкъ не болѣе 20—30-ти даже и менѣе, да и изъ нихъ къ концу класса половина уходила. Сами ректоры, если только не были грозою для студентовъ, видали у себя на лекціяхъ иногда не болѣе половины обязательныхъ слушателей.

Мѣры противъ нехожденія студентовъ въ классъ были разнообразны. Главная между ими состояла въ томъ, что комнатный старшій долженъ былъ выслать всѣхъ своихъ подчиненныхъ въ классъ, запереть дверь и ключъ отъ нея взять съ собою: никто-де такимъ образомъ не останется въ комнатѣ и никто ранѣе положеннаго термина въ нее не можетъ возвратиться. Но студенты съ согласія старшаго, а иногда и вмѣстѣ съ нимъ оставались въ комнатѣ, запирали дверь, но извнутри ея, и ключъ вынимали изъ замка. Инспекторъ, желая убѣдиться въ томъ, исполняются ли его приказанія, отправлялся осматривать студентческія комнаты, находилъ двери запертыми, заглядывалъ въ замочныя скважины, ключа въ нихъ не видѣлъ. Чтобы еще болѣе успокоить свою совѣсть, постучится въ дверь, какъ будто онъ былъ студентомъ, ушедшимъ изъ класса, а то если у двери лежитъ принесенная вязанка дровъ, пошевелитъ ее, постучится, разыгрывая роль служителя. Запершіеся студенты это слышатъ, догадываются о посѣтителѣ, перемигиваются между собою; иной забавникъ выставитъ языкъ стучальщику, но дверь остается по прежнему запертою. Инспекторъ, убѣдившись въ видимой исправности, идетъ въ самодовольствіи домой. Но бы-

вали промахи и со стороны студентовъ-затворниковъ: или дверь останется незапертою, или забудутъ вынуть ключъ изъ замка, или какой-либо простакъ самъ отопретъ дверь стучащему инспектору. Ну, тогда виновные, получивши надлежащую головомойку, принуждены были отправляться въ классъ, иногда съ полузаспанными глазами. Если ихъ немного, то они входятъ одинъ за другимъ незамѣтно. Но случалось, что инспекторъ заставалъ цѣлые десятки студентовъ въ комнатахъ, и отрядами, а то и цѣлою колонною отправлялъ, или какъ тогда правильнѣе выражались, *выгонялъ* въ классъ: ну, тогда уже весь отрядъ массою вступалъ въ него; сидѣвшіе здѣсь знали, отчего появилось такое усердіе слушать лекцію, смѣялись; пришедшіе съ кислыми минами, или съ ребяческою беззаботностію, или съ форсомъ школяра усаживались на свои мѣста; самая лекція иногда должна была на время прерваться.

Чтобы избѣгнуть подобной *выгонки*, студенты находили и другія убѣжища отъ премудрости академической. Въ тотъ день, когда отапливалась баня, на цѣлые два часа отправлялись въ нее мыться во время класса; бывали примѣры, что инспекторъ и туда прихаживалъ, но это случалось очень рѣдко.

Въ лѣтнее время можно было укрываться въ саду и палисадникахъ; иной заберется на средину луга и заляжетъ въ высокой травѣ; другой укроется гдѣ-либо между густыми кустарниками; третій просто посиживаетъ или похаживаетъ въ боковыхъ менѣе посѣщаемыхъ начальствомъ аллеяхъ. Инспекторъ иногда и туда являлся въ качествѣ преслѣдователя; но густо насаженныя деревья не давали ему возможности съ главной аллеи угадать, какой господинъ погуливаетъ на боковой; если ревность къ исполненію своихъ обязанностей заставляла инспектора своротить на боковыя аллеи, то укрывавшійся студентъ ловкимъ манеромъ переходилъ на другую аллею. Чтобы сдѣлать подобныя укрывательства невозможными, не разъ принимались прочищать садъ, т.-е. вырубать столько въ немъ деревьевъ, чтобы оставшимися нельзя было студентамъ прикрывать свои физіономіи. Находили себѣ убѣжища въ самомъ академическомъ домѣ; менѣе спѣсивые просиживали гдѣ-либо въ служительской комнатѣ въ подвальномъ этажѣ, въ правленіи у письмоводителей, въ корридорахъ близъ церкви и пр.; иные просто похаживали около самаго класса; является *невзгода инспекторъ*, они уходятъ въ классъ, и *слѣдъ простылъ*. Одинъ молодецъ любилъ въ такихъ случаяхъ зимою надѣвать профессорскія шубы на свою особу, чтобы сберечь себя отъ холода.

Но вотъ студенты сами пришли, или отчасти *выгнаны* ин-

спекторомъ въ классъ. Впрочемъ, сущность измѣнилась мало. Студенты запасались обыкновенно тетрадями и книгами; и въ то время, какъ одинъ наставникъ читалъ о поврежденности человѣческой природы, о благодати господней, о пришествіи антихриста, о послѣднемъ грозномъ судѣ, другой о томъ, какъ пробуждать заснувшую совѣсть грѣшника, выводить заблудшую овцу на путь спасенія, третій глубокомысленно доказывалъ необходимость любви къ родителямъ, уваженія къ наставникамъ,—студенты читали кто романъ Вальтеръ-Скотта, кто даже Поль-де-Кока; за серьезную книгу взяться было трудно; для чтенія ея надобно было усилить свое вниманіе, которое тутъ развлекалось монотоннымъ чтеніемъ лекціи. Не запасшіеся же ничѣмъ сидѣли, сложивши руки, посматривая на потолокъ, позѣвывая, иногда гдѣ-нибудь на задней партѣ и засыпая. Спрашивали у имѣвшихъ часы, сколько времени остается до звонка. И такъ какъ инспекторъ выгонялъ студентовъ, напр., послѣ обѣда преимущественно въ концѣ 3-го и началѣ 4-го часа, то узнавши, что наступила уже вторая половина 4-го, одинъ по одному начинали уходить изъ класса, съ тѣмъ, чтобы попрежде другихъ поспѣшить съ самоваромъ на кухню и застать тамъ поболѣе горячихъ углей.

Люди, незнакомые съ тогдашнимъ бытомъ духовныхъ академій, прочитавши послѣднія мои замѣчанія, вѣроятно скажутъ: «вотъ и академія, вотъ и высшее учебное заведеніе! вотъ и будущіе кандидаты и магистры богословія, іереи, протоіереи и архіереи! И бурсаки не прибѣгали къ такимъ продѣлкамъ, какъ они, чтобы не сидѣть въ классѣ! Не даромъ же начальство иногда поступало съ ними, почти какъ съ бурсаками!» Мнѣ и самому грустно вспоминать объ этихъ временахъ; сознаюсь, что положеніе академіи было незавидно, но никакъ не рѣшаюсь обвинять въ этомъ студентовъ, особенно однихъ. Ихъ избирали изъ лучшихъ учениковъ семинарій; значитъ они съ предметами семинарскаго курса хорошо уже ознакомились. Но въ академіи читались почти тѣже предметы, какъ и въ семинаріи. Еслибы они вновь преподавались даже не дурно, но почти въ томъ же объемѣ, съ тѣми же пріемами, какъ и въ семинаріяхъ, безъ особыхъ прибавленій, безъ новыхъ взглядовъ или подробностей; еслибы даже говорилось кое-что и новое, но скучно, утомительно; то слушать повтореніе того, что уже поприскучило и въ семинаріи, слушать почти въ видѣ *задовъ*, существовавшихъ тогда при обученіи грамотности; — вѣдь это невыносимо! Студенты были народъ молодой; многіе изъ нихъ ѣхали въ академію, чтобы удовлетворить своей любознательности, получить раз-

рѣшеніе на научные вопросы, которые зараждались въ ихъ горячихъ головахъ, ознакомиться вполнѣ съ наукою изъ желанія быть хорошимъ руководителемъ другихъ къ ней. А тутъ вдругъ одинъ толкуетъ о томъ, какъ лучше перевести: *кони же*, или: *а лошади;* другой растягиваетъ погребальнымъ тономъ небольшой періодъ на нѣсколько минутъ, и даже слово: *которая*—произноситъ въ два пріема; третій никакъ не разберетъ въ своихъ старыхъ пожелтѣлыхъ тетрадяхъ, въ пятой или осьмой главѣ посланія къ римлянамъ находится нужный текстъ; четвертый, сказавши слова два-три, вставляетъ свое: *во, во-во, ну-во*. Да помилуйте, тутъ и не молодая, не горячая голова не выдержитъ, и каменное терпѣніе лопнетъ.

Къ обязательнымъ трудамъ студентовъ принадлежали сочиненія на задаваемыя предложенія. Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ издавна существуетъ обыкновеніе заставлять воспитанниковъ писать сочиненія, какъ можно чаще; напр., въ низшемъ отдѣленіи семинаріи каждую недѣлю нужно было подавать по сочиненію. Почтенное начальство, вѣроятно, думало приложить здѣсь прямое тройное правило, т.-е. чѣмъ больше подано будетъ сочиненій, тѣмъ болѣе окажется въ ученикѣ искусства сочинять; тогда какъ тутъ лучше бы уступить мѣсто тройному обратному правилу, т.-е. чѣмъ болѣе будутъ требовать сочиненій отъ ученика, тѣмъ менѣе у него окажется времени на обдумываніе каждаго изъ нихъ и слѣдовательно тѣмъ хуже онъ будетъ писать. И петербургская академія держалась того-же обыкновенія; въ ней положено было давать по сочиненію на каждые десять дней. Столь короткій срокъ былъ причиною того, что по большей части писали очень тоже краткія сочиненія; вотъ почему послѣднія и назывались *задачками*. И сами наставники сильно заботились о такой краткости, опасаясь затруднить свои глаза чтеніемъ большихъ сочиненій, они требовали, чтобы каждый студентъ писалъ не болѣе, напр., листа, и даже полулиста; тутъ уже выходила даже не задачка, а задачонка. Чтобы вѣрнѣе достигнуть этой цѣли, часто давались такія темы для задачекъ, что дѣйствительно трудно было написать и полулистика. Напр., что́ могъ написать только что поступившій въ академію семинаристъ на предложеніе: an datur criterium veritatis universale, materiale (есть ли всеобщій, матеріальный критерій истины)? А такое именно предложеніе и было дано студентамъ десятаго курса на первый разъ. Иной оригиналъ наставникъ еще проще отдѣлывался отъ труда читать задачки, не принимая уже ни одной, даже и маленькой задачки послѣ назначеннаго для нея срока. Впрочемъ, къ чести нѣкоторыхъ наставни-

ковъ, напр., Делекторскаго, надобно сказать, что они не прибѣгали ко всѣмъ этимъ стѣснительнымъ выдумкамъ, принимали отъ студентовъ большія и малыя сочиненія, и въ срокъ, и послѣ срока; а также давали предложенія ясныя, не затѣйливыя.

Кромѣ десятидневныхъ задачекъ студентамъ высшаго, а иногда и низшаго отдѣленія назначалось писать поочереди проповѣди. Это дѣло доставляло по болѣе хлопотъ. Проповѣдь разсматривалась не однимъ наставникомъ, а и ректоромъ;—ее нужно было произнести въ академической церкви предъ всѣми студентами,—самыми неумолимыми критиками, или въ александроневскомъ соборѣ. Но и тутъ для обуздыванія ораторскихъ порывовъ иногда назначалась рамка для поученій, напр., требовалось, чтобы оно было не болѣе листа, или 5 — 6 четвертокъ. Наконецъ, въ послѣдній годъ или въ послѣднее полугодіе академическаго курса, каждый студентъ писалъ курсовое разсужденіе для полученія ученой степени; тутъ уже не назначалось число листовъ, и потому нерѣдко представлялись чуть не цѣлые трактаты. Много ли было въ нихъ толку, не говорю о томъ; по крайней мѣрѣ бумаги для нихъ не жалѣли; а академическое правленіе по своей добротѣ выдавало особую, лучшую бумагу для переписки набѣло курсового разсужденія. Можетъ быть, тутъ былъ и другой умыселъ. Курсовыя разсужденія изъ академической конференціи отсылались въ коммиссію духовныхъ училищъ, гдѣ прочитывались ея членами. Академическое правленіе побаивалось получить выговоръ, еслибы диссертаціи переписывались набѣло на той синей или сѣрой бумагѣ, какую оно выдавало студентамъ.

Къ концу каждаго полугодія задачки прекращались, но увеличивалась работа отъ репетицій. Наставники спѣшили заставлять студентовъ повторить то, что́ прочитано въ теченіи полугода или, правильнѣе, заучить на память рукописный или печатный учебникъ. Затрудненія тутъ увеличивались отъ побочныхъ обстоятельствъ. Нѣкоторые наставники въ то же время надумывались выдавать новыя свои записки, такъ что студентамъ надобно было ихъ не только заучить, но и списать. Потомъ многія учебныя руководства своимъ языкомъ, своею методою были чрезвычайно затруднительны; тогда еще господствовала въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ мысль, что на нашемъ несчастномъ русскомъ языкѣ нельзя было выражать высокія истины богословскія и философскія; тутъ считалась необходимою латынь. Правда, что въ петербургской академіи уже ректоръ Григорій Постниковъ изложилъ часть догматическаго богословія на русскомъ языкѣ; ему подражалъ Иннокентій Борисовъ отно-

сительно экклезіастики и обличительнаго богословія, и, впослѣдствіи профессоръ петербургскаго университета, Ф. Ф. Сидонскій относительно философіи; но за тѣмъ много еще было руководствъ на латинскомъ языкѣ, на которомъ далеко не всѣ студенты могли свободно объясняться. Далѣе, многіе учебники были написаны слишкомъ схоластически и утомительно для памяти; люди съ хорошею памятью, выучивши ихъ, забывали все дня черезъ два—три. Сюда особенно принадлежали нравственное богословіе на латинскомъ языкѣ, приписываемое покойному Филарету Дроздову, церковная исторія Иннокентія, церковное краснорѣчіе Иванова и философія Винклера. При всѣхъ этихъ *отягчающихъ* обстоятельствахъ, понятно, что студенты во время репетицій были, какъ говорится, *завалены работою*, особенно предъ окончаніемъ учебнаго курса, когда нужно репетировать все, что было пройдено въ теченіи двухъ лѣтъ. Тутъ студенты просиживали почти цѣлыя ночи за своими учебниками. Вотъ и всѣ домашнія оффиціальныя занятія студентовъ! Можно догадаться, что не всѣ они были очень питательны для ума; при помощи ихъ однихъ умственное развитіе студентовъ далеко бы не ушло.

Къ счастію студенты сами помогали себѣ при помощи книгъ. Академическая библіотека и тогда была хороша, почти до конца тридцатыхъ годовъ безденежно получая всѣ вновь выходящія въ Россіи книги; равнымъ образомъ почти постоянно пополнялась она новыми замѣчательными сочиненіями на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Особенно богаты были отдѣлы библіотеки по богословію и философіи; тутъ за исключеніемъ книгъ, которыя брали для себя наставники, оставалось множество другихъ для употребленія студентамъ. Посредствомъ ихъ можно было ознакомиться съ новыми современными идеями тѣмъ удобнѣе, что студентамъ безъ затрудненія тогда выдавались для чтенія книги даже либеральнаго содержанія. А если въ чемъ либо имъ отказывали, то они умѣли доставать на сторонѣ, и даже покупали на свои деньги, какъ напр., богословіе Вегшейдера, считавшееся, такъ сказать, катихизисомъ раціонализма. За тѣмъ множество книгъ приносили изъ города отъ знакомыхъ и изъ публичныхъ библіотекъ; а для выписки газетъ и журналовъ часто дѣлали складчины. Этими-то путями студенты узнавали многое, о чемъ имъ въ классѣ не говорили, въ учебникахъ не писали и не печатали.

Чтобы узнать, хорошіе ли успѣхи оказываютъ студенты въ преподаваемыхъ предметахъ, или чтобы исполнить букву закона, производились въ академіи экзамены. Ихъ можно раздѣлить на три рода: на полугодичные, окончательные и публичные.

Полугодичные производились въ концѣ декабря, а иногда и предъ каникулами. Кромѣ двухъ письменныхъ сочиненій или, какъ ихъ называли, *экспромтовъ*, которые требовалось написать въ теченіи нѣсколькихъ часовъ или не болѣе, какъ въ одинъ день, студентамъ дѣлались устныя испытанія изъ тѣхъ частей наукъ, которыя прочитаны въ теченіи даннаго полугодія. На это назначалось большею частію по два дня, часа 4 — 5 въ день. Такъ какъ всѣхъ наставниковъ было въ академіи 18 человѣкъ, то при равномѣрномъ распредѣленіи времени на каждый предметъ можно было распредѣлить немного болѣе 30 минутъ и проэкзаменовать въ немъ 50—60 человѣкъ. Но на нѣкоторые предметы, особенно на преподаванные ректоромъ и инспекторомъ, а также на философію и т. п. считалось необходимымъ отдѣлять поболѣе времени; отъ этого происходило, что на прочіе предметы оставалось минутъ по десяти на каждый! Кромѣ того тогда еще не оставляли стариннаго обыкновенія обращать экзамены въ нѣчто похожее на словесные турниры. Предсѣдатель, которымъ большею частію бывали ректоръ и викарій петербургскій, дѣлалъ возраженіе противъ того, что читалось, но не всегда для испытанія студента, а часто для опроверженія лекцій. Наставникъ, разумѣется, вступался за свою честь; начиналось словопреніе, продолжавшееся иногда по 20 — 30 минутъ и состоявшее большею частію въ переливаніи *изъ пустого въ порожнее*. Наставникамъ также отъ скуки или отъ желанія отличиться предъ публикою приходила охота заводить подобные споры. Теперь можно судить, что̀ это были за экзамены. По самому почетнѣйшему предмету спрашивали не болѣе 15—20 человѣкъ, т. е. четвертой или третьей части студентовъ. Числа эти затѣмъ постоянно сокращались пропорціонально тому почету, которымъ пользовался тотъ или другой предметъ, а иногда тотъ или другой наставникъ, такъ что по презрѣннымъ предметамъ, къ числу которыхъ особенно принадлежала математика, спрашивали человѣкъ двухъ — трехъ. Прибавьте къ этому, что студентъ, отвѣчая съ своего мѣста за партою, а не у стола, за которымъ сидѣли экзаменаторы, могъ заглянуть въ учебникъ и получить пособіе отъ своихъ сосѣдей, что часто сами наставники спрашивали того, кого находили нужнымъ, отчего нѣкоторыхъ лучшихъ студентовъ тревожили чуть не по каждому предмету, а цѣлую половину не спрашивали ни изъ одного даже. Не обходилось также и безъ плутовства, затѣйниками котораго бывали обыкновенно студенты, а наставники, впрочемъ далеко не всѣ, если не подстрекали ихъ къ тому, то по крайней мѣрѣ и не противодѣйствовали имъ. Къ этому побуждало послѣднихъ то

обстоятельство, что начальство посредствомъ экзаменовъ думало узнавать не только успѣхи студентовъ, но и способности наставника; такъ что если первые отвѣчали плоховато, то и о послѣднемъ составлялось не выгодное понятіе. Вообще не только баккалавры, но и ординарные профессоры при полугодичныхъ экзаменахъ играли жалкую, невыгодную роль. Каждый изъ нихъ во время экзамена по своему предмету долженъ былъ, какъ отвѣтственное и подсудимое лицо, стоять въ промежуткѣ между экзаменаторскимъ столомъ и студентческими партами. За тѣмъ общіе списки составлялись академическимъ правленіемъ или, лучше, однимъ ректоромъ, да развѣ еще инспекторомъ безъ всякаго участія наставниковъ.

Такимъ образомъ, полугодичные экзамены производились только для формы, для исполненія буквы устава академическаго, да развѣ еще для поддержанія авторитета ректора; дѣло отъ нихъ ничего не выигрывало; за то они были очень полезны въ гастрономическомъ отношеніи. По окончаніи экзамена въ первый, а часто во второй день наставники отправлялись къ ректору на закуску, или лучше на сытный обѣдъ, въ которомъ недоставало только такъ-называемаго горячаго, т.-е. ухи или супа. Хотя всѣ кушанья были рыбныя, но довольно порядочно приготовленныя, а главное, чтобы желудокъ не затруднялся переварить ихъ, на столѣ стояло вполнѣ достаточное количество разныхъ винъ; въ заключеніе же всего выпивали по нѣсколько бокаловъ шампанскаго за здоровье митрополита, ректора, господъ наставниковъ и за цвѣтущее состояніе академіи. Затѣмъ, поблагодаривъ хлѣбосольнаго хозяина, расходились всѣ по домамъ съ сознаніемъ исполненнаго долга. Впрочемъ, по правдѣ сказать, ректора вовсе не за что было благодарить. На эти закуски, или обѣды онъ не тратилъ ни копѣйки изъ своихъ денегъ и даже имѣлъ нѣкоторыя выгоды, потому что все недоѣденное и недопитое почти всегда оставалось въ его квартирѣ. Закуски со всѣми винами приготовлялись по распоряженію его экономомъ на казенныя деньги, но безъ внесенія расхода ихъ въ шнуровыя книги. Поэтому наставники, собравшіеся на экзаменъ, обыкновенно спрашивали эконома: будетъ ли нынѣ закуска? если получался отрицательный отвѣтъ, то они мало-по-малу, по минованіи въ нихъ надобности, расходились. Но если отвѣтъ былъ положительный, то наставники хотя и удалялись на время изъ залы, но къ концу экзамена опять возвращались въ нее; такъ что поэтому студенты могли уже догадываться о томъ, будетъ ли у ректора закуска или нѣтъ. Но и ихъ не забывали; обыкновенно въ первый день экзаменовъ столъ для нихъ приготовлялся праздніч-

ный, съ пирогами, все равно, какъ и въ господскіе и высокоторжественные праздники.

Окончательные экзамены были гораздо посерьезнѣе полугодичныхъ, могли даже называться дѣйствительными экзаменами. Они производились не внутреннимъ правленіемъ, а академическою конференціей, которая для каждаго предмета назначала двухъ своихъ членовъ подъ названіемъ депутатовъ. Кромѣ того, въ то же время синодъ поручалъ митрополиту или другому кому либо изъ своихъ членовъ обревизовать академію во всѣхъ отношеніяхъ. Митрополитъ самъ слишкомъ рѣдко являлся на экзамены, предоставляя это своему викарію, но другіе ревизоры неопустительно присутствовали на всѣхъ почти экзаменахъ.

Наконецъ, были еще и публичные экзамены, ежегодно производившіеся въ концѣ іюня. Такъ какъ на нихъ приглашались члены синода, высшіе свѣтскіе чиновники его и коммиссіи духовныхъ училищъ, почетное духовенство и пр., то начальство академическое старалось все представить въ великолѣпномъ видѣ. Разумѣется, все и вездѣ, куда могли заглянуть посѣтители, чистилось, вымывалось, вытиралось; студентамъ приказывалось попринарядиться, попригладить свои волосы; въ столовой приготовлялось для нихъ *утѣшеніе веліе*. Но что касается до учебнаго значенія публичныхъ экзаменовъ, то они едва ли не были смѣшнѣе и нелѣпѣе даже полугодичныхъ. На нихъ назначалось или два дня, а больше одинъ день. Мы уже видѣли, что̀ за каррикатура выходила изъ двухдневныхъ полугодичныхъ экзаменовъ. Теперь понятно, чѣмъ дѣлались однодневные публичные. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что члены синода, какъ представители церковной іерархіи, считали обязанностію побольше заняться догматическими и другими богословіями. Потомъ не обходилось безъ турнирныхъ представленій, т.-е. безъ возраженій, которыми хотѣли *попробовать*, *пощупать*, а иногда и *посконфузить* наставника, а также и себя показать. Результатомъ этого было то, что изъ остальныхъ предметовъ спрашивали по два, по три человѣка, даже по одному, а нѣкоторыхъ наставниковъ вовсе и не тревожили. За то въ концѣ концовъ слѣдовало вполнѣ удовлетворительное гастрономическое наслажденіе.

Митрополитъ Серафимъ, если былъ здоровъ, приглашалъ членовъ синода и оберъ-прокурора на обѣдъ къ себѣ. Затѣмъ прочіе посѣтители переименовывались уже въ гостей и вмѣстѣ съ наставниками отправлялись въ комнаты ректора, гдѣ былъ уже готовъ великолѣпный обѣдъ. Закусывали, выпивали, потомъ пили, ѣли, поздравляли съ окончаніемъ трудовъ; иной удивлялся успѣхамъ студентовъ; другой рѣшался на критику; общаго пред-

мета для разговора уже не могло быть; разсуждали и обо всемъ, и о ничемъ, спорили и пр. и пр.; ну, словомъ сказать, дѣлалось все, что бываетъ за большими обѣдами, когда за столомъ сидитъ человѣкъ до 50—60.

Нѣкоторые, а можетъ быть и многіе, прочитавши мои воспоминанія объ учебномъ, нравственномъ и экономическомъ состояніи петербургской духовной академіи, подумаютъ: не красивая же она была, не отдѣлялась даже и отъ семинарій *дистанціей огромнаго размѣра*; да и академистовъ какъ будто трудненько отличать отъ бурсаковъ! Отсюда легко уже вывести заключеніе, что и общество, и церковь немного получали пользы отъ тогдашнихъ духовныхъ академій;—но это было бы слишкомъ произвольное заключеніе, и не во всемъ была виновна одна академія. Наконецъ, академія приносила и положительную пользу—относительно семинарій.

Еще въ семинаріяхъ вырабатывалось пагубное убѣжденіе, что умнѣе семинаристовъ на свѣтѣ почти никого нѣтъ. Авторъ изданной за границею книги: «Описаніе сельскаго духовенства», уже указалъ на этотъ недостатокъ: «Семинаристъ безъ претензій—явленіе, едва ли виданное когда-нибудь. Самолюбіе самое пошлое, безсмысленное и, несмотря на то, обнаруживающееся слишкомъ рѣзко и угловато,—вотъ чѣмъ набитъ учепикъ семинаріи, особенно кончившій курсъ, съ головы до пятокъ» *). Основаніе для такого самолюбія, для такого высокаго мнѣнія о себѣ семинаристы брали изъ того понятія, которое имѣли они о богословіи, философіи и реторикѣ,—наукахъ, считавшихся въ семинаріяхъ главными. Наставники говорили, а семинаристы вѣрили, что богословіе открываетъ *всѣ* доступные и даже недоступные человѣку тайны божества, философія разрѣшаетъ *всѣ* вопросы относительно міра и человѣка, реторика разъясняетъ *всѣ* формы, которыми выражаются мысли человѣческія. Какъ же человѣку, выучившемуся этимъ тремъ наукамъ и чрезъ нихъ ознакомившемуся съ божественнымъ и человѣческимъ, небеснымъ и земнымъ, горнимъ и преисподнимъ (а между тѣмъ незнающему порядочно даже ариѳметики) не подумать, что онъ умнѣйшая голова на свѣтѣ, особенно если въ спискѣ своихъ товарищей занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ? Не даромъ же многіе изъ образованныхъ людей, обучавшихся въ духовной академіи,

---

*) Это убѣжденіе вообще развивается легко и не въ однѣхъ семинаріяхъ, а вездѣ, гдѣ, подъ предлогомъ классицизма, господствуетъ схоластика. — *Ред.*

сознаются, что они имѣли самое высокое понятіе о себѣ при поступленіи въ нее. Отъ этой самолюбивой мечты академисты большею частью скоро вылечивались. Въ составъ каждаго изъ академическихъ курсовъ вызывались лучшіе семинаристы почти всегда не менѣе, какъ изъ 20 семинарій. Итакъ, вотъ 20 первыхъ, 20 вторыхъ и нр. лучшихъ учениковъ. Кто изъ нихъ будетъ первымъ и, увы! послѣднимъ? Академическіе наставники, съ перваго по крайней мѣрѣ раза, обращаются, конечно, вѣжливо, но одинаково со всѣми и не оказываютъ никому особеннаго предпочтенія, даже не знаютъ и знать не хотятъ, кто изъ ихъ слушателей былъ первымъ, кто вторымъ и т. д. Какой же ударъ для самолюбія, когда болѣе половины первыхъ, вторыхъ и нр. къ полугодичному экзамену оказываются во второмъ разрядѣ, а нѣкоторые, по неизбѣжному закону судьбы, и послѣдними? Да и перворазрядные, и даже первые начинаютъ понимать, что они не Богъ-знаетъ какъ умнѣе второ-разрядныхъ; залѣнись, позазѣвайся немного, и самъ явишься во второмъ разрядѣ; случалось, что занимавшій первое мѣсто въ теченіи двухъ лѣтъ не оканчивалъ курса магистромъ. По неволѣ приходилось заглянуть въ себя; по неволѣ зарождалось сомнѣніе въ своей глубокой, всеобъемлющей учености.

Но на сомнѣніи не останавливались; скоро мало-по-малу зарождалось и полное убѣжденіе, что знанія, на основаніи которыхъ мы привыкли было считать себя богословами, философами и ораторами, оказываются чѣмъ-то похожимъ на незнаніе, *мыльнымъ*, такъ сказать, *научнымъ пузыремъ*. Слушая новую словесность, студенты къ великому своему удивленію убѣждались, что ихъ реторика не учила краснорѣчію, а только отъучила говорить по-человѣчески; что образцами для слога нужно брать сочиненія не Хераскова, Озерова, Ломоносова, Державина и даже митрополита Филарета, а Карамзина, Жуковскаго и особенно Пушкина. И относительно семинарской философіи узнавали, что она есть сборъ отжившихъ свой вѣкъ схоластическихъ позицій, что появились уже новые взгляды на вселенную и человѣка, съ которыми ей нѣтъ возможности ужиться. Зарождались сомнѣнія и относительно богословскихъ положеній. Въ этомъ случаѣ, смѣшно сказать, что либерализмъ начинался съ сухарей, подобно тому, какъ у кавказскихъ горцевъ европейская образованность первоначально выказывалась питьемъ водки. Въ первые дни по пріѣздѣ новыхъ, старшіе студенты, угощая ихъ чаемъ, покупали скоромные сухари, хотя бы угощеніе происходило и въ постный день. Конечно, тутъ руководило угощавшимъ маленькое фанфаронство: — вотъ-де знай нашихъ; мы

знать не хотимъ постныхъ дней! Но новичокъ не догадывался объ этомъ, а бралъ сначала съ робостію сухарики, и убѣдившись, что они вкусны, не останавливаются въ горлѣ, перевариваются въ желудкѣ такъ же, какъ и въ скоромные дни, хватался за нихъ посмѣлѣе. Вскорѣ, а иногда и тутъ же узнавали, что не все, считавшееся въ семинаріи грѣхомъ, есть дѣйствительно грѣхъ, что и въ нѣкоторыхъ изъ «несомнѣнныхъ» истинъ можно безбоязненно и съ полнымъ правомъ поусомниться.

Все это въ людяхъ съ посредственными способностями, съ наклонностію къ рутинному настроенію, безъ стремленія къ отчетливому знанію, пошевелилось бы не надолго, и потомъ успокоилось бы; они поворотили бы опять на прежнюю дорогу, даже получили бы окончательное отвращеніе къ наукѣ вообще, особенно если бы всѣ наставники были въ родѣ Смарагдовъ Крыжановскихъ, Венедиктовъ Григоровичей, Ивановъ Ивановыхъ и пр. Но въ академію поступало не мало даровитыхъ людей, съ горячими головами, которые давно уже инстинктивно понимали, что семинарскія, и богословіе, и философія, и вся вообще семинарская мудрость что-то неудовлетворительны и непитательны. Они, получивши даже легкій толчекъ, и сами проложили бы себѣ новую дорогу. Но ихъ расшевеливали и порасталкивали не одни земляки *сухарнымъ либерализмомъ*; сильное пособіе къ умственному своему развитію они получали отъ дѣльныхъ наставниковъ, которые, какъ я уже говорилъ, были въ петербургской духовной академіи, хоть и въ небольшомъ количествѣ.

Наконецъ, въ большей части высшихъ учебныхъ заведеній есть особое, каждому изъ нихъ свойственное умственное и нравственное образованіе воспитанниковъ; — его называютъ *духомъ училища*. Оно развивается и изъясняется цѣлою исторіей заведенія, передается отъ одного курса къ другому подобно тому, какъ отличительныя фамильныя черты нѣкоторыхъ семействъ переходятъ отъ предковъ къ потомкамъ,—пожалуй, почти также какъ инстинктуальныя наклонности животныхъ отъ одного поколѣнія къ другому. Духъ этотъ, какъ бы въ подражаніе раздѣленію такъ-называемыхъ безплотныхъ духовъ, бываетъ *добрымъ и злымъ*. Не касаясь послѣдняго, я скажу, что въ описываемое мною время въ петербургской духовной академіи господствовалъ и *добрый духъ*, который стремился къ философскому самомышленію, къ свободному пересмотру началъ знанія и вѣры, къ самостоятельности въ жизни. Можетъ быть, хоть и не вполнѣ, онъ получилъ свое начало въ первомъ еще курсѣ. Многіе изъ студентовъ, тогда пріѣхавшіе въ академію, были,

какъ я уже говорилъ, изъ учителей, изъ воспитанниковъ, кіевской, московской и александроневской академій; они не позволяли трактовать себя, какъ мальчишекъ; да и первые два ректора не убивали ихъ самостоятельности. Кромѣ того, и въ научномъ отношеніи они дѣлали большой шагъ впередъ и могли, хоть и не всѣ, считать себя образованными людьми по тогдашнему времени. Филаретъ Дроздовъ старался-было подавить этотъ духъ и студентовъ передѣлать въ нѣчто похожее на монастырскихъ послушниковъ; отъ этого второй, третій и отчасти четвертый выпуски были несравненно слабѣе перваго. Но духъ не былъ вполнѣ задавленъ, онъ все-таки поддерживался Павскимъ, Себржинскимъ, Райковскимъ и другими наставниками; и потому при Григоріѣ Постниковѣ онъ опять пробудился и ожилъ, отъ чего студенты пятаго и шестого выпусковъ оказались лучше студентовъ даже перваго. Наконецъ, при Борисовѣ и Краснопольскомъ поокрѣпнулъ духъ философской любознательности, даже духъ довольно сильнаго стремленія къ религіозной и политической независимости. Пусть обучавшіеся въ то время въ академіи припомнятъ тѣ горячіе и оживленные споры о философскихъ, богословскихъ и пр. предметахъ, которые тогда происходили у студентовъ и между собою въ комнатахъ, и съ наставниками въ классахъ. Развѣ не случалось, что лекція прерывалась надолго, споры продолжались по получасу и по часу, въ нихъ принимали участіе человѣкъ пять и даже десять? Отъ запальчивости, отъ горячности антогонистовъ истина тутъ не всегда выплывала наружу, но самая эта запальчивость и горячность показывали, что она слишкомъ интересовала споривщихъ. Что касается до высказывавшихся мыслей, то всѣхъ ихъ и теперь нельзя было бы напечатать *по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ*. Далѣе, сколько было студентовъ, которые, не зная нѣмецкаго языка, выучивались ему въ годъ, полгода и даже въ меньшій срокъ, съ тѣмъ только, чтобы поскорѣе читать книги нѣмецкія? Къ любимымъ предметамъ принадлежали философія и богословіе, особенно въ раціоналистическомъ тонѣ. Развѣ мало было тружениковъ, которые, такъ сказать, корпѣли надъ сочиненіями Канта, Шеллинга, Гербарта, Шада, Круга, Вегшейдера, Брейтшнейдера, Розенмюллера, Деветте, Маренекке и пр. и пр.? Студенты любили также заниматься и словесностію; сами на свои деньги, какъ я уже сказалъ, выписывали тогдашніе журналы; критическія и ученыя статьи «Московскаго Телеграфа» съ жадностію ими прочитывались. Не смотря на то, что издатель «Телескопа» былъ изъ духовнаго званія, его журналъ ставили ниже «Телеграфа». Романы Вальтеръ-Скотта и Купера и

особенно Загоскина чуть ли не всѣхъ интересовали. Въ подтвержденіе этого ссылаюсь на студентовъ X-го выпуска. Пусть припомнятъ, какъ они въ самый разгаръ холеры 1831 года въ числѣ 30 — 40 человѣкъ, собравшись въ одну комнату, цѣлую ночь просидѣли, слушая Рославлева,—второй романъ Загоскина, описывавшій событія 1812 года. Академисты не чуждались даже и политики, и въ этомъ отношеніи едва-ли не были выше студентовъ, по крайней мѣрѣ, петербургскаго университета. Въ самомъ дѣлѣ, Панаевъ, — студентъ его, въ своихъ запискахъ пишетъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго «понятія о значеніи политическихъ движеній. Іюльская революція не произвела на него ни малѣйшаго впечатлѣнія» и пр.? Къ современнымъ ему студентамъ петербургской духовной академіи подобный отзывъ неприложимъ.

Такимъ образомъ, въ студентахъ петербургской академіи могло бы быть много зачатковъ и задатковъ для хорошаго умственнаго образованія, для того чтобы изъ нихъ вышли полезные дѣятели и въ литературѣ, и въ обществѣ. Но такое заключеніе на самомъ дѣлѣ не очень сильно подтверждается. Пересматривая списки студентовъ, принадлежавшихъ къ описываемому времени, встрѣчаешь слишкомъ мало людей, которые бы успѣли, если не прославить себя, то хоть пріобрѣсти извѣстность своими учеными и литературными трудами. То же самое можно сказать и о другихъ родахъ общественной дѣятельности; хорошіе зачатки не много принесли хорошихъ плодовъ. Отъ чего же это произошло?

Школа, даже университетская, не дѣлаетъ еще своихъ питомцевъ вполнѣ готовыми, общественными дѣятелями, литераторами, учеными и пр.; она только подготавливаетъ ихъ къ тому; затѣмъ каждый изъ нихъ долженъ позаботиться объ окончательномъ своемъ образованіи, — *довоспитать* себя. Если среда, въ которую попадетъ воспитанникъ по окончаніи курса хоть въ самомъ высшемъ учебномъ заведеніи, будетъ благопріятствовать его дальнѣйшему умственному и нравственному развитію, то дѣло пойдетъ хорошо; въ противномъ случаѣ, все, что ни запало въ душу воспитанника во время его школьной жизни, замретъ, заглохнетъ, или по крайней мѣрѣ остановится въ развитіи своемъ; развѣ только сильныя, даровитыя натуры съумѣютъ уберечь себя отъ подобной смерти.

Къ несчастію студентовъ петербургской духовной академіи, неблагопріятныя для ихъ умственнаго развитія обстоятельства начинались еще въ самой академіи. Въ низшемъ отдѣленіи студенты гораздо больше занимались своимъ дѣломъ, нежели въ

высшемъ. На это была не одна причина. Наставники въ низшемъ отдѣленіи почти всѣ были или священники, или свѣтскіе; если не всѣ они, то многіе изъ нихъ, живя, такъ сказать, одною своею наукой, смотрѣли на занятія ею очень серьезно, и даже пристращивались къ ней, и потому преподавали ее удовлетворительно. Самыя науки въ этомъ отдѣленіи очень сильно интересовали молодой умъ, предоставляя ему самостоятельно развиваться. Наконецъ, въ студентахъ не успѣвала еще остынуть та горячность, съ которою они ѣхали въ академію, въ надеждѣ получить разрѣшеніе на вопросы, затрогивавшіе ихъ любознательность.

Въ высшемъ отдѣленіи многое измѣнялось; тутъ уже преобладала наука чисто богословская. «Богословская же наука—выразимся словами бывшаго рязанскаго архіепископа Иринарха (о преподаваніи богословія въ университетахъ, стр. 37),—основанная на божественномъ откровеніи, не требуетъ никакихъ измѣненій, улучшеній и усовершенствованій, также какъ и самое откровеніе. Кто ее преподавалъ два-три года, тотъ послѣ можетъ быть преподавателемъ ея почти безъ всякаго приготовленія и излагать ее весьма легко со всею подробностію». Замѣтьте, что такъ говоритъ архіепископъ въ оффиціальномъ своемъ отзывѣ министерству народнаго просвѣщенія. Можетъ быть, это и нужно для устойчивости богословія, но нельзя не сознаться, что при такомъ взглядѣ на нее богословскія лекціи уже не заинтересуютъ молодого человѣка, который притомъ еще прежде ознакомился съ ними въ семинаріи. Повторять и слушать только то, что́ уже давно извѣстно, не смѣть и думать о чемъ-либо новомъ подъ опасеніемъ быть уличеннымъ въ ереси, все новое вставлять такъ или иначе въ извѣстныя рамки, одинъ разъ навсегда устроенныя, — такая умственная дѣятельность неувлекательна, скоро прискучиваетъ. Только люди, подобные Иннокентію Борисову, могутъ заинтересовать богословскими лекціями,—но и тутъ нужно беречься обвиненія въ ереси, вольнодумствѣ и пр. Къ этому прибавить нужно, что наставниками по богословскимъ предметамъ въ академіи въ то время были почти исключительно монашествующіе. А выше уже было сказано, какъ мало они имѣли поводовъ быть исправными и дѣятельными преподавателями.

Послѣ этого понятно, какое вліяніе долженъ былъ имѣть на студентовъ ихъ переходъ въ высшее отдѣленіе. Можетъ быть, и въ низшемъ отдѣленіи они уже почувствовали недостаточность академическаго образованія, невозможность при помощи его удовлетворить своей любознательности. Но теперь имъ начина-

ютъ читать тоже самое, что они уже слышали въ семинаріяхъ, часто почти тѣми же словами, по той же методѣ, со внушеніемъ, что тутъ разсуждать нечего.

Много было и другихъ обстоятельствъ, останавливавшихъ умственное развитіе студентовъ высшаго отдѣленія.

По окончаніи академическаго курса студенты наибольшею частію попадали въ такую среду, гдѣ умственное развитіе встрѣчаетъ еще болѣе сильныя препятствія, и гдѣ можно было проявить свою общественную дѣятельность въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Лучшіе студенты, какъ я уже говорилъ, оставались при академіи баккалаврами. Здѣсь самая должность, личное самолюбіе и даже личныя выгоды заставляли заниматься наукою. Нѣкоторые изъ этого сорта академистовъ вышли, если не учеными, то по крайней мѣрѣ хорошими преподавателями. Но большая часть баккалавровъ, ознакомившись съ неблагодарною академическою службою, спѣшили поскорѣе пристроить себя, при помощи невѣстъ, на священническія мѣста въ Петербургѣ. Тѣ, которые попадали въ законоучители учебныхъ заведеній, не оставляли своихъ ученыхъ занятій и даже пріобрѣтали извѣстность своими печатными сочиненіями. Поступившіе въ священники приходскихъ церквей съ большимъ трудомъ уже могли заниматься ученостію. Мелочныя заботы по исправленію требъ, необходимость бывать въ разныхъ мѣстахъ, расширяющійся болѣе и болѣе отъ этого кругъ знакомства, невозможность часто и на долгое время сосредоточивать свое вниманіе на какомъ-либо ученомъ трудѣ и множество другихъ обстоятельствъ дѣлаютъ то, что только немногіе изъ священниковъ приходскихъ петербургскихъ церквей имѣли и имѣютъ время и охоту заниматься наукою. Хотя они и называются «духовными» людьми, но житейскія заботы сильно влекутъ ихъ къ матеріальнымъ интересамъ.

Наибольшая часть академистовъ поступали въ наставники по семинаріямъ. Здѣсь скудное жалованье, почти отсутствіе какихъ бы то ни было наградъ и поощреній, безнадежность въ будущемъ, ничтожное значеніе въ самомъ заведеніи, угнетеніе и невниманіе со стороны ближайшей, недоступность болѣе высокой власти пробуждали апатію не только къ наукѣ, а даже къ жизни; а если бы и оставалось какое-либо еще стремленіе къ наукѣ, то ему трудно было удовлетворить за невозможностію имѣть какія-либо ученыя пособія. Тутъ еще болѣе, нежели въ академіи, старались пристроиться гдѣ-либо священникомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оставаться наставникомъ. При этомъ условіи являлась необходимость не столько заниматься наукою, сколько

раболѣпствовать предъ властями, которымъ слишкомъ легко было устранить изъ семинаріи тѣхъ, кто имъ не нравился; здѣсь служба часто обращалась въ *прислуживаніе*; а наукѣ съ лакействомъ мудрено уживаться.

Наконецъ, иные тотчасъ послѣ окончанія академическаго курса, или послуживши немного наставниками въ академіи или семинаріи, переходили на гражданскую службу. Неподготовленность къ ней, недостатокъ протекціи, неумѣнье держать себя съ свѣтскою ловкостію болѣе или менѣе затрудняли дорогу къ высшимъ должностямъ. Можетъ быть иной и мечталъ быть Сперанскимъ, но приходилось умирать совѣтникомъ въ какой-либо палатѣ, даже секретаремъ въ консисторіи; завидовали тому, кто дѣлался начальникомъ отдѣленія, вице-директоромъ, и рѣдкій, рѣдкій дослуживался до званія директора департамента и т. п. Такимъ образомъ, приходилось быть извѣстнымъ почти только въ одномъ своемъ *муравейникѣ*.

Итакъ, какія же благотворныя послѣдствія оставила въ обществѣ, или по крайней мѣрѣ въ духовенствѣ петербургская духовная академія описываемаго мною времени? Никакого, надобно было бы отвѣчать, если принять за правило, что о вліяніи всякаго учебнаго заведенія надобно судить единственно потому, вышли ли изъ него такія лица, которыя пріобрѣли историческое значеніе и отъ которыхъ видимымъ образомъ произошла та или другая реформа, то или другое, какъ говорятъ, капитальное событіе въ обществѣ. Но вліяніе, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ быть дѣйствительно произведено не однимъ, но многими, и притомъ такъ, что нѣтъ возможности указать на выдающіяся изъ нихъ личности, которымъ бы исключительно, или преимущественно можно было приписать реформу или событіе. Напримѣръ. Послѣ австро-прусской войны 1866 года вездѣ стали говорить, что въ ней побѣду одержалъ надъ австрійцами «школьный прусскій учитель», т.-е. учитель народныхъ прусскихъ школъ. Но можно ли указать на кого либо изъ множества этихъ учителей, который бы особенно способствовалъ побѣдамъ 1866 г.? Получилъ ли хоть одинъ изъ нихъ извѣстность историческую, особенно съ разсматриваемой нами стороны? Имѣютъ ли право прусскіе учителя шестидесятыхъ годовъ сказать, что они одни, а не ихъ предшественники заслуживаютъ благодарность своего отечества? Разумѣется, что на всѣ эти вопросы приходится отвѣчать: нѣтъ; а между тѣмъ учителя народныхъ прусскихъ школъ одержали побѣду надъ австрійцами, только учителя не однихъ шестидесятыхъ, или пятидесятыхъ годовъ, а всего времени, начиная съ 1807 года. Можетъ быть,

что учителя первой половины этихъ годовъ, напр. до 1830 и даже 1840 г. заслуживаютъ даже большей похвалы, нежели ихъ преемники; послѣдніе шли по пробитой дорожкѣ, а тѣмъ надобно было прокладывать ее и по временамъ бороться съ появлявшеюся въ обществѣ реакціей.

Дѣлая такое сравненіе, я вовсе не хочу утверждать, что петербургская духовная академія имѣла такое же вліяніе на Россію, какое народныя школы имѣли на Пруссію; я выбралъ примѣръ для того только, чтобы удобнѣе объяснить свою мысль. Идеи, какъ говорятъ, не умираютъ; ихъ можно придавливать, на время пріостанавливать, даже искажать, но онѣ все-таки распространяются, и если не всегда являются въ надлежащей, такъ сказать, своей формѣ, то по крайней мѣрѣ обнаруживаютъ свое вліяніе по послѣдствіямъ, которыя отъ нихъ проистекаютъ. Въ описываемое мною время много было въ петербургской духовной академіи высказано новыхъ, неслыханныхъ дотолѣ философскихъ, богословскихъ и др. идей, шедшихъ въ разрѣзъ съ господствовавшими тогда мыслями. А студенты изъ переданныхъ имъ идей вывели, при помощи логической послѣдовательности, еще большее количество умозаключеній. Потомъ разсудокъ ихъ, сбросивши съ себя оковы въ теоретическихъ истинахъ, сталъ смѣло смотрѣть и на практическую жизнь, увидѣлъ и осмѣлился обсуждать множество злоупотребленій, недостатковъ и безпорядковъ въ духовной и духовно-училищной администраціи. Идеи и результаты, къ которымъ студенты неизбѣжно доходили, не всегда можно было высказывать всѣмъ своимъ слушателямъ прямо, откровенно. Но никто не могъ попрепятствовать разсужденіямъ въ кругу близкихъ людей, которые «*не выносятъ сора изъ избы*», или высказывать только факты и явленія, на которыхъ основывается та или другая идея, а окончательный выводъ ея предоставлять догадливости слушателей. Если же и это оказывалося неудобнымъ и опаснымъ, то можно было молодымъ людямъ указать настоящую дорогу къ пріобрѣтенію основательныхъ свѣдѣній, т.-е. пріучить ихъ составлять правильныя сужденія и умозаключенія при помощи математическаго анализа, опытовъ и наблюденій, такъ-называемымъ индуктивнымъ методомъ.

Остававшіеся при академіи наставники едва ли не энергичнѣе другихъ своихъ товарищей могли дѣйствовать и дѣйствовали. Несмотря на гнетъ, подъ которымъ имъ приходилось жить въ тридцатыхъ, сороковыхъ и даже въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, сѣмена, посѣянныя Борисовымъ, Красносельскимъ, Делекторскимъ, Павскимъ и пр., не погибли, а давали отростки; духъ пытливости, критицизма и любознательности

былъ истребляемъ, но не истреблялся въ академіи, а недовольство господствовавшими въ духовно-учебномъ и духовномъ вѣдомствѣ безпорядками и злоупотребленіями едва ли не увеличивалось. Авторитеты прежніе падали; въ этомъ случаѣ всего лучше указать на Филарета Дроздова. Его библейскую исторію, его записки на книгу бытія, его проповѣди перестали считаться въ академіи образцовыми; надъ ними, особенно надъ ихъ слогомъ безпощадно смѣялись; сами монашествующіе, наконецъ, и въ статьяхъ, печатаемыхъ въ «Христіанскомъ Чтеніи», и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, даже въ проповѣдяхъ, уже не подражали Дроздову.

Скажемъ нѣсколько словъ и о тѣхъ тогдашнихъ студентахъ, которые поступали священниками въ Петербургѣ. Конечно, не всѣ они принадлежали къ партіи духовнаго прогресса; иные оказывались порядочными даже ретроградами; но по крайней мѣрѣ большая часть ихъ не была почитателями тѣхъ лицъ, которыя старались тогда парализировать умственное движеніе въ духовномъ званіи; нѣкоторые же изъ нихъ держались идей Борисова, Красносельскаго и Павскаго и пр. Но почти всѣ съ неудовольствіемъ переносили тотъ іерархическій, и особенно педагогико-монашескій гнетъ, который тяготѣлъ тогда надъ духовенствомъ. Наконецъ, и отъ тѣхъ студентовъ, которые посылались наставниками въ семинаріи, много, очень много такъ или иначе распространено новыхъ идей богословскихъ, философскихъ и пр., много мыслей относительно неудовлетворительнаго положенія духовныхъ училищъ.

Гдѣ же доказательства того вліянія, которое я приписываю петербургской духовной академіи извѣстнаго періода? Гдѣ тѣ *австрійцы*, которыхъ ей удалось побѣдить? У насъ до сихъ поръ лица такъ щекотливы, что я ихъ не стану трогать; они готовы вступаться даже за *австрійскія идеи*. Лучше укажу на реформы, произведенныя въ послѣднее время въ духовныхъ училищахъ и духовенствѣ. Несправедливая привилегія ученаго монашества занимать всѣ начальническія должности въ семинаріяхъ и отчасти въ академіяхъ—отмѣнена. Вотъ уже какъ нѣсколько лѣтъ вновь опредѣляемые ректоры почти всѣ принадлежатъ къ бѣлому духовенству, а инспекторы—и къ мірянамъ: даже въ трехъ академіяхъ инспекторствуютъ тоже свѣтскіе профессоры. Ректоры и инспекторы семинарій только утверждаются синодомъ, а первоначальное избраніе ихъ зависитъ отъ собранія всѣхъ наставниковъ ея. Бѣлому духовенству предоставлено право участвовать въ управленіи духовно-учебными заведеніями епархій; депутаты его избираютъ смотрителей низшихъ училищъ,

повѣряютъ ихъ не только хозяйственное, но и учебное управленіе; они же избираютъ въ училищныя и семинарскія правленія членовъ, которые, не говорю уже объ административномъ вліяніи, имѣютъ право слѣдить въ классѣ за преподаваніемъ наукъ наставниками. Автократизмъ ректоровъ устраненъ; большинство членовъ распорядительнаго и особенно педагогическаго правленія состоитъ изъ депутатовъ отъ духовенства и отъ наставниковъ. Содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ такъ улучшено, что, можетъ быть, недалеко то время, когда о бурсѣ можно судить будетъ только по преданію. Раздѣленіе преподаваемыхъ предметовъ на главные и второстепенные—уничтожено; для окончанія курса въ семинаріи нынѣ нужно ученику знаніе математики точно также, какъ и знаніе богословія. Духовныя академіи получили коренное преобразованіе; организація ихъ почти одинакова съ организаціей университетовъ; жаль только, что ректоръ назначается не по избранію академическаго совѣта, а порядкомъ административнымъ. Реформы коснулись и самого бѣлаго духовенства; вспомните новые штаты церквей, новый составъ причта, уничтоженіе духовнаго званія, какъ отдѣльной касты, отмѣну передачи мѣстъ по наслѣдству и чрезъ невѣстъ и пр. и пр. Перечислять всѣ реформы по духовному вѣдомству и его училищамъ, было бы очень продолжительно, А сколько еще вновь ихъ приготовляется? Не говорю о томъ, чтобы всѣ новыя реформы были вполнѣ удовлетворительны. Къ большому еще сожалѣнію ихъ стараются передѣлать на старый ладъ сильные авторитеты, *консерваторы старинныхъ безпорядковъ*. Въ семинаріяхъ злоупотребленія отчасти предотвращаются членами-ревизорами духовно-учебнаго комитета; въ епархіальномъ же управленіи еще въ ходу: «Sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas»! За всѣмъ тѣмъ, такъ много уже сдѣлано, такъ много подготовляется, что чрезъ нѣсколько лѣтъ при благопріятныхъ, разумѣется, обстоятельствахъ, духовенство наше должно вполнѣ преобразоваться къ лучшему...

И все же не лишнее вспомнить недавно прошедшее, такъ какъ нельзя утверждать, чтобы не было совсѣмъ путей къ возвращенію, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ, и что «корабли совсѣмъ сожжены».

Р. С.